Николай Косых

Русская поэзия

**Россия – Третий
Рим**

Межрегиональный общественный
благотворительный фонд «Глас ангельский Руси»

Москва
2019

Истина

Как я страдал!
Но лишь в страданиях был свет.
Как я устал!
Но так рождается поэт.

Николай Косых

Размышления о поэте и поэзии

Не каждый пишущий стихи является поэтом. Не всякое стихотворение, пусть даже правильно и виртуозно составленное, имеет отношение к поэзии. Мало уметь выражать свои мысли в рифму при соблюдении размера и ритма. Этому, кстати, вплоть до первой четверти XIX века учили студентов во всех высших учебных заведениях. Предмет назывался «Пиитика», или – искусство стихосложения. Каждый образованный человек среднего и позднего средневековья мог грамотно и дельно сострять несколько стишат, руководствуясь правилами пиитики своего времени. Да и назывались тогда пишущие стихи не поэтами, а пиитами, т. е. стихописцами. А звание «Поэт» присваивалось лишь избранным.

Так в чём же отличие поэта от стихописца? Стихописец в рифмованных строчках показывает людям себя, свои чувства, свои переживания. Он ищет вселенную в себе. И поэтому от пишет стихи.

Поэт же отрекается от собственного «я». Он раскрывает людям их собственный мир, в котором они живут, но зачастую не видят его. Поэт ищет себя во Вселенной. И поэтому он не пишет стихи, а записывает их. Ибо Поэзия живёт вне Поэта, и задача второго уловить её, выслушать её из Вселенной и по возможности правильно донести до читателя.

Как же отличить поэта от стихописца? Очень просто. Стихописцы, даже самые способные, похожи друг на друга. Нет, конечно, не формой своих стихов (хотя чаще всего и в этом они схожи), а углом зрения, под которым они смотрят на окружающий их мир. Их творческое мышление унифицировано, т.е. стандартно. Поэт же даёт совершенно

иной ракурс зрения на всё, что происходит вокруг. Он заставляет читателя совершенно по-новому осмыслить видимую и невидимую действительность.

А ещё Поэт показывает мир таким, каким он должен быть по замыслу Божьему. Отталкиваясь от низменных реалий жизни, он в своем творчестве всегда устремлен вверх. Истинная поэзия неотделима от мрака, грязи и страданий, присущих этому миру, но она всегда имеет своей целью свет, чистоту и блаженство Вечной Жизни. Это есть поэзия вертикали – поэзия от Бога.

Чтобы рождал подобную поэзию, поэт должен уметь перевоплощаться, т.е. уметь переставать быть собой, видеть только себя, писать только о себе любимом. Ибо, чтобы выразить душу всего народа, необходимо обладать способностью принимать в себя душу любого представителя народа. Дар перевоплощения – это и есть главный признак настоящего поэта. И в этом заключается его отличие даже от очень талантливого стихописца.

Таким настоящим поэтом и является Николай Косых. Способность к перевоплощению даже неискушенному читателю сразу становится заметной в его произведениях. Николай Косых умеет видеть мир глазами другого человека, будь то ветеран войны или бытовой алкоголик, ребенок или женщина, древний воин или современный бомж. Поэт не идеализирует этот мир, но и не гнушается им, не смотря на всю пошлость и несуразность, присущие ему. Из этого мира, потерявшего ориентацию в пространстве и времени из-за суеты и беспринципности, он создает новый мир, который знает, куда стремится.

Герои стихотворений Николая Косых иногда предстают перед читателем весьма в неприглядном виде: закоренелые грешники. Но в душе каждого из них пусть незримо, но теплится та Божья искра, из которой в любой момент может возгореться великое пламя истиной святости.

Особо следует сказать о помещенной в данной книге поэме «Третий Рим». Это грандиозное эпическое произведение, охватывающее почти тысячелетний период нашей истории. Каждая его часть представляет из себя отдельное повествование об одном из многих сражений, ставших вехами на пути становления Русской цивилизации. Это не просто абстрактный пересказ исторически зафиксированных фактов. Николай Косых проводит читателя от Киевской Руси, раздираемой междоусобицей, до современной России, переживаемой не менее трудные времена, предлагая ему (читателю) увидеть весь этот путь глазами тех, кто его прошел. В поэме живут и действуют вымышленные, но столь реальные участники тех далеких и близких к нам событий, что, кажется, будто видишь и слышишь их, и вместе с ними отражаешь набеги хазар; вместе с ними под хоругвями Александра Невского стоишь на берегах Невы и на льду Чудского озера; рядом с Петром Великим сражаешься со шведами под Полтавой; умираешь на Бородинском поле; проливаешь кровь на полях Первой Мировой войны и Гражданской; штурмуешь Рейхстаг и отбиваешь атаки душманов в ущельях Афганистана.

Каждая отдельная часть поэмы – это трагическая и великая судьба отдельного русского воина. А все вместе – это Святая Русь! Подобных произведений Русская литература еще не знала.

Стоит так же рассмотреть и структуру поэмы. Она довольно сложна и многогранна. Поэт использует разные размеры и ритмы. Ни один из них не повторяется. Это дает возможность избежать однообразности и монотонности, чем грешит подавляющее большинство поэм других авторов. И более того: каждая часть поэмы, которая сама по себе является законченным произведением, так же делится на несколько частей, в свою очередь написанных в разных размерах и ритмах.

Система рифмовки тоже необычна, и для некоторых читателей может быть непривычна. Наряду с использованием так называемых «банальных» и глагольных рифм, автор широко применяет ассоциативные рифмы (это когда рифмуются не концы слов, а ударные слоги в словах). В совокупности такой прием придает стихотворному повествованию характер живой разговорной речи.

Кроме того, поэму оживляют глубокие философские размышления, которые звучат не из уст автора, а рождаются в сердцах его героев, и всегда в минуты крайнего духовного напряжения или на грани жизни и смерти.

Яркие повествовательные моменты, естественная разговорная речь, серьезные духовные переживания и размышления – все это максимально сближает поэму с прозой (как об этом некогда предсказывал А. С. Пушкин) и оберегает ее от литературщины.

Поэзия Николая Косых не похожа ни на что, ранее мною встречаемое. Она узнаваема. Я бы даже сказал, что это поэзия со своим индивидуальным лицом. А это означает только одно: Николай Косых – поэт милостью Божьей. И будем надеяться и верить, что пик его творчества еще впереди.

Игорь Гревцев,
поэт, драматург, журналист

Для Бога и людей

Стихи о Великой Отечественной
войне

*Защитникам Отечества
посвящается*

Солдат

Последний бой – последний твой рубеж.
Ранение последнего осколка.
Да, госпитальный врач закроет брешь,
А матери лечить её ребёнка.

А ты судьбу страницами листал,
И горечь её слёз топил в стакане.
Ты был – и эту горечь испытал! –
В Великую, в Чеченскую, в Афгане.

Каким ты стал? А помнишь?.. Паренёк:
Смеялся, успокаивал, лукавил...
Но после материнского: «Сынок!» –
Ты детство в фотографиях оставил.

Оставил тех, с кем Родину делил,
А для себя – лишь право обернуться,
Окинуть взглядом то, чем дорожил,
Чтобы однажды к этому вернуться:

Сюда себя живого возвратить,
В житейском незаметно раствориться
С единственным желанием – забыть...
Но от войны уже не откреститься.

В Великую – ты Родину спасал.
В Афганскую – ты верил... так случилось.
В Чеченскую – приказы выполнял,
Чтоб это никогда не повторилось.

Увидел, содрогнулся, заглянул,
Прошёл дорогой правды и обмана.
Ты – был! Ты этой горечи хлебнул,
Оставив свою боль на дне стакана.

Живые имена

Под берёзой лежит безымянный солдат.
Поминает его тишина.
Поминает его безымянный закат
И забывшая Бога страна.
Пуля в грудь, и в глазах поволокой – печаль.
Пал в сырую траву рядовой.
А на небе зажглась фронтовая свеча,
Полыхая армейской звездой.
Похоронкой кольнул безутешную мать
Той звезды треугольник письма.
Опустившись на стул, зарыдала она,
Вдруг поверив, что смерть – не обман.
Он оставил её, чтоб исполнить свой долг.
Как струна его голос дрожал:
«Я вернусь!» – говорил, утешая, как мог,
Только слово своё не сдержал.
На ступенях Рейхстага: «Ура!» – не кричал,
До победного дня не дожив.
Просто шёл на врага, и за Родину пал,
Не додумав, не долубив.
Тех, кто в память ушёл, жизни не пожалев,
Не коснётся висков седина,
Чтобы годы спустя находили в земле
Безымянные их имена.

Молись, пехота!

Кто куда, а мы в пехоту.
Шаг держи – не пропадем!
Не отступим ни на йоту
Под кусающим свинцом.
- Что, товарищ, ранен?
- Худо.
- Ну, оно не в первый раз.
Ты молись Ему. И чудо
Ожидай, как тот приказ.
Ведь у веры есть награда,
И она тебя найдет.
Потерпи, браток, так надо.
Смерть отвадим от ворот.
Отдохнуть пора костлявой,
Да и то – невмоготу
Тешить слух могильной славой
В этом чертовом аду.
Нос держи бодрей, пехота!
Ветер бьет в глаза свинцом.
У бойца одна забота –
Не ударить в грязь лицом.
Кровь на вкус снимает пробу,
Пули нервы теребят.
Жив? Молись. Хотя б попробуй!
Даже, если про себя.

Фронтовик

Идет старик нетвердою походкой.
Идет домой походкою седой.
Пусть жизнь его пахивает водкой,
Он все такой же бравый рядовой.
Медалями теснят воспоминанья
Простреленную грудь фронтовика,
Вместившую все крестные страданья
До самого победного глотка.
Родной земли ему казалось мало –
Войну загнал в поверженный Рейхстаг,
Чтобы она на части раздирала
Его покой под натиском атак,
Терзая старость немощью героя.
Но ей не победить любовь к земле.
Земля утешит память после боя
Российским Божьим хлебом на столе.
Война – лишь миг в бессмертии мужчины,
Коль саму смерть пытался пережить.
Как ордена старик несет морщины,
А в них молитвой спрессовалась жизнь.

Пехота

Не к добру, видать, испортилась погода,
Остудив неугомонного бойца.
И недаром поредевшая пехота
Приуныла в перекрестии свинца.
- Не оставит «ненасытная» в покое.
Смерть есть смерть, и для живого – это страх.
А пока солдат готовится в окопе
Бросит тело в бесконечное: «Ура!»
Эх! Письмо бы написать, чтоб треугольник
Успокоил, может быть, последний раз
Тех, кто в память неожиданно уронит
Слезный дождь необратимого вчера.
Пусть любовь над головой тревожит верба,
И в глазах стоит заплаканная мать...
За Россию, за поруганную веру
Мы способны убивать и умирать.

Навстречу смерти

Нога раздавит брошенный окурок,
И из окопа оттолкнется в смерть.
И помутится в бешенстве рассудок,
Когда в «Ура!» впечатается месть.
Безумным криком разрывая горло,
Умоется войной до хрипоты.
И пуля вдавит в сердце чей-то голос,
Чтоб, умирая, простонать: «Воды!»
Но никому до смерти нету дела.
Здесь убивают чаще, чем живут.
В шальном бою друзья не тронут тело:
Убитые простят их и поймут.
Здесь каждому найдется свое место:
Ведь под лучами солнца все равны,
Когда в упор по совести и чести
Летит свинцом проклятье Сатаны.
Фонтаном боли хлещет жизнь из вены,
И Чей-то голос вдруг шепнет в крови:
«Не убивай других во имя веры.
Живи во имя веры и любви».

Дорога войны

Война... Пришла война.
Споткнулась у порога.
И позвала она
В кровавую дорогу.

И что ей не спалось?
И что она добилась?
Внутри оборвалось,
Слезой покатилося.

Вся жизнь – наперекос! –
Взмолилась: «Как же это?»
В глазах немой вопрос
Остался без ответа.

О горе мирный сон
Разбился, как копилка.
И крутит патефон
Прощальную пластинку.

Встречает свой звонок
Весёлый класс десятый...
Безусый паренёк
Сегодня стал солдатом.

Чем в жизни дорожил
Совсем ещё недавно,
Он в память положил
Нагрудного кармана.

О чувстве о своём
Нашёл слова простые,
Сменив родимый дом
На будни фронтовые.

Сражался и терял,
Вчера сугубо штатский,
Ногами отмерял
Нелёгкий путь солдатский.

Боль материнских слёз
И красный шёпот флага
Через войну пронёс
До самого Рейхстага.

Победная весна
Споткнулась у порога.
Закончилась война,
Но нет конца дороге...

Не забывай

Солдат ушел. Солдат погиб,
Оставив мать. Так было надо.
Спят вечным сном его враги,
И тот, убивший ее чадо.
А немец не жалел людей:
Шел убивать Российским полем
Еще безусых сыновей,
Что жизнь любили перед боем.
Ты, мать врага, молила жизнь:
«Не забывай, подруга, сына».
А он и боя не прожил –
В позоре спит его кончина.
А мать российская не спит.
Она всего лишь мать и только.
Слеза упрямая рябит,
И в церкви свечка плачет горько.
И сердце вздрогнуло моля,
Мать, слезы выплакав, просила:
«Согрей солдатика, земля!
Не забывай его Россия!»

Начало

Из окруженья вырвался солдат,
Прилег в траву: на солнце разморило.
Проснулся... Жив! И этому был рад.
Погибли все. Его не зацепила
Ни пуля, ни бомбежка, даже нож,
В лицо летящий, полоснул лишь кожу.
А немец поплатился ни за грош:
Прошил вражину автоматной дрожью.
- Смотри-ка, хаает бабка сорванца.
Куда идешь, бабуль? Бойца накормишь?
«За что кормить такого наглеца?»
- Хотя бы в доме до темна схоронишь?
«Иди войой, коль держишь автомат.
На горький хлеб еще не заработал.
Ты не девица, вижу что солдат».
Упреки бабки выступили потом,
И зубы прикусили его злость:
«Ну, ты иди, иди своей дорогой!»
Слова застряли, словно в горле кость.
Зашелся кашлем, отошел немного.
Пацан к солдату молча подскочил
Печеную картошку сунул в руки,
Взглянув в глаза, сказал: «Ты не кричи,
А то еще с тобой помрешь со скуки.
Кричишь как баба, а еще большой».
Солдат вздохнул, к нему вернулась сила:
- Эх, бабка, - отвернулся и пошел...
А бабка его в след перекрестила.

А я пойду...

Война... Десятилетка за плечами,
И парень прямиком в военкомат.
И юноше уже не до печали:
Вчерашний школьник – завтрашний солдат.
Переполох в квартире. Парень спятил!
«Ты что, с ума сошел?» - кричала мать.
А он лежал спокойный на кровати:
- Мать, не тебе судьбу мою решать.
Сестра сердилась: «Был бы на заводе,
Там бронь дают, а я похлопочу».
- Сестра, смотри, не ляпни при народе!
Сидеть под бабьей юбкой не хочу.
Мать в слезы, плачет младшая сестренка,
А средняя прижалась к пацану.
И мысль вдруг обожгла слезой ребенка:
«Возьми меня, братишка, на войну»
А младшая сказала: «Меня тоже
С собой возьмите, я вам пригожусь».
Вдруг старшая сдалась и стала строже:
«Мать, не держи, проваливает пусть».
Мать в панике схватилась за кастрюлю,
Лицом чернее тучи, вся дрожит:
«Отца за правду подвели под пулю.
Видать, что и тебя не пощадит.
Ведь ты пацан еще, мальчишка...»
- Разве?

«Бросаешь мать, сестер... имей в виду.
Почто на фронт стремишься, как на праздник?»
Убьют ведь дурака!»
А я пойду...

Политрук

Гвардейцев – меньше половины...
В крошечный ад вовлечены,
И под огнем мелькают спины
Тех, кто на смерть обречены.
Не вырвешь плоть из окруженья,
Увидев, как погиб твой друг...
И, в основном, для утешенья
Всех кроет матом политрук –
Один в живых из комсостава
Среди метущихся людей.
А рана жжет, что та отравы,
Аж, пробирает до костей.
«Данилов, мать твою в печенку,
Мне связь давай, давай мне связь!»
От взрыва бросило мальчонку
Лицом вперед, впечатав в грязь.
«Орлов! Орлов! Ты где, каналья!»
Ответить старшина не смог:
Его окончились страданья –
Осколок врезался в висок...
«Петров, ко мне! Собрать гвардейцев!»
- Есть! Разрешите выполнять!
«Бегом, Петров! Пора бы немцев
Заставить русских уважать.
Ну что, гвардейцы, приуныли?
В атаку вас зову, друзья.

Кто немца бил в бою? Не вы ли?
А умирать вот так нельзя.
Пусть нет надежды на спасенье,
В траншее гибнуть недосуг».
Отбросив в сторону сомненья,
Вдруг в полный рост встал политрук.
Махнул рукою, словно плеткой:
«А ну, сынки, давай не трусь!»
И заорал луженой глоткой:
«За мной! За Родину! За Русь!»

Двадцать восемь

- Ну что, Семен, не долго ждать осталось.
А вот и танк. Сейчас его рванем!
Вот только жаль, тебя задело малость.
Но с этим разберемся мы потом.
Ты что молчишь? Не смей молчать, братишка.
«Я не молчу, отстань, в порядке я».
В тревожный разговор вмешалась вспышка.
Братишка захрипел, потом обмяк,
А его друг стонал, глазам не веря:
«Ну как же так, братишка, как же так?»
Кусая губы, превращался в зверя.
С дрожащей радостью смотрел на танк:
«Ты спи, братишка, спи, а я вот только
По-свойски с этой тварью разберусь.
По-дружески ему намылю холку,
Узнает, с кем связался, этот гусь!»
А «гусь» все ближе, лязгом оглушило,
Проснулся пулемет, прошил рукав:
«Ну, вот же, падаль, руку зацепило!»
Уже с гранаты сорвана чека.
Под брюхом танка тело задрожало.
Весь съежился, но дрогнуть не посмел.
Живот скрутило, страхом в землю вжало.
Душой молился, сердцем отвердел.
Надрывно крикнул: «Да иди ты лесом!
Ты думал, победил? Нет, сволочь, врешь!

Ты по судьбе моей прошел железом!
Держи гранату! Дальше не пройдешь!...»

Совет

В атаку поднялась пехота.
Умылась кровью Курская дуга.
Иваныч проглотил икоту,
Увидев, как рвануло паренька.
Где тот бежал, сапог остался...
Смерть свою принял, даже не упал!
Взыграли нервы в темпе вальса,
И закружившись, словно листопад.
Иваныч прохрипел: «О Боже! –
Забыв о смерти, как о страшном сне, –
Так это не убьют, быть может,
Ведь всякое бывает на войне.
До цели добегу, покуда
Силенки есть, а дальше как-нибудь.
И убивать мерзавцев буду,
Ну, если преградят к победе путь.
А с Божьей помощью не сгину,
Как хлопец тот. Маленько поживу!»
Иваныча толкнуло в спину,
И уши оглушил истошный звук.
Сидел пацан на дне воронки
И, плача, тряс седою головой.
«Да, брат, война, война, вот елки!
Совсем еще юнец, а глянь – седой.
Ты это, парень, ранен, что ли?»
«Не ранен, нет».

«А звать-то как?»
«Данилой», - застонал от боли.
«Данил, ты успокой себя пока».
«Но я боюсь, мне очень страшно».
«Страх позабудь, Данил, давай, вперед!
Ты будь собой, вот это важно.
Ведь мы солдаты, значит, мы народ.
А плакать больше не пытайся:
Зачем? Чай, не в кровати, – под огнем.
Ты это... страху-то не поддавайся.
И помни: будем живы – не помрем.
Я это... так скажу, как другу:
Пойми, чудак, я тоже не герой».
И, заглянув в глаза друг другу,
Они рванули в смертный бой.

Подвиг

- А немцы – вот они. Как глупо!
А дальше что? А дальше плен.
Что толку матери от трупа,
Который сдаться не посмел,
Не запятнал солдатской чести?
А может, стоит выбрать жизнь?
Придет мгновенье сладкой мести
За все, чем в жизни дорожил.
И мать поймет, и не осудит...
А может быть, и не поймет.
И что потом мне скажут люди,
И мой в бою погибший взвод?
Я еще жив, и страшный выбор
Стучится сердцем в мою плоть.
Осталось только: либо – либо.
А может, он не так уж плох?
И я смогу, и я сумею
Со страхом биться до конца,
Подставить смерти свою шею,
Не превратившись в подлеца,
Не растоптав солдатской чести,
Не предав боли матерей,
И умереть со взводом вместе
Ради любви, ради детей?
Ну, что ты скажешь, мать, на это?»
«Скажу: я жду тебя сынок.
И пусть молитву в каплях света

Еще не раз услышит Бог.
Еще не раз слезой умою
Воспоминания, мой сын».
- Тогда, прошу, гордиться мною,
Раз своей матерью любим.
А немцы – вот они! Как глупо,
Что убивать их не смогу,
Пусть даже в смерти этой грубой
Не будет жалости к врагу».
И он взорвал себя гранатой...
Огонь погас в его груди...
Погиб за Родину солдатом,
Но страх пред смертью победил.

Ради людей

«Война – она и есть война.
Поверь мне, Миш, пора проститься.
И перед боем, старина,
Не плохо б в церкви причаститься».
- Никола, что ты говоришь?
Неужто, братец, веришь в Бога?»
«А помнишь, как нас летом, Миш,
Перекрестила мать с порога?
Наше прощальное прости
В том самом страшном сорок первом?
И пусть ты с Богом не в чести,
Не нужно портить Ему нервы.
Ведь еще живы мы с тобой!
А мать сожгли, шакалы, в хате!
И живы мы одной мечтой:
Их убивать! Ведь мы же братья,
И в нас кипит славянский гнев!
Такая, брат, у нас натура.
И в сердце бьется жгучий нерв,
Забыв про собственную шкуру.
Молитвой матерей живем,
А значит, есть благословенье!...»
- Никол, а если мы умрем,
Возможно, вымолим прощенье
За нашу грешную судьбу,
За все, за что сегодня стыдно?
Свой крест на собственном горбу

Тащить всю жизнь порой обидно.
Но умереть за матерей –
Такая ли большая плата?
Жизнь – только миг. Расстаться с ней
Больней, чем жить. Но верить свято
В победу будем до конца,
Пока так больно бьется память,
Не потеряв в бою лица,
Не уронив святое знамя.
А я за Сталина, Никол,
Пойду на смерть в огонь и в воду.
«Зачем же, Миш, так далеко?
Отдай порыв любви народу,
А значит, матери своей,
Друзьям, товарищам... Победе!
Живи душой ради людей,
Пока ты есть на этом свете.
Мы так привыкли в мире быть.
Нам в отчем доме не сидится.
И коль мы можем уходить,
Должны однажды возвратиться».

Правда

Склонились травы
Российской славы.
А кто был первым,
Пал в сорок первом...
- Вас столько было!
В чем ваша сила?
Скажи, Серега!
«Нас было много
За школьной партией.
Мы жили правдой.
О ней кричали,
О ней молчали,
И били ею,
Да побольнее!
На эту правду
Имели право».
- Но это раньше.
Что было дальше?
«А то и было.
Жизнь нас любила,
Сочилась правдой.
И это правда:
Она сочилась!»
- Скажи на милость:
Не страшно в горе
Быть каплей в море,
В огне рассвета

Быть каплей света?
Где были наши
В воскресной каше?
«Побойся Бога! –
Вспылил Серега, –
Пусть враг был страшен,
Бинт кровью влажен,
Миг правды душен,
Он нам был нужен.
Мы знали: сможем
Жить верой все же
Со всем народом.
А немец – вот он!
Друг мой, не скрою:
Дышал войною,
И были строги
Родных упреки.
А кто был первым
В том сорок первом,
Встал под знамена,
Встал поименно.
И встали травы
Российской славы.
А самый правый
Всегда неправый.
Но в той неправде
Вся сила правды,
Вся сила веры
Того, кто верит.

Грудью на дзот

Ганс знал: сегодня будет жарко.
От русских жалости не ждал –
Поджарится в огне, как шкварка,
Жизнь лопнет, как воздушный шар.
И он смотрел на это поле,
На свой молчащий пулемет,
И хмурился, был не доволен:
«Пришла пора, и он умрет».

И Тихон был в не в настроенье.
Он матери писал письмо.
Сегодня в бой. Вот положенье!
Эх, не дождется мать домой,
Домой единственного сына.
Предчувствие сдавило грудь.
Хоть кровь в армейских жилах стыла,
Он как солдат закончит путь.

И Гансу было не до шуток,
Ведь дома дети и жена.
Эх! Бить не русских бы, а в уток
Стрелять. Но в том его ль вина?
Страх мучил душу, рвал на части :
«Мой Бог, зачем же умирать
И жизнь отдать военной пасти?
А дальше – вечная дыра.

Не знать любви, не знать прощенья
И ничего уже не знать.
Греховной плоти очищенье
Не умолить, не испытать.
Не надо было русских трогать.
Фанатики своей судьбы!
На пулемет, упершись рогом,
Сейчас полезут как клопы».

Для Тихона все было ясно:
Жизнь отдается за народ.
Смерть его будет не напрасной:
«Однако, жарит пулемет!
Строчит фашист с упрямством мула...
Убитых хлопцев не вернуть.
Хватить бы раз собаку стулом...
А этот немец, братцы, лют!
Ну, ничего, дай только время,
С тобой по-свойски разберусь.
Гранатой выжгу сучье семя,
А заодно его нору».
И к дзоту Тихон подобрался,
А Ганс, почувствовав беду,
Вдруг заорал: «Хана мне, братцы!
Ну что же, встретимся в аду!»

У Тихона играли нервы:
«Пусть поплачусь я головой,
Ты землю будешь жрать не первым,

Кого отправлю в мир иной.
Сейчас с тобой покончу живо,
Тебе устрою я парад.
Держи, немецкая вражина!»
Гранату бросил: «Ах ты, гад!»
А пулемет не унимался,
И Тихон понял: «Все. Пора!»
И, как в груди страх не старался,
Рванул в бессмертное «Ура!»

Разговор по душам

- Эх, баба Таня, баба Таня.
А как мне дальше быть, скажи?
За что мне Бог послал страданья
Жить не в Москве – в лесной глуши?
И вечно быть врагом народа,
Не инженером-лесником,
Душой терзаться год от года.
Мечтал ли в детстве о таком?
«Уймись, Василий, Бога ради.
Ты нюни-то не распускай.
Привык валяться на кровати,
Вот и замучила тоска.
Ты человек, Василий, помни!
И в жизни веру не теряй.
А ворошить былое? Полно...
А коли выжил, знать, не зря.
Не зря ты топчешь эту землю,
Не зря ты дышишь и живешь,
И ненавидишь эту нелюдь,
Что жизнь сгубила ни за грош.
Но ты ведь выжил, ты ведь выжил,
Хоть и хлебнул беды с лихвой».
- Эх, баба Таня, был я рыжий,
А нынче, вот, совсем седой.
Я жестко был научен «ими»
И ненавидеть, и страдать,
Забыл про собственное имя,

Забыл про собственную мать.
Забыл что дорого и свято.
«Да, ты забыл. Пришла беда,
И ты сломался, стал как вата,
Забыв, что есть любовь Христа –
Того, Кто в страшные минуты
Тебе нашептывал: «Живи».
А ты, терзаясь днем минувшим,
В душе гнездо обиды свил.
На, выпей... Растревожил душу».
Василий выпил и в сердцах
Стаканом выплеснул наружу
Всю боль, разбив о стену страх.
- Эх, баба Таня, что ты мелешь?
Я человек, а не дерьмо.
Тоску какой измерить мерой?
Любить людей уже не смог!...»
- Ты что орешь на бабу Таню?
Любить людей ему невмочь...
Жалеть тебя, солдат, не стану.
Мне жалко мать твою и дочь.
А мы в блокадном Ленинграде,
Смертями меря этажи,
В голодном обреченном аде
Для фронта отдавали жизнь.
В снегу моя семья осталась,
А я и в смерти буду жить.
Вот только на природе малость
Богослуженье совершить

Мне грешной бабе хватит силы
Любовью нашего Христа.
Кто упрекнет меня? Не ты ли?
Я перед Господом чиста!
Василий, пусть тебе досталось
И от своих, и от чужих,
Ты в лагерях хлебнул немало,
А жить то надо. Надо жить!

По самой грани

«Когда твой дух кипит войной –
То не проклятье и не дар.
Ты, погружаясь с головой,
В грехах живешь», – так думал Карл. –
«У совести свои заботы,
В войне страстей не до нее.
Адреналин прессует годы,
А жизнь пускай в земле гниет.
Рабам туда одна дорога –
От пули сгинуть навсегда.
Придав ей скорости немного,
Жми на курок! Ну, как всегда...
И только трупы, трупы, трупы.
А после криков – тишина.
А совесть слушать просто глупо,
Ведь все грехи убьет война.
И стариков убьет, и женщин,
А если надо, и детей.
Хоть похотлив солдат и грешен,
Но жизнь должна кормить червей.
Ведь прав лишь тот, кто всех сильнее!
И тем Германия живет!
А немец убивать умеет –
За свастику, за свой народ.
Осталось устранить проблему:
Кому дает господство Бог?
А те, кто им придет на смену,

Не будут в мир стучаться лбом.
Дано лишь им забросить невод.
«Виват» хозяевам земли!
Пусть крепнет в битве наше древо,
И пусть нам Бог благоволит!»

Так думал Карл – простой фельфебель,
За миг до смертного конца,
Ведь он не видел в русском небе
Христа и Господа-Отца.
Не знал он тайны сокровенной
В момент гибели души,
Что Русский Бог благословенный
Давно исход войны решил.

Война

Иван молился жарко в церкви
Среди таких же прихожан.
Был горд, своей добившись цели:
Идти на фронт. А все же жаль
Жену и мать, и ребятишек.
А как им, бедным, без него?
И Господа молил все тише,
Чтоб уберег их от невзгод.
К фашистам ненависть, как злато,
Зарыл на дне своей души.
Гнал страх, в победу верил свято:
Он это знал, он так решил.
Он Родину любил так просто,
Так просто гордостью дышал,
Что мысль о мести рвала кости,
Жгла грудь и... мучилась душа.
Но сердце крепло, совесть пела,
Ведь за Россию завтра в бой!
И в том бою он будет первый,
Кто кровь прольет в геенне той.
Он вызов ей бросает смело,
Пока он дышит и живой.
Он защитит Россию телом
А коль придётся – головой.

Враги сошлись на поле боя,
И каждый был еще живой.

Свинец ворвался в грудь обоих,
Трава их обожгла росой.
А небо вечного заката
С их лиц стирала злобы грим.
Пусть два врага, пусть два солдата –
Но Божий суд неотвратим.
В кровище ненависть купали,
Любили жизнь, как любят хлеб...
Но важно то, какую память
Солдат оставит на земле!

Для Бога и людей

Захар ворчал: «Да что ж это такое?
Ночь на дворе, а ни в одном глазу.
Нет сил терпеть, не будет мне покоя.
Ну, хоть на стену лезь... Проклятый зуб!»
- Пап, ты чего? – встревожился сынишка. –
Опять болит?
«Да, черт его дери».
- Ну, он достал тебя!
«И даже слишком.
Вот привязался, гад»
- Не говори...
Захар налил себе в стакан горилки
И, крикнув, выпил. Вроде отлегло.
Вздыхнул свободней, почесал в затылке
И посмотрел сквозь черное стекло:
«Ну, слава Богу, немца мы погнали.
Остались мы вдвоем с тобой, сынок.
Ты поутру сходил бы к тете Гале,
Дровишки б нарубил солдатке впрок.
Вчера, вон, получила похоронку.
Убили дядю Вову, вот беда...
Ну, хоть от немцев спрятала девчонку,
Так, может быть, не будет так страдать.
Все ж, крестная твоя, нам не чужая.
Ну, ты все понял?»
- Понял, пап. Схожу.
«А крестная совсем уже другая:

Как взглянешь на нее, так просто жуть.
Осунулась и даже постарела,
От горя постарела, от тоски.
Фашист и есть фашист, не в этом дело.
Война рвет наши души на куски.
Ты с малолетства повидал немало:
Ты видел смерть и немцем плеткой бит,
И видел, как семьи нашей не стало.
Налаживай теперь домашний быт».
- Но где ж его найти, скажи мне, папа?
«А в вере предков он берет свой путь.
И нам с тобой хранить святую память,
Чтоб с этого пути нам не свернуть».
- Но, пап, идет война. Она калечит.
Я б этих гадов так бы и душил!
Вон от села – одни лишь только печи...
«А ты спроси, Олежка, у души.
Ради любви к тем, кто тебе так дорог,
Отбрось на время ненависть и боль.
Пред Господом за все ответит ворог,
А ты в своей душе взрасти любовь.
Солдат – он убивает, это правда.
Жизнь отбирает, отдает свою.
На то оно Божественное право –
Быть с Родиной своей в одном строю.
А это честь для русского солдата».
- Но, пап, тебя ж списали на корню.
«Списали, да. Но, сын, так было надо.
Пусть инвалид, но я спасал страну,

И свой народ, и выжил в этой схватке.
А сколько не воротятся домой?
И пусть враги на нашу землю падки,
Не будет им пощады никакой,
Пока в сердцах клокочет болью память,
Пока для русского Россия – дом,
Пока рука солдата держит знамя,
Людская доблесть справится с врагом.
Свою мы землю защитим, уверен.
А вы ее надежда и оплот!
Была бы память, мужество и вера,
А у России любящий народ.
Война мир грешный топчет сапогами,
В ней столько горя страха и смертей.
А жизнь – она свечою в храме
Всегда горит для Бога и людей.

Мать

А женщина стояла и стояла.
А мимо шли солдаты, шли и шли.
Мимо ребенка, что мусолил вяло
Во рту свой палец, словно ветер лист.
«Ну, наконец-то, - женщина твердила, -
Все возвратится на круги своя.
Ну, наконец-то! Вон, какая сила
Идет за землю нашу постоять».
Солдаты шли и хмурились невольно,
А мать печально улыбалась им:
Ей было радостно за них и больно,
И каждый был ее теплом храним.
- Mam, есть хочу!
«Ну, что ты, Слава, что ты?
Домой придем, картошкой накормлю».
- Картошку есть без хлеба не охота.
Ну, ничего, я взрослый, потерплю.
Мать к юбке сына бережно прижала:
«Совсем ты взрослый, Славик, у меня, -
И гладила его плечо устало. -
К молитве, слышь? колокола звонят».
- Ну, слышу, мам, да некому молиться.
Убили всех, а батюшка все ждет...
«А я, сынок, во сне их вижу лица.
От криков до сих пор бросает в пот».
- Их нет, мам, нет, а мы с тобой живые.
За них помолимся, чтоб сердцем не остыть.

Мы будем помнить всех, ведь мы такие,
Ведь мы же русские, и я и ты.
К ним подошел солдат: «Здорово ль были!»
Мать вздрогнула: « Да вот живем, солдат».
«А что, родная, худо... худо было?»
«По всякому, в словах не передать».
«Ты, мать, прости, я больше это к слову.
И русского солдата ты прости
За то, что по ночам рыдают вдовы
На своем тяжком жизненном пути.
Мы отступали, да. Душа кричала!
Мы оставляли вас в руках врага.
И это было только лишь начало –
Топтала нас фашистская нога.
Но воевать мы все же научились,
Мы возвратились, гоним немца прочь.
Война – она и враг нам, и учитель.
И я хочу вам искренне помочь.
Вот хлеб, консервы... вы не откажите,
Возьмите, я прошу за всех солдат.
Ведь нам бить немца, бить пока мы живы...»
- Мам, ты возьми, я очень буду рад.
«Возьму, сынок, возьму».
- Спасибо, дядя!
«Не мне, дружок – тебе, а ты расти,
И помни, что война – это проклятье
Для всех людей на жизненном пути.
А мы врага погоним, будь спокоен.
Он задохнется в собственной крови!

Расти, и помни: ты такой же воин.
Вся мощь надежды нашей – это вы!
И ты, мать, потерпи еще немного,
А нам идти вперед, таков приказ».
«Иди, родной, иди, соколик, с Богом.
А мы уж здесь... Земля прокормит нас».

Сапоги

Дед покряхтел: «Ну что, Трезор, стареем,
На солнце греем косточки теперь.
А стали мы от жизни той бодрее?
Гуляет на Руси немецкий зверь!
Вчера солдата, гады, расстреляли:
Три дня, родимец, прятался в лесу.
А сколько их теперь идет полями
И попадают смерти под косу».
А пес, наверно, думал, когда слушал:
«Опять ты, дед, завелся о своем,
Ирываешь понапрасну душу.
Солдаты гибнут, ну, а мы живем.
Живем и это правильно, пожалуй.
Два старика... казалось бы, зачем
Мы любим эту жизнь все так же жадно,
И даже искренней и горячей.
Любовь как сон: его вдыхают дети,
Чтоб не забыть, чтоб помнить, чтобы жить.
И эта жизнь им свечкой в храме светит,
А значит, мир не будет им чужим,
Пока на свете прибывает старость,
Пока любовь рождает доброту.
И хоть не много нам прожить осталось,
Я этот путь с достоинством пройду.
А ты кряхтишь...». А дед смотрел на немцев:
«Откуда только взялись стервецы? –
Он морщился, как морщатся от перца. –

Пугают автоматом наглецы».
Трезор оскалил пасть, хотя не лаял,
Уже на немцев броситься готов.
И, все ж, рванулся на врагов, чихая,
И очередь поймал собачьим ртом.
Дед посмотрел на друга: «Ах вы, гады! –
С земли поднялся, русский, в полный рост. –
Что скалитесь, убийцы! Чему рады?»
В молчанье гробовом повис вопрос...
Вдруг выстрелы разбили напряженье –
И немцы корчились, глотая смерть!
Дед за слезою прятал униженье:
Не суждено упряму умереть.
Босые ноги ощутили холод,
Теряя предпоследнее тепло.
В желудке заурчал смертельный голод.
- Ну, дед, тебе сегодня повезло!
Красноармейцы деда обступили:
- Откуда взялся ты, храбрец такой?
Махоркою героя угостили.
Дед закурил, и стало вдруг легко:
«Ох, крепкая...». И тихо рассмеялся
Той радостью, какую дарит миг.
Жизнь – это жизнь. Порой в ней все так ясно.
И тут солдат сказал ему: «Возьми!»
Дед растерявшись, вздрогнул как от свиста,
И взял, перекрестившись, сапоги.
«Гоните прочь проклятого фашиста!
Храни вас Бог от смертушки, сынки».

Письма

Максим взял фотографию семьи,
Разволновался, вглядываясь в лица.
А сердце-то отцовское щемит:
«Ну как вы там, родные? Как столица?
Простите, что не часто вам пишу,
Но вы всегда со мной, мои родные.
Мою любовь, как в небе парашют,
Раскрыли в сердце будни фронтовые.
Детишки так хотят играть в войну,
А на войне мы жизни не жалеем,
Чтобы однажды вспомнить тишину.
А значит бить врага – всего важнее!
Ну, а любовь – она дает нам шанс
Людьми остаться среди этой грязи,
Ведь нам досталось русская душа,
А вера лечит лучше всякой мази.
И коли нам нельзя не воевать,
Есть повод оставаться человеком,
На фотографии увидев вас,
Пусть путь любви для смертного неведом».

А его сын лучисто так смотрел
И улыбался карими глазами.
Схватил сегодня двойку, как на грех,
И целый день пробегал с пацанами.
Играли непоседушки в войну,

И убивали фрицев понарошку,
А под конец сорвались: ну и ну,
Досталось на орехи черной кошке.
Потом писал письмо, придя домой
(О кошке умолчал: вдруг стало стыдно):
«Отец, когда мы встретимся с тобой?»
Письмо отец прочел: «Там будет видно».
А дочь хитро прищурила глаза,
И так невинно добивалась ласки,
Что захотелось словом наказать,
А перед сном рассказывать ей сказки.
Скучая, дочь сидела за столом.
В квартире никого. Письмо писала:
«Пап, а в Москве сейчас белым бело,
Морозно очень и людей так мало.
А все-таки красивая Москва,
И я ее люблю, и даже очень
А мама наша, как всегда, права:
Пиши почаще».
- До свиданья, дочка...
Максим сложил письмо ее, вздохнул,
И как то сразу сердце защемило.
Рассеяно придвинул к печке стул,
Сел и смотрел в огонь. Его знобило:
«Прости, дочурка, ты отца прости.
Пишу тебе все реже – некогда солдату.
Воюет он, а ты учись, расти.
Писать бойцу почаще трудновато».

А к ночи мать вернулась. Дети спят.
И села за письмо: «Ну, здравствуй, милый.
Письмом своим порадовал ребят.
Ты только береги себя, любимый.
Сегодня возвращалась я домой,
Не удержавшись, в церковь заглянула.
А там пел хор, как будто мне одной.
Моя душа к молитве потянулась,
И стало так спокойно и светло.
И мне открылось – все мы в Божьей власти».
А на Максима что-то вдруг нашло,
Он фото сжал и стал писать со страстью:
«Любимая, мы насмерть здесь стоим!
Сегодня бой, но знайте, что вы рядом
Всегда, всегда, хорошие мои.
Вот только плакать обо мне не надо.
Сынок, не знай проклятую войну!
Дочурка, что ты любишь папу, знаю.
Тебе я обещаю: я вернусь,
Ты только очень верь, моя родная.
И вот еще... Хоть я и не привык,
Но раз война легла на наши плечи,
За всех погибших и за всех живых
Поставьте, умоляю, в церкви свечи.

Предатель

- Он испугался и друзей своих предал.
Их немцы расстреляли на рассвете.
Он стал «иудою», а русским никогда
Уже не быть ему на этом свете.
«Ну что ж, товарищ лейтенант, помянем их...»
- Помянем.
«Ну, а что же было дальше?»
- Я чудом уцелел, а вот друзей моих
Предатель сдал... А мы дружили раньше.
Меня искали, но я смог пробраться в лес.
До ночи отлежался в буреломе.
Не утерпел, поцеловал нательный крест.
«Поцеловали крест? Вот это номер!»
- Поцеловал и осенил себя крестом.
Я был живой, голодный, но здоровый.
Всю ночь я шел и шел, я был пропитан злом:
Мой друг предатель! Факт не пустяковый.
Ведь этот гад – связной... Погубит партизан,
Погубит, мать его! Погубит, шкура!
И, значит, оставлять в живых нельзя...
«Товарищ лейтенант, ведь пуля дура».
- Да пуля дура, но ведь выбор небольшой...
Я должен был. И долг давил на плечи.
И, значит, по-другому я не мог.
Я чувствовал, я знал, что его встречу.
Мне повезло, я вдруг почувствовал дымок.

«Стой, кто идет!» Я выдавил: «Подпольщик».
В груди забился радостный комок,
И страх за жизнь друзей не мучил больше.
Светало, ночь ушла, и лагерь нас встречал
Обычной деловой походной жизнью.
И пусть терзала сердце мне печаль,
Но главное, что здесь все были живы.
И враг наш был живой. Живой, эти его!
Собрался в город он – душа связная.
И крикнул я ему разгневано вдогон:
«Предатель, стой! Я про тебя все знаю!»
Рванулся я вперед. Он страшно побледнел,
Схватил свой пистолет и... грянул выстрел.
Но промахнулся враг. Не быть убитым мне!
Страх мимо пролетел, всю душу выскреб.
И в исполненье приговор был приведен...
И я стрелял в него. Так было надо.
Он жизнь любил, как все, но был предатель он.
Пот по моей спине катился градом.
Стрелял я во врага, но он был другом мне.
Рука не дрогнула, но вот душа кричала
И корчилась от боли, как в огне...
Я в дом к нему пришел... терзался мало.
Пришел к его родным, и нет пути назад.
Свое молчание жую, как вату.
Четыре пацана глядят во все глаза,
И мать глядит... Ну, как тут скажешь правду?
Я что-то говорил... что ранило в бою,
Что на руках моих отец их умер,

Что, дескать, с нами он стоит в одном строю.
И в том же духе... Вот такой вот юмор...
«Товарищ лейтенант, вы выполнили долг!»
Свой долг я выполнил. Погибли люди...
Но сыновьям его признаться я не смог...
И эту ложь вдыхаю полной грудью.
Да, смерть предателя теперь висит на мне,
А его пуля свистнула над ухом...
«Смерть смерти рознь, но в этакой войне
Тот победит, кто крепче Божьим духом».

Сирота

Мимо такого горя не пройдешь,
Когда от дома только пепелище.
По телу болью пробегает дрожь,
И нет того, кого глазами ищешь.
Нетерпеливо пролетела ночь,
Боль притупилась только лишь с рассветом.
Ведь были у него жена и сын, и дочь...
Но все погибли тем военным летом.
Да разве, что племянник-сирота,
Двенадцати годков, но, правда, хлопец бравый.
Не поселилась в сердце пустота –
В нем тихой грустью пробежала радость.
Хозяйственный мальчишка, что сказать?
И люди помогают сиротине.
Да, настоящий вырастет казак:
Не проведешь такого на мякине...
- Ну, хватит, дядя Федор, пошли в дом, –
Племянник Вовка за рукав схватился, –
Тебе ведь на войну. Наплачешься потом.
Важнее, чтоб с войны ты возвратился.
Ты только про меня не забывай
Пиши почаще. Трудно тебе, что ли?
У Федора кружилась голова
Но резко встал, смахнув остаток боли:
«Спасибо, Вовка, выручил, браток».
Вздыхнул, поцеловал мальчонку в щеку:

«Пойдем, нарубим дров, пойдем, дружок.
Сидеть у пепелища нету проку».
Он к жизни постепенно привыкал,
Ведь есть же тот, кто просто его любит.
По небу плыли стаей облака,
Смотрелись в землю, словно в небо люди.
Пусть завтра фронт, но Вовка – вот он, вот,
Тревожная душа на этом свете.
И это было важно для него,
Ведь за парнишку Федор был в ответе.
А Вовка знал, что наши победят.
Сказал: «Ты возвращайся, дядя Федор.
А я не пропаду, казак ведь я».
«Да, ты казак, ты из Дружковки родом.
Я за тебя спокоен: ты мужик.
А возвратиться мне Господь поможет.
И по родным так сильно не тужи».
- А ты-то как же?
«Постараюсь тоже.
Пусть трудно нам, но мы уже вдвоем.
Война разъединяет нас, любовь сближает.
Солдаты в муках гибнут под огнем,
Как в муках женщины солдат рожают».
- Ты, дядя Федор, правду мне скажи:
Победа будет?
«Будет, Вовка, будет!
Нет места на родной земле чужим,
Пока горит огонь солдатских судеб.
Война спрессована в железный ком –

И танки у нее, и самолеты.
Враг наш силен и лезет напролом,
Но мы ему свои предъявим счета».

Командировка

В блокадном Ленинграде холод, голод,
Замершие тела в снегу,
И ветра обжигающего голос,
Что предвещает смертную пургу.
Нет ни семьи, ни на войну обиды,
Но есть блокадный Ленинград.
Есть трупы, что пока в снегу забыты,
И есть живые, что скорбят.
Майор Орлов за танками вернулся.
Вернулся в тыл, себя вернул
В голодный омут ветреного пульса,
Вдруг ощутив свою вину.

Мальчишка выбежал из подворотни:
Он карточки на хлеб украл!
А женщина кричала тихо, робко:
«Отдай!.. Отдай...». Мальчишка не удрал.
Упал. С ним женщина. Так вместе и лежали,
Не в силах встать, не в силах жить.
Майор смотрел на них. Проснулась жалость
И сердце сжал стальной зажим.
Не сразу, но поднял он тех страдальцев,
Повел, едва живых, к себе домой.
«Поднять здесь всех – сотрутся пальцы,
Хотя б двоих забрать с собой,
Хотя бы их, хотя бы эти души
Спасти от смерти, примирить.

Пусть совесть их страдания приглушит
И что-то дрогнет там, внутри».
Буржуйка двух спасенных обогрела...
Мальчишка всхлипнул: «Я Антон».
И женщина вдруг приподняла тело,
И выдавила сонный стон.
Он покормил и напоил их чаем,
И женщина сказала парню так:
«Хоть ты и вор, но я тебя прощаю.
Я не сержусь, хоть ты дурак».
- Но что случилось, тетя? Я не помню! –
Он так глядел в глаза, страдал.
Орлов, вспотев, вздохнул: «Ну, парень, полно.
Ведь ты же карточки украл».
Он вытащил улики из кармана,
Спросил обоих: «Жить где есть?»
Молчали оба, даже было странно:
«Ну, что ж, тогда живите здесь.
Тебя, Антон, устрою на работу.
А вас как, женщина, зовут?»
- Марией.
«Принимай Антона в роту.
Полегче будет выжить двум.
Так и решим. Ну, что ж, пошли, Антоха,
С тобой на Кировский завод.
Чего молчишь, или с устатку плохо?»
- Да нет...
«Тогда пойдем в народ!»

- Привет, Орлов. Чего это ты с парнем?
«Да вот, привел его к тебе.
Пускай с Алешкой будет в паре.
Спаси мальчика от горьких бед».
- Ну что молчишь, сынок? Чего умеешь?
«Отец мой фрезеровщик был,
Все мне показывал... Он был добрее,
Пока жил с мамкой и не пил».
- А мамка где? «Так умерла ведь.
Лежит в сугробе во дворе».
- Да-а, ничего тут не исправить,
Словами душу не согреть.
Ну, завтра приходи. Тат видно будет.
Орлов сказал: «Ну, мы пойдем».

Сквозь черный вихрь блокадных буден
Солдат и мальчик шли вдвоем...
- Вот вы скажите: мы умрем наверно
Как вот они, что там лежат в снегу?
Орлов вспыхнул: «Ты мыслишь, брат, не верно!
Ведь смерть теперь у нас в долгу.
Война, Антон... так что же охать-ахать?
Да, смерть от нас – на волосок,
Но наша жизнь дороже наших страхов:
Учись любить ее, сынок!»
И вдруг мальчишке стало жарко,
И слезы сами – кап да кап:
«Я научусь! – и руку сжал он. –
Ты только не волнуйся, пап...».

Знамя полка

Бой кончился. В живых осталось трое:
Один мужик, другой еще юнец
(Он спас сегодня знамя полковое)
И немец – в руку раненный подлец.
Весь полк погиб, но знамя не погибло –
Разбитый полк под гимнастеркой жил.
И ангелы несли святые нимбы
Всем, отстоявшим эти рубежи.
Не зря с гранатой парни шли на танки,
Не зря с винтовкой принимали смерть,
Не зря пошли в последнюю атаку:
Они смогли решиться и посметь
Войти в Бессмертие, став одного с ним роста.

«А с немцем что? А с ним-то как нам быть?
Разведка притащила, и не просто
Его в живых оставить, не убить.
Но как убить, когда он безоружен,
К тому же ранен – что с вражины взять?
Он никому сейчас не нужен,
Но... пленных убивать нельзя.
А потому, немецкая детина,
Живи и помни русское добро!
Хоть прет на Русь фашистская лавина,
У русских не звериное нутро.
Весь полк погиб, а ты, гад, в смерть не канул.

Теперь, что толку от такого «языка?»
Перевязал неспешно немцу рану:
«Что охранять тебя? Живи пока».
Так думал Дед (его прозвали Дедом
Между собой когда-то пацаны).
Но «пацаны» погибли этим летом
В окопах окровавленной войны...
А немец вдруг рванулся из окопа
И стал кричать, как баба на сносях,
«Чего орешь? Давай отсюда топай!
И на всю жизнь запомни этот страх».

Но в этот миг накрыло Деда миной –
Последней миной с вражьей стороны.
Порыв так просто разрешился миром,
Ведь смерть одна на всех – в ней все равны.
Глаза юнца впивались в шепот Деда,
И тормошила тело грубость рук.
Но его страх остался без ответа,
А голос Деда встрепенулся вдруг:
«Гляди, какое небо голубое.
Смотрю, и насмотреться не могу.
Для нас Россия – слово не простое,
Ведь перед нею мы всегда в долгу.
Нелегкая тебе судьба досталась:
Ты должен полковое знамя уберечь.
А я здесь отдохну под небом малость...
Не о себе сейчас веду я речь, –
О знамени полка. В нем наша сила,

Его душа, его последний крик,
И дух его, что смерть не победила,
Пока в груди огонь любви горит.
Ты вынеси святыню с поля боя.
Тогда не зря мы умирали здесь.
Ты сделаешь для нас, дружок, такое,
Спасая наше мужество и честь...
И не погибнет полк. А те, другие,
Подхватят наше знамя в горький час.
И понесут в просторы дорогие...
А это небо упокоит нас».

Крик души

«Батюшка живу в грехах. Зачем мне это?
Разве Бог меня услышит и простит?
За душою нет ни капельки просвета
От немецких унижений, страха и обид.
Командир мне приказал: «Ты, парень, должен
Быть у этих гадов старостой села.
В должности такой с ума сойти не долго.
Эх, на фронт бы лучше он меня послал!
Там все ясно: вот он враг. Бей супостата!
А убили – пал боец за Родину свою!
Умирать, оно конечно, для солдата
Не с руки, но, все же, знай себе воюй.
Здесь же я в глазах людей предатель, сволочь.
Исподлобья смотрят на меня, а я терплю,
И верчусь как тот спортивный обруч.
Только вот недаром ненавидит меня люд.
Батюшка, себя я (веришь?) презираю.
Мне в отряд бы, бить фашистов! Веришь?
Я б им!...»

- Успокойся, сын мой, не кричи, я знаю.
Но нельзя тебе сегодня становиться слабым.
Ведь нужны отряду и глаза, и уши.
И ты должен честно выполнять свой долг.
И не мучить совесть всякой разной чушью
Даже, если бабы не пускают на порог.
Ну, а душу, сын мой, укрывай от взглядов.

И терпи смиренно, коль в тебя плюют.
Это крест твой, сын мой, и твоя награда.
Пусть считают, как считают, но ты нужен тут.
Ты склоняйся перед Господом и помни,
Что ты нужен тем, кто в тебя верит, ждет тебя,
Кто бросается под пули, словно в омут,
Головой рискуя ради этих самых баб и их ребят.
Ты, я знаю, беззаветно любишь Бога.
Вспомни Лизу, что тебя не выдала врагам.
Для тебя связанная значила так много,
И теперь настало время помолиться нам.
«Да, ты прав, отец Арсений, стало страшно.
Просто чувства опалило чертовым огнем,
Захотелось умереть, а как – не важно...
Я пред Господом готов признаться в том.
Страх и смерть в объятьях Божьих – только
тени,
Но душа моя свободна, как осенний лист.
Эту душу не поставить на колени!»
- Ну, тогда за Русь Святую Господу молись.

В песках Афгана

Озверевшая глотка еще отдыхает,
А спина, словно камень, прижалась к земле.
На лице пыль и кровь протереть не мешает,
Но в усталости тело лежит, как в чехле.
Вот глаза – это да! Смотрят в звездное небо,
Оторвавшись от страха и боли друзей.
Так бы вот и глядел! Только сил больше нету,
Рассуждая о вечном в горниле смертей,
Вновь срываться под пули живою мишенью
И молить небеса, чтоб остаться в живых,
И в песках умирать той березовой тенью,
Что застынет слезою на лицах родных.

Афганский страх

Ты сделал шаг, а в шаге – смерть.
Так успокой свою брезгливость.
Дыханье выстрелом отмерь,
Предав забвению пугливость.
Убей в испуге первый раз,
Или убьют тебя, как падаль,
Не важно, в профиль или фас.
Ты жил, а дальше только падал.
Но шаг, что вешает медаль
Родным и тем пропойцам сытым,
Глодает жизнь, как Божий дар,
Даря бессмертие убитым.

Афганская совесть

Терзая совесть откровеньем,
Раскрой безжалостность любви.
Забудь на время ощущение,
Молись, – и Бог благословит.
И даст возможность оправдаться.
Ты только память остуди
В душе афганского страдальца,
Растаяв правдой во плоти.
Ворвавшись в ветреную цепкость,
Сорвав с души осенний лист,
Ты обретешь в сомненьях Церковь...
Растай свечой и – помолись.

Романов Сашка

Забвенья нету у войны,
Пускай с тех пор минули годы.
Меня в огонь бросают сны
Под крики яростной пехоты,
Под стоны выжженной земли,
Под стоны ветра после боя
В молчанье пепла и золы,
Что сердце ранят сгустком боли.
Я возвращаюсь к той реке,
Я прикасаюсь к ней губами,
И в этом малом пустяке
Жизнь измеряется глотками.
Она смотрела с высоты,
Явилась к нам случайной птицей.
И я стоял у той черты,
Где смерть заглядывает в лица.
Вдруг кто-то охнул за спиной,
Еще в руке сжимая фляжку...
Упал с пробитой головой
Лицом вперед Романов Сашка.
Из горла вырывался стон,
И кровь ручьем текла на камни.
Он был с войною обручен,
С лихвой испив свой страх до капли.
Еще вчерашний рядовой,
Едва согрет семейной лаской,

Он твердой снайперской рукой
Был пригвожден к земле Афганской.

.....

Они не любят вспоминать,
Как это больно – быть солдатом.
Афганским воздухом дышать,
Ходить в строю со смертью рядом.
Идти, как ходят на войне,
Подставив грудь свою под пули.
Чтоб пули, спрятавшись в стволе,
Однажды жизнь перечеркнули.
Как больно просто убивать;
Куда трудней не быть убитым;
Друзей в ущельях оставлять,
И, помня их, не быть забытым.
Лицо, старея от вина,
Смирит афганскую нервозность,
Ведь в наказанье – их вина
Им не поставится в виновность.

Афганская боль

Мысли капают на нервы
Всех вернувшихся с войны.
Только все у этой стервы
Перед ней всегда равны.
Нет запретов на страданья.
На убийства есть нужда.
Собирает в гроб дыханья
Эта лютая страда.
Есть приказ, и есть бумага –
Она спишет все грехи
На Афганскую отвагу,
На Афганские стихи.
Поведет прицельно бровью,
Опрокинет пару тел,
Захлебнется детской кровью
(Пусть убийца не хотел
Нажимать курок в невинных).
В каждой пуле есть свой срок,
И укус, но не пчелиный.
А итог – Афганский гроб:
Чтоб родителям в насмешку,
Да в молчание стиха,
И с молитвой вперемешку –
В искупление греха.

На войне, как на войне

Эх, возьму любовь в охапку
И на ветер положу.
Покажу чертям изнанку
Да грехами ублажу.
И откуда мысль такая –
То война, то грязь, то смерть?
А любовь – она живая,
И в огне ей не сгореть.
Умиреть во имя чести
Не пришлось, так с горя пил
За того, кого из мести,
Как собаку, не убил.
Думу думая о вечном,
Уносился, очертя...
За него поставлю свечку,
А войну пошлю к чертям.

Небесные береты

Из Вечности слово не вытравишь матом,
Но глотку срывая, несутся ребята,
И рвется наружу, размытая адом,
В небесных беретах вся ярость солдата,
Вся ярость любви и Российского долга.
Несется по полю солдатская слава!
И пусть в этой жизни успела не много,
Но в пекло рвалась поредевшей лавой.
В том пекле под крики и черные вспышки,
Забыв о гражданке, забыв про парады,
Небесный берет примеряли мальчишки,
Как лист наградной примеряет награды.
За жизнь цепанула «нечистая» взрыва
И раной рванула дыханье солдата,
И, прыгнула в небо, как ветер с обрыва:
«Ребята», – шептал он. Шептал он: «Ребята...»
Придавленный взрывом, он кровью давился,
А жизнь все вопила: «Нет, нет, я не струшу!»
В глаза босоное детство вдавила,
И крик зацепился молитвой за душу.
Крестом похоронка ложится на плечи,
Срываются в плач материнские стоны,
И горем в церквях зажигаются свечи,
И капают слезы звездой на погоны.
От слез матерей стынет память погибших...
Убитый солдат перед Богом очнулся, –

Небесный берет всех регалий стал выше,
И в Вечности нимбом святым обернулся.
В крови разлилась тишина после боя,
Орущая смерть задохнулась от стога,
И в небо взметнулась, не зная покоя,
Небесная скорбь колокольного звона.

Фотография

-1-

На стене висит с войны
Фотография.
В ней живут былые дни
Биографии.
Парень смертью заслужил
Свои почести.
А для брата еще жив
В муках совести.
Ну, а брат уже старик,
Лет восьмидесяти.
За стакан – и в плач, и в крик
До надрывности.
Помнит лишь госпиталья.
Миг – да сторищей.
И страдальцем в лагеря –
Страх с бессонницей.

-2-

«Что ж ты смотришь на меня,
Будто ты еще живой.
Пухом пусть тебе земля.
Ты герой и я герой.
Правда, только на словах.
Пьет народная душа,

Свою злость зажав в зубах,
Словно лезвие ножа.
Мир с тобой уберегли,
Своих жизней не жалев.
Ты погиб – я инвалид,
Да еще, почти что слеп.

Сколько там до рубежа?
Помяну тебя, мой брат.
Пей же, русская душа.
Ты солдат и я солдат.

-3-

Парень строг улыбкой горькой –
Есть обиды в жизни долгой.
Одиночество привычно.
И у дочки все отлично.
Терпишь боль, что та собака.
Да и денег «кот наплакал».
Скотской жизнью отутюжен.
Даже Родине не нужен.
Только знаешь: амнезия.
«Но в груди жива Россия!», –
Бьется в сердце ветерана...
И немислим без стакана
Майский день, согретый водкой,
Да еще луженой глоткой.
И другого не приемлю,
Пока детство топчет землю.

-4-

День ушел в колокольные дремы,
Тишина обозначилась сном.
И в тревоге весенней истомы
Лунный свет просочился в окно.
- Ну, чего мужики приуныли?
Не закончен еще разговор.
Ведь сомнения совести в силе
Ваших чувств. А отчаянье – вздор.
И какие б не рвали нас беды,
Чья-то боль побеждает недуг,
Возвращая дорогу в победу.
И по ней ваши дети пройдут.
Ваши внуки усеют цветами
Память страха тех огненных лет,
И воздаст уваженье стихами
В майский день и солдат, и поэт.
Время сменит и цвет, и одежду...
Не сотрется истории нить,
Если веру, любовь и надежду
Будешь ты в своем сердце хранить.

Домой! В Россию...

*Возвращению Крыма в состав
России посвящается*

Русская весна. Поход в себя

(МИНИПОЭМА)

Часть I

-1-

Хвала Творцу, что надоумил
Свое греховное дитя
Писать про Русь, про Божий улей,
Нам о любви Своей твердя.
И с кем встречал рассветы эти,
Идти за солнцем на закат,
Чтобы Христу молились дети,
В грехах увидев райский сад.

Мать на руках несет ребенка –
Он без сознания, лет семи,
Во флаг российский, как в пеленку,
Завернут временем самим.
И им же кинут в лес дремучий
В тот миг осеннего огня,
Где лист последний вслед за тучей
Сорвался в ночь закатом дня.
Упал дождем в ладонь мальчишки,
В руке снежинкою исчез.
И вдруг сознание, словно в книжку,

Рванулось в свет, забыв про лес.

«Один песок. Песок и солнце.
Где, мать, о Боже, я так мал!
Глаза... В них радужные кольца...
И как тут не сойти с ума,
Когда все тело дышит силой?
Нет семилетнего юнца.
И где то сердце защемило:
- Нельзя бояться без конца!
И надо жить, идти куда то...
Ведь я же здесь не просто так!
И умирать, брат, рановато!...»
Со злостью выдохнул и встал...

Он шел в объятья звездной ночи,
Вошел в небесный сей шатер,
И аппетит, проснувшись, волчий
Споткнулся о ночной костер.
А у костра сидели трое.
Три взгляда... Нет, это не сон!
Ведь что-то было в них родное.
Он был встревожен и смущен.
Прервал молчанье самый старший
Сказал: «Садись и отдохни.
Испей свой путь из этой чаши,
Чтоб в смерти не расстаться с ним».
Он выпил... Голод умирает...
Внутри покойно и светло.

И лишь слеза задела краем
О материнское тепло.

- 2 -

«Теперь ты хочешь знать, кто мы?

Мы – корень рода твоего.

И пусть простая эта мысль

Поддержит твой духовный свод».

- Но я хочу спросить...

«Спроси».

- Зачем я здесь, зачем здесь вы?

«Чтоб, не жалея чувств и сил,

Ты от бессилия отвык,

И, тая в мыслях, словно воск,

Нашел любовь свою в душе;

В смиренье Божьем духом рос

Средь страха подлостей и вшей;

В богатстве, в войнах, в нищете

Молился, жил как человек,

И гордо нес молитвы те

Сквозь грозный век, кровавый век.

Свой путь ты должен выбрать сам,

А мы твои проводники:

Иль дверь откроешь в райский сад,

Иль в русло жизненной реки.

Твой выбор... Вот затем мы здесь.

И ждем решения твоего.

Но выбор этот – он и есть

Желанье рода самого.

Решай».

- Я в память окунусь,

Пройду кровавою тропой,

Которой шла когда-то Русь

К любви, в столетия длиной.

Песок вокруг, один песок.

Жжет солнце... Что это, мираж?

Он, словно в поле колосок,

Хранит в себе духовный стаж.

«Готов ли ты?»

- Уже готов!

«Твой первый проводник – твой страх.

Ну, что же, в путь, под сень веков,

Сквозь вихревой песочный прах!»

И, подхватив двух человек,

Вихрь кинул в память две судьбы:

В суровый приграничный век,

В тепло натопленной избы.

-3-

Хозяйский мальчик мысль прервал:

«Как звать?»

- Иваном кличут.

«Пойдем, откушаем, Иван,

Отцовскую добычу.

Отец-то зайца подстрелил

С утра, да вишь, как вышло:

Мать померла, отец ворчлив,
А смерть – она что дышло.
Татары балуют, их мать!
От раны и скончалась...
Поганым только б убивать.
Не доглядели малость.
Так и живем... Народу, вишь,
Немного в Диком поле:
То благоденствие да тишь,
То мрем по Божьей воле.
Ты, вишь, Матрена как орет?
Умеет баба матом..
Аж, до костей бросает в пот.
Татары... буду гадом!
Ну, берегись, степной народ!..»
Схватил он лук и стрелы,
И с криком бросился вперед.
Да чтоб остался целым!
Ох, не сносить бы головы...
Иван рванулся следом.
Лежал мальчишка весь в крови
Прощаясь с белым светом.
Иван булыжник подхватил,
Да по башке татарской!
В сердцах душителя хватил
Со всей славянской лаской.
Обмяк татарин. Парня спас..
А вот отец, похоже,
Пред смертью выпустил свой пар,

Но встать уже не сможет.
Не сможет сына уберечь.
Да сын спасен, и ладно.
Была б Матрена, Русь и печь –
Небесной веры манна.
Пусть не сберег проводника,
Но в русском человеке
Тверда славянская рука
И ныне, и во веки!
А лист в ладони задышал,
В глазах расплылся светом:
Иван навстречу сделал шаг,
И был подхвачен ветром.

Часть II

-1-

Ночь дышит звездами – в ней прячется песок.
Пора идти к костру, а не глазеть на небо:
«Убил татарина... А что я еще мог?
Убил безжалостно, так глупо и нелепо.
Мне оправданья нет, хоть я мальчишку спас
Но я убил, убил, и мне нужны ответы».

Иван вскочил, как вьюн, ругнулся без прикрас:
«Мать вашу так ети, и с ней ваши советы!»
Он шел и шел к костру, он был взъярен и зол.
Но притуплялась боль, давило безразличье.

Иван ослаб в грехе и был душою гол, –
В терзаниях ребенка просыпалась личность.
Взрослел мальчишка, как в огне вырослел
костер.

«Проводники уж ждут, ну, что ж, славяне, вот я!
А в прошлое нырнул, чтобы снискать позор,
Но будет ли в душе хоть толика покоя?
Но если б был бы шанс спасти проводника,
Я бы убил врага, да было уже поздно.
Он тоже убивал других, наверняка.
Так просто убивать! Да жить с этим не просто.
Но враг пришел в мой дом – никто его не звал.
С оружием пришел, не заслужив пощады.
И пусть последний вздох его вдохнет трава,
Чтобы встречала Русь восходы и закаты.

-2-

Костер манил к себе, в нем чувствовалась сила.
Прильнули лицами к нему проводники.
Иван опять вспылil: « Смерть одного скосила,
И к вам опять вернется, мужики!»
А в их глазах дышала нежностью улыбка,
Как в церкви дышит мудрость запахом кадил.
«Мне кажется порой, что жизнь моя – ошибка.
Я умер, а меж тем я смертного убил.
Ну, не молчите же, утешьте же ответом!
Ведь я же не хотел, но страх шептал: «Спаси».
Ребенка спас, убив... Раскаиваюсь в этом.

А вот землю нашу кровью оросил...»
Подернулось лицо проводника постарше:
«Ответ найдешь ты сам, коль Русь свою спасал.
Коль нет ее родной на всей планете краше,
Коль дорог во грехе божественный сей сад.
Ведь ты спасал себя от недруга и страха,
А прошлое твое – история людей
И рода твоего... Чай, парень, не рубаха,
Когда забыв про смерть, спасаешь ты детей.
Да ты убил врага, но в этом Божья правда.
И кара тем, кто в войнах кровушкой дышал.
А если б не убил, сказав себе: «Не надо!», –
Убийцей стал бы сам, славянская душа!
Ты выбрал путь себе, а мы твое – начало.
Решай, как будет жить в веках твой
славный род».

Иван махнул рукой и прошептал устало:
«Я этот путь пройду, пусть я и не герой».
И снова был мираж, и вновь стояли двое,
И вихорь рвал песок, в неистовстве кружа.
Он раздражал любовь и изводил покоем,
Ведь шел Иванов век по лезвию ножа.
Как страшно убивать, порой невыносимо,
И не щадить врага за веру. Нелегко!
Но молится семья за сгинувшего сына,
И слышу я молитву ту сквозь тьму веков.

Угодно небу и судьбе,
Чтоб вышло так. Не вой. Да замолчи ты, дура!»
И снова их накрыл разрыв.
Иван успел закрыть девчонку своим телом.
Был неосознанным порыв...
Проваливался в свет, пока в глазах темнело...

Лист, раскалившись, руку жег,
И сердце, нервно спотыкаясь, затихало.
И, мужества вкусив упрек,
Он мчался, словно бумеранг, в свое начало.
Знать, жизнь любить пришла пора!
И, завершая путь в падении свободном,
За Русь святую умирал:
Ведь землю защищать свою – богоугодно.

Часть III

-1-

Песок Ивану надоел... Но шел упрямо.
Вчера он умер, а сегодня снова жив.
Нет тех, кто дорог был ему, кто бился рядом.
Врезались слезы в душу, как ножи.
Терять других вдруг оказалось очень трудно.
Еще трудней не потерять себя.
А он терял, и было на душе паскудно.
И злился, совесть мыслями дробя.
Он шел к костру, не думая. Он знал дорогу.

Но путь есть путь: он выбрал его сам.
Он убивать устал и обратился к Богу:
«Скажи, чем так прекрасен райский сад?»
Должно быть в слух сказал, а проводник

ответил:

«Ты шел к костру с нечаянной бедой,
А он, скажу тебе, Иван, во мраке светел –
Его не просто чувствовать душой.
Ведь он бывает добрым, а порою – злым:
То тлеет, то сжигает изнутри.
Ты в сад вошел с любовью, так отдай ее другим.
Будь милосердным, ну, а гнев смири...
«Но как смирить свой гнев, коль я уже
последний,

И я увижу, как меня убьют?
И что с того, что я надежда поколений?
Вы остались – в прошлом, а я – тут!»

«Скажи, Иван, ты был уверен, что ты умер?
А ведь у Бога мертвых нет.
Пойми: ты пребываешь в страхе и раздумье,
Во мраке ищешь несказанный свет.
И поиск твой, Иван, отмечен искрой Божьей:
Ты в будущее открываешь дверь.
А наша смерть тебе ее открыть поможет.
А, коль нашел путь к вере, – просто верь...»

И вспыхнул пламенем мираж.
Вихрь уносил двоих сквозь время.
Ивану лист шептал: «Пора
Взвалить на плечи это бремя».
Ведь смерть ждала проводника.
Он в дом вбежал, Иван вдогонку.
Жизнь под огнем так коротка:
У них был шанс спасти ребенка.
Бомбежка обнажила дом,
А сын орал, что было мочи.
Отец почувствовал нутром,
Что миг затишья все короче.
В объятьях сын... и снова взрыв!
Отец шептал: «Не плачь, сыночек».
Ребенок плакал, да навзрыд.
Им парня жалко было очень.
Но не до этого теперь:
Вокруг все рушилось, взрывалось.
В Иване просыпался зверь,
А боль испепеляла жалость.
И в этот миг накрыло всех:
В развалинах лежали судьбы.
Иван, отхаркивая смех,
Бросал проклятия сквозь зубы.
Он вечность полз к проводнику.
Тот умирал. Узнал Ивана:
«Спаси я сына не могу.

Я прожил жизнь, и смерть желанна.
Но сможешь ты спасти его.
Для вас в веках одна дорога:
Костер горит лишь для того,
Кто любит Родину ... и Бога.
Грех совесть разъедает... пусть...
В людских страданиях Божья сила.
Но лишь Ему молилась Русь,
Чтобы в веках жила Россия».

-3-

Ребенок кашлял, плакал и стонал.
Все звал отца, увы, напрасно.
Иван к нему подполз: «Что, старина,
Живой? Идти не сможешь? Ясно».
Набрав в грудь воздух, резко встал с колен.
От боли вздрагивало тело.
Схватил ребенка на руки, вспотел:
«Бояться так осточертело!»
Немецкий самолет над ним дрожал.
Иван упрямо нес ребенка.
«Отец твой умер, мне так жаль...
Не плачь, побереги силенки».
Малыш сквозь всхлипы об отце твердил:
«Мы с моим папкой очень дружим.
Теперь он умер, я совсем один,
И ни кому уже не нужен».
Свинцом плевался самолет:

В своем беспамятстве голодном
Не унимался пулемет...
Так было Господу угодно.
Иван поверил Богу в первый раз.
Дрожал, но смерти не боялся.
Ну, а малыш продолжил свой рассказ
И плакать в страхе не пытался:
«Мы были вместе с мамой, а потом
Она ушла, так нужно было.
Ну, а потом все вспыхнуло огнем,
Вся улица покрылась пылью.
Людей лежало много на земле,
И мама там лежала тоже.
Она тогда в руках держала хлеб...
А мне отдать его не сможет.
Потом как бухнет! Я и закричал.
Я испугался и звал папу.
Я ждал его, наверно, целый час.
Смотрел, как дождь на маму капал.
Потом, как грохнуло!.. Я так орал...
А папа мне сказал: «Не надо».
Иван вздохнул: «Тебе взрослеть пора.
А мама с папой будут рядом.
Люби и верь: неси свой крест».
Иван отдал ребенка в чьи-то руки,
Сказав: «Он сирота, один, как перст...».
Лист плакал, исчезали звуки,
И женщина с ребенком на руках,
Со взглядом, озаренным светом...

А времени военного река
Текла назад под крымским ветром,
Как то тепло в натопленной избе,
Которое вдохнет уставший пахарь,
Чтоб просто, забывая о себе,
С друзьями быть в минуты страха.
А вот отправить в смерть их нелегко,
Хоть смерть для них была желанна.
И самый старший из проводников
Вдруг мысли оборвал Ивана:
«Из прошлого взгляд устреми вперед –
Шанс этот выпадает редко.
Ты сделал выбор, так иди в народ,
И будь достоин своих предков».

Часть IV

Костер горел среди песка и ночи,
Как среди зелени порой горит душа.
И путь мальчишке кажется короче –
Тот путь, что предоставил шанс
Нырнуть из прошлого да в будущее Крыма,
Пройти по улицам, увидеть жизнь людей, –
Ведь эта жизнь в столетиях хранима
Березовой любовью матерей.
Костер горел дыханием Ивана,
А, значит, в сердце жив славянский род.
И сквозь мираж рванулся светом рьяно
Песочный вихрь в последний свой полет...

Иван очнулся, на скамейке сидя.
Лениво ветер теребил листву.
Дышала солнцем древняя Россия,
И облака цепляли синеву.
К скамейке бодро подошла девчонка,
Остановилась, пальчиком грозя.
И, рассмеявшись радостно и звонко,
Сказала: «А вот хмуриться нельзя!»
Иван чуть встрепенулся: «Почему же?»
«Да потому: сегодня день такой.
И хмурый вид, поверь, ему не нужен.
Ты радуйся, или иди домой».
Иван вспыхнул: «Да что за день особый?»
«Ты, что, еще не знаешь ничего?
Он для людей сегодня очень добрый,
И хмурым не оставит никого.
Сегодня за Россию голосуют!
Так папа говорит, что в ней нам быть!
Мы для детей желаем жизнь такую,
Чтоб не майданским был, а русским быт
Так папа говорит: «Майдан – он страшен,
Он убивает и калечит Русь.
А вот Россия – мать жизни нашей,
Вот за нее, дочурка, и молюсь».
Так мама говорит: «Нам Бог поможет».
И плачет. Улыбается потом,
Меня целует, и я плачу тоже.
Вот так немножко плачем мы вдвоем.
А папа нас обнимет, успокоит:

«Ну, что, девчонки, нам ли горевать?
Оставьте слезы, милые, в покое.
Пора пришла за Русь голосовать!»
Так папа нам сказал, нам легче стало,
Поэтому ты хмуриться не смей!»
Раскинув руки, девочка бежала,
И мама с папой улыбались ей.

-2-

А люди шли и шли... Иван пошел за ними.
Куда? Неважно... Главное – идти.
Он знал: с открытыми улыбками такими
Ему сегодня было по пути.
На избирательном участке оживленье.
Здесь все друзья! Бьет радость через край.
И главное для них не выбор, а общенье.
А выбор уже сделан, и пришла пора
Поднять российский флаг! Таков порыв народа.
Его не сломит бешеный Майдан.
Ведь человеку так важна свобода,
А в дом вернуться хочется всегда.
Услышав плач, Иван склонился над ребенком,
За плечи взял и тихо так спросил:
«Ты потерялся?» И малыш ответил горько:
«Наверно, папа про меня забыл.
А я все шел и шел, и сразу заблудился.
Потом я испугался, плакать стал».
«Ну, а как звать тебя, малыш?»

«Меня-то Дима».
«Ну, вот что, Дима, сделаем-ка так.
Поищем папу твоего. Ну, как, согласен?»
«Согласен! Он мне книжку покупал».
Искали долго, но был поиск не напрасен.
Малыш вдруг закричал надрывно: «Пап!»
И бросился к отцу... Отец лицом был страшен:
Обнял ребенка, на колени встав.
А люди мирно улыбались, и не важен
Майдан, пока любовь в душе чиста.
И воздух был пропитан добротой.
Ивана вздох, смахнул с лица слезу...
Вдруг – свет в глаза огнем, и в нем слезинка
тонет.

И наш герой в заснеженном лесу...
Крик материнский звал его к себе: «Сыночек!»
И лист ожил, сорвался искрой в снег.
Иван все понял: «В дом вернуться хочет!...»
И мир преобразился, как во сне.

-3-

Шла мать, к себе прижала сына,
Катились слезы по щекам,
И тихо Господа просила:
«Пусть он пойдет! Я все отдам
За детский луч его улыбки,
За озорство бегущих ног,
За те не детские ошибки,

Что нам не раз прощает Бог». Шла мать, вокруг вздыхали люди И расступались перед ней. Кто ж материнский плач осудит В народном празднике огней, Средь добрых искренних улыбок, Чем так щедра Святая Русь, Где ценят русское «спасибо», Где веселится даже грусть? Шла мать, как жизнь идет по полю, И, разрывая смех и шум, С такой молитвенною болью Сорвался крик ее: «Прошу!» А небо тучами темнело... Луч солнца выглянул на миг. Молитва разбудила тело: «Дай силы, Господи! Аминь!» Лицо вдруг вспыхнуло румянцем – Встал на ноги ее малыш! И заплясало знамя в танце Под небом пасмурным и злым. Притихла площадь. Шел ребенок, Хоть не ходил седьмой уж год. И пробуждался, как спросонок, От дум взволнованный народ. Держал икону богомолец. Взгляд старца был тревожно строг: «Куда идешь ты, знаменосец?» - Иду в Россию! С нами Бог!

Святая Русь

Стихи о Боге, России и Русском
народе

Русским людям посвящается

«Русь именуется Святою не потому, что в ней «нет» греха и порока; или что в ней «все» люди – святые... Нет. Но потому, что в ней живёт глубокая, никогда не утощающаяся, а по греховности людской и не утоляющаяся жажда праведности... И в этой жажде праведности человек прав и свят при всей своей обыденной греховности».

Иван Ильин, русский философ

Все величие людей сокрыто в малом:
Взвесить могут его Божии весы.
А Россия есть Россия, и недаром
Верит в Бога недостойный ее сын.
Да, трудна такая вера в жизни этой,
Где духовность век влачит на самом дне.
Но согреет мой народ небесной лентой
Мирный день, маяча птицею в окне.

В тишине души

Я иду в тишину,
в тень ночного дыханья печали,
И фантазии страха
обходят меня стороной.
В сонный парк
с не прикрытыми снегом плечами:
Ни дворец, ни музей,
Полусказочный, полупустой.
За стеной коридор –
может в память, а может быть в вечность.
Ни тропы не видать,
ни забытую кем-то луну.
Шаг дается с трудом,
и несется мой взгляд в бесконечность,
В душу зла и добра
сквозь мерцание звездных минут.
В них хранится мое
ограниченное болью наследство,
И мое ожиданье
имеет встревоженный вид.
Где-то там среди звезд
беспокойное прячется детство,
И мужская забытая
нежность отцовской любви.

Милосердие

Раскопав одежду в баках,
Водки выпили бомжи
(Кто-то кинул кость собакам...)
И пошли за гаражи.

И вступая в перебранку,
В предвкушение дележа,
Не спеша, почти в развалку,
Шли на «базу» кореша.

Там – вонючие лежанки,
Прах домашнего тепла,
Поджидали после пьянки
Их немывтые тела.

Встретит ночь под звёздной крышей,
Голодающий отряд, –
До утра утомонившись,
На лежанках захрапят.

Сон сорвав как паутину,
С голодухи подскочив,
Подадутся к магазину,
Вновь на вахту заступив.

Целый день столбом маячить,
И, с поникшей головой,

У прохожих будут кланчить
Мелочишку на пропой,

К милосердию взывая,
В нетерпении дрожа...
И не выдержит иная
Сердобольная душа.

Испытавшая немало,
Натерпевшаяся власть,
Вынет мелочь из кармана
И просителю подаст...

Кресты и берёзы

На Котляковском кладбище берёзы
От самого забора встали в строй.
И, по колено, снежные заносы
Хранят могил кладбищенский покой.

Безлюдно здесь, а на душе тревожно.
Морозным сном пронизан каждый шаг.
Снег беспокоит скрипом, как нарочно,
Почти до слёз, застряв в моих ушах;

Застряв в глазах суровостью слепящей,
Холодным утешением земли.
И отчуждённый мрамор в настоящем
Скрывает судьбы незнакомых лиц.

Хоть видимость зимой не дальше носа,
Но вижу: в двух шагах от суеты
Меж памятников мрачных – как берёзы
Стремятся в небо вечные кресты.

Ведь ты мужик

А вот – подъезд, начало всех проблем,
По лестнице семейной восхожденье.
Спешишь ты в круг давно привычных схем,
Где для тебя не будет утешенья.

В них поселился будничный скандал
Тревожным ожиданием на лицах.
И что с того, что ты уже устал?
Не зарывайся, если не тупица.

Что для тебя твой дом, твоя семья?
И для кого же жить ещё на свете?
Ты гордо произносишь свое: «Я!»
А в этом: «Я!» – твои жена и дети.

Смени свой гнев на искренность родных,
Которые тебя за что-то любят.
Поддайся чувству собственной вины,
Ведь ты мужик, а значит – не убудет.

Пусть разносолов нету на столе,
Но соль любви в сердцах – всего превыше!
...Грехи как тень блуждают по земле,
Зато терпенье нам даётся свыше.

Преодоление

Тучи в страхе несутся прочь...
Над деревьями гасит свет
Раздражённая ветром ночь
Миномётной рукой своей.

Ничего, что насквозь промок
И познал дождевую злость,
Но я всё-таки в чёрном смог
Угадать очертанья звёзд!

За Богослужением

Окунув грехи в смиренность,
В церкви молится народ:
Хоть и сетует на бедность,
Но раскаяньем живёт.

Шепчет правду во спасенье,
Крест на рамена кладёт,
И молитву в искупленье
Так по жизни и несёт.

Заблудшая душа

Сел на скамейку старый дед.
Зевнул, раскачивая тело.
Провел рукой по бороде.
В дом возвращаться не хотелось.
В пруду купалась малышня.
Что ей до дедовских страданий?
И то, кому сейчас нужна
Тупая боль воспоминаний?
Смерть, не щадящая людей,
Дождавшись истинного часа,
Пришла, и вздох его друзей
В переживаниях остался.
Мальцы отправились домой,
Как дед в свои воспоминанья,
Как новобранцы шли на бой
В нетерпеливом ожиданье
Крушить врага и сохранить
Свою любимую Россию,
Чтоб детский смех старался жить,
Не уподобившись насилью.
Как трудно к цели сделать шаг,
А угрызенья лечит время,
Когда заблудшая душа
В небесном жаждет утешенья.

Звонарь

-1-

Звонарь дрожит, и силы тают.
Как Моцарт, превратился в слух.
Его эмоции рыдают,
А звон раскачивает дух.
Крепка Россия этим звуком –
Благословен ее народ,
Пока завещанное внукам
В сердцах хранит славянский род.
Звонарь вспотел, черпая силу
Во вдохновенье, что пришло,
Обдав людей небесной пылью,
Расправил звездное крыло.

-2-

Мальчишка слушал звонаря
И в непонятное нырял.
Но шепот тихо повторял:
«Дин-дон», – вздохнув у алтаря.
Вспорхнула пламенем свеча,
Внутри все вздрогнуло, как пыль.
Испуг вспылил и замолчал.
Но был ли он? Похоже, был.
Забилось сердце: «Слушай, мам...»

А мама: «Господа моли...»
Он в первый раз молился сам
Во все глаза на Божий лик.
Свинцом гудела голова,
Он погружался в чуткий сон,
Но и во сне его слова
Вдруг эхом вспыхнули: «дин-дон!»

-3-

Как много людей!.. Тут живет доброта,
Что даже по коже мороз.
Мне здесь хорошо, но я очень устал,
Ну, даже не знаю.. До слез.
Креститься не трудно: старайся, как все,
И в чем был виновен – уйдет.
Слова здесь простые в небесной красе,
Что даже ребенок поймет.
Как делать добро, уберечься от зла?
Что рай для людей, а что ад?
Вдруг в мыслях запутались колокола,
И сердцем я сделался рад.
Я встал на колени, звон в душу проник.
Коснулся земли детский лоб,
Чтоб хоть на мгновенье продлил этот миг
Звонарь, что расправил крыло.

Раскаянье

Мой век в задумчивость ушел,
Призвав в союзники молчанье.
Стекает в пропасть лунный шёлк,
И я лечу в воспоминанья.
Душа рычит голодным псом,
И нервы тают как снежинка.
И холод чувствует нутром
Моя дежурная улыбка.
Клокочет жизнь вокруг меня
Бурлящим танцем листопада.
И болью мечется вина
От одного стального взгляда.
Сон, полный страхом до краев,
Растаял криком журавлиным.
И мстит раскаянье мое
За причиненное любимым.

Разговор

-1-

Дождь ночью лил, как из ведра,
Но приуныл, ослабил хватку.
Подумал, что старался зря,
Однако капал для порядка.
Он в одиночестве скучал,
И эта скука очевидна.
Кто в дождь гуляет по ночам?
Никто... но все-таки обидно.
Давно заканчивать пора
Мне дождевую дискотеку,
Вздремнуть, пожалуй, до утра.
Но вдруг заметил человека.
А тот свой шаг не торопил.
Спросил: «Ну что грустишь, братишка?»
Он просто искренне любил,
И улыбался как мальчишка.
Хотелось радость подарить,
Чтоб дождик улыбался тоже.
И ликовало все внутри
Любовной сыростью до дрожи.

-2-

Дождь шел, а в нем шел человек.

И улыбались оба.
Их отвлекал фонарный свет,
Хотя и не особо, –
«Своей работой я горжусь,
И воду лью исправно.
А разойдусь, так даже жуть
Берет – гуляю славно.

Во сне эмоции храня,
Все рассыпаю людям.
За эту искренность меня
И любят, и не любят.
Но обижаться нет причин:
Бываю груб порою.
Чтоб землю жизнью промочить,
Срываюсь вниз стеною.
Когда же дни идут к зиме,
Я холодом простужен,
Но люди помнят обо мне,
А, значит, я им нужен».

-3-

Ты прав, но кое в чем не прав.
Подумай сам.
Ведь у людей колючий нрав
К твоим делам.
Ну, что не скажешь сгоряча?
Не обессудь.

Ты уж по дружбе не серчай.
Не в этом суть.
А в том, что радость детворы
Разбудит смех,
И развернет свои шатры
Любовь для всех.
И жизнь скользнет из темноты
Смешным ростком.
И луч улыбки с высоты
Разбудит дом.
И в этом можешь ты помочь,
Как и всегда...
Дождь тучей уносился прочь:
«Ну, ерунда!
До скорой встречи, мне пора.
Встречай рассвет.
И пусть смеется детвора.
Да будет свет!»

В храме

Я в храме стоял, и свечою горел
Мой взгляд, что молил о прощенье.
Я истины жаждал и духом пел,
Сжигая крупицы сомненья.
Я искренне верю и этим жив,
Тянусь всеми силами к свету.
А выйду из храма, и вновь – миражи!
Вопросы, вопросы, советы...
Пусть в сердце моем не огонь, а ил,
Воскликнул: «Ну, кто же ответит?»
А батюшка мне отпустил грехи,
И радость проснулась, и трепет...

Ответ

Когда друзья становятся друзьями?
Ответ найдешь в аду или в Раю.
Ведь каждый день, разбуженный веками,
Поведает историю свою.
И будет в нем и сила, и коварство,
Предательство и вера, и любовь,
Желание возвыситься, и пьянство,
Дыханье мести, и распятый Бог.
Все будет в нем, а ты ищи дорогу.
Тебе дан выбор на тернистый путь.
Поклон отвесь и вере, и пороку.
Иди в грехах... молитву не забудь.
Она одна в предательстве утешит,
Даст Божий шанс, удержит на плаву.
И твой рассвет дыханием забрезжит,
И боль твою развеет птичий звук.
Не обольщайся, если жить уютно,
Хоть раз на сердце руку положи.
Ведь влезть в чужое горе так не трудно,
Куда трудней быть совестью души.

Во что же ты веришь?

«Семейные узы» – слова не пустые,
Раз верится сердцу в такие слова.
И волосы верят: на то и седые.
Раскаянья пройден ночной перевал.
С тобою все ясно, сложнее с другими
Для тех, кто теряет надежду любить.
Похмельные помыслы будут благими,
Но ложь оправданием не отбелить.
Да сам полюбуйся, во что же ты веришь.
Семья для тебя – не простые слова.
А вот свой обман ты стаканами меришь,
И ниц обвисает твоя голова.
Седая усталость – твое откровенье.
Теряется в буднях отцовский твой след.
Надежда так призрачна. Ложь – во спасенье.
Раскаянье – вера! Храни, коль не слеп.

Напоминание

Как часто теряем, как редко находим,
А то, что нашли, привыкаем терять.
Но память напомнит из сотен мелодий
Мелодию сна, что дарила нам мать.
Подарок из детства, согретый любовью,
Забытый с годами Божественный знак.
И тонет фантазия как предисловье
Ночного раскаянья в омуте сна.
Уходят желанья людские, как в замять.
И в ней просыпается вечный укор.
Из сотен мелодий, ворвавшихся в память,
Мы ищем потом, что теряем легко.
Торопимся жить, разрывая на части
Мелодию детства. Концов не найти.
Но нежность руки материнского счастья
Прижата ладонями к детской груди.

Кораблик

Моим друзьям И.Г. и О.А.

-1-

Любовь – это просто разбуженный свет.
Для каждого свой, но согреется каждый.
И пусть будет в плаванье благословлен
Нежданного чувства кораблик бумажный.
Плыви по ручью. И да славься Господь,
Забывтый в грехах воздыхатель прощенья!
И пусть для мечты пробуждается плоть –
Ко всем испытаньям любви приложенье.
«Ты просто чудак и плывешь на авось,
Бумажный мой друг, в суету нетерпенья,
Где все так непрочное, все шатко, все вскользь.
От ласки чудачества до раздраженья.
Не проще ли было остаться листом,
Чтоб люди писали о том, что тревожит.
А ты свои мысли поставил ребром.
И день был с утра, как нарочно, погожим.
Ты выбрал свой путь не без помощи рук,
Оставил навеки младенчества ясли...
Ну что же, плыви, извини, что был груб.
И в плаванье будь обязательно счастлив.

-2-

Ну что, кораблик белый,
Почувствовал свободу?
В любви твой голос первый.
Всмотрись в речную воду –
В ней святости по горло.
И ты плыви, раз надо,
В своем стремленьи гордом.
Твое желанье свято.
А я в людских лишениях –
Маяк безумной страсти.
Поэт без прегрешенья –
Всего лишь символ власти.
Но ты мне симпатичен
Без лжи военных свастика.
В миру не обналичен
Войной, а значит – праздник
Любви. Плыви и веруй
В себя, в людей, в их руки...
Плыви, кораблик белый,
В молитвенные звуки.

-3-

Ты так устал, кораблик,
Но в бурях возмужал.
Ведь океан – проказник,
А волны – только жар.
Терпение – отсрочка...

Расправь же паруса.
В любви поставил точку,
И хватит за глаза.
Плыви мой бриг и здравствуй,
Спеша в голубизну.
Над океаном властвуй,
А я пока усну.
Стремись к началу света,
Где тикает мечта.
И, может быть, к рассвету
Почувствуешь, что стар.
Но серебро бумаги,
Воспримешь, как итог.
И я в соленой влаге
Растаю между строк.

Ностальгия

Я ненавижу денежную крайность,
Ведь в СССР я начинал свой век,
Где ценен был не рубль, а человек,
А уж потом его национальность.
И пусть года развеяли мечту,
Мою мечту простого человека,
Я прыгну в омут пошлости с разбега,
Но сохраню людскую красоту.
Перевернув истории главу,
Я в нищете бомжую, но поверьте,
Я понял вдруг, что в Божьей круговерти
Я верую, а значит, я живу.

Глубина

Остались лужи от дождя –
Дневные зеркала.
И небо, взгляд не отводя,
Нырнуло в гладь стекла.
И я увидел глубину
Ребристых облаков.
В нее с разбега сиганул
Старанием стихов.
И в ней я облаком поплыл,
Похожим на ребро.
Я был не добрым и не злым,
И легким как перо.
Я затерялся между туч,
И мне среди теней
Хотелось разделить мечту
Хоть с кем-то из людей.
Чтобы фантазией пронзил
Он глубину дождя.
И легкой дымкой заскользил
По небу, как и я.

Вопрос

- 1-

В смешенье мелочных интриг,
Себя теряя между ними,
Семью наказывать во имя
Своих подвыпивших улик.
Развеяв чувства перед сном,
Скучать на ветреной перине.
И вдруг с ветвистой паутины
Сорваться трепетным листом.

-2-

Я – страх семейного разрыва.
Я – ужас любящей семьи.
Я – воплощение надрыва.
Я – школьный мученик скамьи.
Но вот душа моя – как нитка,
Как лжи натянутый порыв.
Как одинокая кибитка.
Семейной истины архив.

-3-

Простишь ли, Господи, в грехах
Вдрызг неразумное дитя,
Который исповедь в стихах
Несет поэзию, как стяг?
А значит, выбор за тобой –
Быть снисходительным иль ждать:
Вскормить поэту непокой,
Или на лаврах бомжевать?

Переход

-1-

А мы спешим, всегда спешим куда-то
По лестнице в подземный переход –
От мизерной зарплаты до зарплаты
В неизлечимо злой водоворот.
И кровь бурлит, разбуженная в венах,
Впечатав в пол всю боль казенных ног.
Мы рвемся в жизнь, затоптанную в нервах,
И Божий свет теряем за спиной.

-2-

Людской поток встречается с другим,
И цепкий взгляд стреляет по глазам.
И рикошетом бросившись в изгиб,
Поверх голов метается азарт.
Зажав в кулак многоголосый хор,
В вопросах извлекая падежи
И нервами штурмуя переход,
С лиц соскребая мрамор, ворожит.

-3-

Здесь переход, здесь каждый – только гость.
Здесь судеб человеческих смешенье.
И по лицу стекающую злость
Рукой испепеляет раздраженье.
И топот ног становится резвей,
Хлебнув с лихвою мраморной опеки.
Улыбкою встречая Божий свет,
Мы в благодарность небу щурим веки.

Постскрипtum

-1-

Войти в подземный переход,
Где все общаются плечами.
А если надо, и речами –
И бестолковый, и урод.
Ну что ж, войду. Все быстротечно.
Здесь жизнь бурлит как водопад.
И я, признаться, даже рад,
Что путешествие конечно.
Вот кто-то высказался вслух:
«Какая, в сущности, скотина!»
А вслед летит альтернатива,
Что перехватывает дух.
Штормит забористая речь,
Вдруг стимулирует желанье,
И ты включаешь зажигање,
В кого-то выпустив картечь.
И, зацепившись, языки
Освобождают напряженье.
И рвутся в бой телосложенья,
Терзая жертв, как пауки.
Вот забирает деньги тип.
Глаза пронизывает холод.
И, право, Господи, прости:
Здесь голова не хлеб, а голод.

- 2-

Здесь поселилась нищета.
Здесь старость просит подаенье.
Зато жирует гопота,
Снимая сливки на страданиях.
Наш ум охватывает зуд,
Немую боль глотая кожей.
И чей-то вздох, достав слезу,
Сует в ладонь, кто сколько может.

-3-

На переход, на переход,
Вперед в палаточные дебри,
Где деньги шествуют в доход
И вырастают, словно стебли.
И пристают: «Позолоти
Ладонь цыганской паутине»
И проведут, как не крути,
Любого даже на мякине.
И пусть плескается во лжи
Обманом нареченный идол...
Такую встряску пережив,
Ты встретишь свет, как Божий выдох.

Возвращение к истине

Я встретил преданных друзей,
Нашел соратников по духу.
А случай – серый соловей:
Пьет терпкость истинного слуха.
Национальность – блеклый миф,
Но уваженье – это свято.
В сердцах напорешься на риф,
А Божья истина крылата.

Прикосновение

Рука касается листа,
Как боль касается России.
И душу тянет маета,
Срывая с губ слова сухие.
Лист рассыпается в руке,
А пальцы мнут осенний мусор.
И ночь висит на волоске
Морозно – ветреным укусом.
И рвутся листья без числа
В испепеляющую повесть.
И смерть молитвою легла
На раскоряченную совесть.
Я в мыслях возвращаю мать,
Что безотцовщину растила
И шла на улицу встречать
Уже взрослеющего сына.
Сомненьем душу теребя,
Впитавшим страх, как воду – скатерть,
За непослушное дитя
В слезах молила Божью Матерь.

Не до шуток

Уперлась комната в углы
На все четыре стороны.
В ремонт вгрызаются козлы,
Как в смерть чужую вороны.
И льется искренность в рубли
Желанием некошеным.
Надежда падает в нули,
Как шпатель в воду брошенный.
И все же жадность округлит,
Что долларом обложено,
А все, что прибыль посулит,
Слезю обезвожено.
Рванет российская строка
И вскроет брак неровности.
И мат скользнет наверняка
В рифленые подробности.
И будет истинный накал,
Как Божье слово брошено.
Но шпатель взявшая рука
Отмолит, как положено.

Крестный ход

-1-

Свой круг закончил Крестный ход.
«Христос воскрес!» – в сердцах и мыслях.
Молясь, в храм двинулся народ
Во всех раскаяньях и смыслах.
А в душах трепет и покой.
Усталость глаз скрывает веко.
От чувств нахлынувших легко
Среди людей быть человеком.
И в храм вливается поток –
Надежд распятое желанье.
И в каждом сердце бьется Бог.
И в каждой мысли – состраданье.

-2-

Не правда ли, как это страшно:
Слыть нищетой в своей стране?!
И быть букашкой бумажной,
Влача свой крест на самом дне.
И что с того, что день рожденья,
Как тот орех, расщелкал год.
Ведь смысл исканий в просветленье,
Что дарит людям Крестный ход.

-3-

В словах рождается напор.
Наполнит он града и веси,
И, подхватив, взметнется хор
Людей – «Воистину Воскресе!»

Обычный человек

-1-

Ты хочешь быть самим собой,
Обычный человек?
В России выбор непростой –
Иллюзии развей,
Как ветер дым с печной трубы,
Но сохрани тепло
Могильно-мраморной ходьбы,
Что изнуряет плоть,
Как оживающий апрель
В военной пустоте.
А ты, как зимняя капель,
Душой осиротел.
И пусть любовь твоя ворчит,
А зубы точит хруст,
Молись и свечкой от свечи
Зажги смиренье чувств.

-2-

Сказал и сам не рад.
Но все-таки сказал.
На свой мужицкий лад
Терпенье нанизал.

А что же мне, молчать?
Жить в собственном соку?
На то ведь и печать,
Чтоб выплеснуть строку,
В ней поселив добро,
А злом пропитан стих.
Но ты не скаль нутро
И грешного прости
За то, что приютил
Увечных и калек...
И словом водку пил
Обычный человек.

-3-

Могильно-мраморные льдины
Скрывают честность и обман.
К оградкам разные причины
Несут в цветах и стар, и мал.
А память, споря с человеком,
Тропой военной пролегла,
Чтобы увечным и калекам
Отдать хоть чуточку тепла
Непросто жить в российском доме.
Смех перебарывает страх.
Но все, что сверх, и все, что кроме,
Огнем свечей наполнит Храм

Березовая осень

Привет тебе, привет, красавица моя,
Дающая приют березовая осень.
Ты встретила меня, и я не устоял
Забыться хоть на миг в твоём многоголосье.
Я эту сказку ждал, как сказку ждет малыш,
Как страстно ждет река зимою половодья.
А теплые ручьи текут, срываясь с крыш.
И я топчу асфальт, разбрызгивая воду.
Во мглу струится свет распахнутых окон.
Навеянная грусть его не замечает.
И каждым шагом я тревожу мокрый сон,
А вот душа моя как в юности пылает,
И рвется из груди, о милости моля,
Пока в российский дождь бросает капли оземь.
Люби меня, люби, красавица моя –
Мне давшая приют березовая осень.

В поисках смысла

Детский смех, согревая теплом,
Вызывает на лицах улыбки.
И не надо разгневанных слов,
Чтобы детство ругать за ошибки.
Путь нельзя угадать наперед,
Как откликнется наше прощенье.
Каждый верит, что старость найдет
В этом мире к себе уваженье.
Создавая семейный уют,
Быт Российский скандалами страшен.
У иных уже внуки растут...
Лишь бы жизнь их была лучше нашей!
Видя радость на лицах детей,
Мысль черпала ответ от истока.
Что же Библия есть для людей?
Конституция Господа Бога.

Пробуждение

Терпение порой не безгранично.
Терпимость учит быть самим собой.
Терпение к другим не безразлично.
Терпимость просыпается с душой.
Терпенье уступает точку зренья,
Предпочитая попросту молчать,
В переживаньях крепит раздраженье
И дышит силой, чтоб не заорать,
Скрывая злость, и чувство непростое
Несет к подножью храмов и церквей.
Терпенье ищет истину в покое,
Терпимость в уважении людей.

Российский уголок

Меня встречал вечерний Липецк,
И ждал отъезд автовокзал.
Три дня небесный живописец
Мазками будни рисовал.
И я, войдя в его картину,
В живой Российский уголок,
Не любовался на витрины,
А под дождем июльским мок.
Душа меняла свою внешность,
И по сравнению с Москвой
Я деревенскую неспешность
Вдруг перепутал с городской.
Я как мальчишка потерялся
Меж улиц Липецких огней,
И просто людям улыбался,
И люди улыбались мне.
Три дня не много и не мало.
Я чувством этим дорожу.
Мне так улыбок не хватало —
И я в Москву их увожу.
Купаясь в ветреном дыханье,
Пролив на землю летний сок,
Рассыпал звезды на прощанье
Творца российский уголок.

Расстояние любви

В губах дымится сигарета.
О теще мысли, лишь о ней.
Пройди, казалось бы, полсвета,
Но не найдешь любви добрей.
Не сыщешь к чувствам пониманья,
Душевной чуткости к грехам.
И пусть меж нами расстоянья,
Они для веры – чепуха.
И, если искупленья ради,
Ей предстоит любовь всполоть,
Святую радость Благодати
Пусть ниспошлет с небес Господь.

Искры любви

Скажи хоть сотню раз:
«Не обращай вниманья»,
Что попросту вспылит,
Что просто был не прав.
В конце концов, простят,
Но не за оправданья,
А по привычке лет
Прощенье исчерпав.
Желания – вода –
Исчезнут между пальцев,
Несбыточной мечтой
Застрянут, словно кость,
В приевшихся словах
Супружеских страдальцев,
Наматывая вздох
На жизненную ось.
Осыпалась любовь
Осенним листопадом,
И чувства теребит
Досадным пустяком.
Но искорки ее,
Рассыпанные матом,
Упрямо день за днем
Не возвращают в дом,
Снимая обувь с ног
Полночными часами,

Нешуточный скандал
Оставив на потом...
А боль прощенных глаз,
Промытая слезами,
Вдруг обожжет тебя
Супружеским теплом.

Горечь

Где радость, там и огорченье.
А потому любовь горчит.
И по закону притяженья
Дает супружество в кредит.
Чтоб возвращать его годами!
У счастья свой особый срок.
Хоть зарастает сорняками,
Но согревается добром.
И то сказать, кого заботит,
Когда ж неискренности смог,
Рожденный в бытовом болоте,
Отдаст любви последний долг.
До самой капли будет выжат
Волненьем сигаретный дым.
А чувство, данное нам свыше,
И после горечи храним.

Зачем?

Супружество трещит от напряжения,
Варясь в грехах, как в собственном соку,
Ведь на пути закона притяженья
Вся наша жизнь пред Господом в долгу
До той поры, пока комок надежды
В историю впечатает свой след
И будет выбор... Но подумай прежде,
Зачем ты появился на земле?

Случайная встреча

На лавочке книга лежит,
Вздыхает как старая бабка:
«Теперь, вот, тужи ни тужи,
Похоже, придется не сладко.
А значит, смотреть ни к чему
На рядом упавшую ветку,
Терпя неудобство от мух...
А, впрочем, возьму на заметку,
Что ветке не сладко, как мне.
Хоть я и забытая книга,
Но, словно прозрачность в уме,
Не кончена, все же, интрига.
Еще не дочитан мой текст,
И глупо скучать в лунном свете!
Во мне очень много тех мест,
Что в клочья порвут чьи-то дети:
И буду я мучить асфальт,
Как память истлевший пергамент,
С той веткой отплясывать вальс
Под чьими-то злыми ногами».

«Упала на лавочку, вот незадача!
И что сокрушаться. Упала – лежи.
Висела себе, угодив под раздачу.
И листьям несладко – торчат как ножи.

Спасибо руке, что сломала от скуки
Меня дорогую. А что я могу?
Лежу рядом с книгой в зеленом недуге,
А мне бы с рябиной лежать на снегу.
Ах, эти мечты! Вот у книги, возможно,
Есть шансы в хорошие руки попасть.
А вот про меня догадаться несложно:
Без ягод сжует меня снежная пасть».

Но в горькой судьбе смысл разумный отмечен:
Забиться от дум на осеннем балу,
Стареть, высыхая, чтоб нежиться в вечном...
И звезды считать, и встречать первый луч.

А ветка зевала. Скучала верней.
Не выдержав, тут же спросила:
- О чем твои мысли?
- О чувствах людей, –
В тон книга ее перебила.
- Мне выпала честь эти чувства беречь.
Любовная сила в доверье.
И в строчках плескается русская речь,
Как листья плескаются в ветре
- Да, это все так, но ведь руки людей
В желаньях своих не безгрешны.
- Увы, но и мы для любви их детей
Нужны словно проблеск надежды.
Задумалась ветка: «Все это слова,
Но что-то в них есть, несомненно.

Скажу лишь одно. Ты, похоже, права.
Вот только ответь откровенно.
От дерева может остаться хоть пень.
А ветка проснется, и снова
В жару будут листья дарить людям тень.
А ты?
- Я? Дарю людям слово.

Крик

Да хоть ты плачь, да хоть ори,
А к цели топай,
Чтобы услышала твой крик
Хоть вся Европа.
Пусть разодрал до хрипоты
Шальное горло,
Ты был на грани глухоты,
Молясь невольню.
И прозвучало: «Берегись!»
Сглотнул неловкость.
Снаряд подбросил тебя ввысь,
Да падал в пропасть.
Но ты – кремень. Лежал в пыли
И ждал носилки.
И хоть лицо под цвет земли –
Живой, курилка!
Пусть задыхался ты без сил
В кровавом стоне,
Сегодня Бог тебя хранил.
Живи и помни...

Возьму, да приеду

Вот брошу все свои дела,
Приеду к тестю.
А для меня он все равно, что как отец.
И обнимусь со стариком: все честь по чести.
И расцелуемся по-русски, наконец.
В словах не выразишь все чувства, если
любишь,
А вот прижму его к груди – и все сказал.
Порыв души не украдешь, да и не купишь,
А в сердце ляжет ветерком, как тот бальзам.
Пускай по жизни молчалив, немногословен,
А слово скажет, и разделим тост на всех.
Ведь я и сам порой грешу, а с батей ровен.
Махнем по чарке за столом за этот грех.
Отмолит теща наш порыв. А мы – мужчины.
На то и мать. Ведь так положено в роду.
Пусть не достигли мы с отцом своей вершины,
А с Божьей помощью за умного сойду.

Запоздалая вина

О Господи! Я знаю, что я грешен.
А Ты меня помилуй и прости.
Ведь ты – любовь. Внемли, я безутешен!
Позволь мой крест в поэзии нести.
Ведь эта просьба выстрадана в муках.
Тебе ль не знать? И радости глоток
Вкушаю я в написанном от звука
Пока еще несовершенных строк.
Да, я еще барахтаюсь в сомненьях.
Терзаюсь запоздалою виной.
Молюсь и получаю облегченье,
Срываясь в стон натянутой струной.
На исповедь приду, душой откроюсь.
И пусть грехи не делают мне честь,
Свою любовь к тебе, коль удостоюсь,
Я выражу талантом... если есть.

Сестры

Сидели сестры за столом:
Война с Победой.
У каждой мысли о своем,
Их путь неведом.
Победа голос подала:
«Давай-ка выпьем,
Покуда слез не пролила...
Людей обидим.
Они старались ради нас.
И убивали.
А мы давали им приказ,
Хоть не желали,
Чтоб этот мир трещал по швам
От горькой доли.
А вот народ меня ковал
В Российской домне.
Так за него я пью до дна —
За многолетье,
Чтоб не встречаться больше нам
На этом свете».

А время шло, и снова выпили по полной.
Война поморщилась: «Такие вот дела.
Все разрушаю, жгу, хожу сестрой бездомной,
Да в землю хороню убитые тела.
До времени терплю людскую хлебосольность,

Но толку от того, коль завистью дышу?
Замыслил, скажем, страх очередную подлость,
А я уж тут как тут. В предчувствии дрожу.
Терпенья ни на грош, зато полна коварства,
И к пропасти меня толкает человек.
Точнее, так скажу: насилие и пьянство
Впрягают мой разгул в тысячелетний бег.
Я нахожу себе одно лишь оправданье –
Свою судьбу решать им предстоит самим.
О люди, ваш удел – борьба за выживание,
Пока на всей земле не воцарится мир!
Пускай не будет мне в нем места в утешенье,
И пусть иной глупец душой не покривит,
Мой Бог, прошу, ответь благим
прикосновеньем,
Доколе буду я, бездомная, в крови?

Спешила ночь в рассвет,
Как боль спешит в укор.
Молчание сестер
Прервал столетний дед:
«Простите мой порыв,
Я здесь давно сижу.
Не ссоритесь, гляжу.
Да в совести нарыв.
Скажу, но не в вину –
Не испытавши грех,
В ответе ли за тех,
Кто пережил войну,

Кто, испытав свой страх,
Помочь другим не смог;
Кому доверил Бог
Раскаяться в сердцах;
Выращивать свой хлеб
Для внуков и детей,
В исчадии смертей
Себя не пожалев?
Наш грех пойдет вам впрок.
Вымаливайте мир.
Наступит светлый миг –
Мольбы услышит Бог».

Может быть

Мы повторяем каждый раз одно и то же.
Всю жизнь мы учимся, пытаюсь научить.
Смягчим свой властный тон, и тут же станем
строже,
А если сказано, то так тому и быть.
И из-под палки будет толк, но ненадолго.
У страха тоже есть терпения предел.
И грянет гром, как завершение итога
Того, кто все твои чудачества терпел.
И где тогда найдешь усталости замену?
А криком свою боль, увы, не залечить.
Крепись, к тебе придет раскаянье на смену.
И вот тогда поймешь хоть что-то... может быть.

Встреча двух поэтов

Обнимемся! Нас снова жизнь встречает
Три раза, да по-русски, в радость щек.
Мы выпили при встрече. Так бывает.
Под сигарету выпили еще.
- Легко ли вам? – кричит душа поэта.
А нам «под мухой» все уж нипочем.
Мы горько пьем за то, потом за это.
И наша боль с обидой – ни при чем.
Мы – просто «мы», с раскаяньем гнетущим.
Пытаясь опьяненье превозмочь,
Молитвами встречаем день грядущий
И с сожаленьем провожаем ночь.

Душа поэта

- Почему народ не хочет
Говорить с поэтами?
Вразуми страдальцев, Отче,
Божьими заветами.
Чтобы искра залетела
В душу беспокойную,
Чтоб любовь проникла в тело,
Словно в щель игольную –
Словом в плач людского горя
Растекалась лавою.
И да тронет Божья воля
Душу православную.

Обида

Не просто быть понятным людям.
Хотя, чего там понимать,
Когда готовишь жизнь, как блюдо,
И в страх ложишься, как в кровать?
А дальше – призрачные грезы,
И в довершенье – нищета,
Слепое пьянство и угрозы,
Людское свинство и беда.
Ну, что молчишь, хозяин жизни?
Невмоготу считать ворон?
Ведь ты и так по сути лишний,
Как тот отцепленный вагон.
Ты опускаешься все ниже,
И жалок твой помятый вид.
Пускай любовью ты обижен,
Но что ты стоишь без любви?

Сердце Господа

И без березы можно жить,
И до поры не верить в Бога,
По миру в поисках кружить...
А у любви одна дорога –
Бежать в Российское гнездо.
И провожают долгим взглядом
Воспоминанья в старый дом,
Кому чужбина стала адом.
Тому, кто жаждет путь пройти
И возвратиться в это раньше.
Ведь от березы не уйти!
Тоска преследует все чаще.
Чужбиной жизнь оголена,
Когда проснется ностальгия.
И память тронет седина,
Как сердце Господа Россия.

Тайна женщины

Есть тайна женщины.

Она оставит след

В любовной лирике голодного поэта.

И в муках творчества он кушает обед,

Черпая истину, на первый взгляд, из бреда.

Но в том бреду ума рождаются слова,

Изысканы как шелк, и тысяча вопросов.

Своим терпением их он рубит на дрова,

Чтобы сжигать в душе, как истинный философ.

И тем теплом он жив. И боль его тепла,

Загадкою свежа для женской половины.

Пылать огнем любви и не сгорать дотла,

Чтоб тайну приоткрыть, – почетно для

мужчины.

Стезей любви поэт идет издалека

Еще нехоженой дорогой комплиментов.

Непредсказуемость у женщин велика,

Как велика непредсказуемость поэтов.

Верность

Нет, не будите спящую собаку.
Не будите. Пусть еще поспит.
Существо, что ваш бессонный вакуум,
Искренней любовью усыпит.
Разбудили все-таки. С вас станется.
И она идет на голоса.
Нервно задрожит, в ногах растянется,
И глядит испуганно в глаза.
Заскулит, поддавшись искушению.
Пусть растеребить не удалось,
Нам, неблагодарным, в утешение
Принесет обглоданную кость.
Нервно излучая раздражение,
В муках жизнь пытается толочь,
Будучи с утра не в настроении,
Ту, что рядом, посылаем прочь.
Да подальше. Но она отходчива.
Именем собаку позови
И, глядишь, отпустит одиночество
Под напором истинной любви.

В хлеву

Человек мечтает вечно.
Для него мечты, как хлеб.
Только жизнь его овечья
Без конца толкает в хлев.
В городской иль деревенский.
Тут уж жалом не води,
Раз ты пьешь, комар вселенский,
На раздолбанном пути.
А с тобой жена и дети.
Их трясет – так уж трясет
На безденежной диете
От болезней и забот.
Молят Господа ночами,
Чтоб не пил, да был отцом.
Ну, а ты их тумачами,
Да в безбожии словцом.
А с грехами святотатца
Ты не нужен никому.
И моли, чтоб не остаться
В своем пьянстве одному.
Чтоб в грехах не возгордиться,
Пристрастившись к воровству.
Бог простит, не отдалится –
Только жить тебе в хлеву.

Хомут

А пуля метится в «Ура!»,
Чтоб горлом кровь и грязь под брюхом.
Чтоб озверевшие ветра
Тебе про смерть шептали в ухо.
Чтоб ты не помнил ничего,
С тоской уставившись на небо,
И удивлялся от того,
Что там еще ни разу не был.
А смерть все шепчет: «Я была.
Я есть, а выживешь, то буду
Хранить кровавые тела,
Тебя не бросив в эту груду.
Ты любишь жизнь, а вместе с тем
Еще оценишь мой поступок:
Ты жизнь любил, ты жить хотел,
Но от нее впадал ты в ступор.
Надев терпенье, как хомут,
Меня ты ненавидел люто,
А выжил только потому,
Что так надеялся на чудо.

Вкус

Вкус осенний, листопадный,
В ноябре морозный вкус.
Цвет дорожный – шоколадный,
Нагоняющий тоску.
Этот цвет мы мнем упорно,
Нагнетая пьяный спор
Нашей жизнью малахольной,
Словно пальцы Беломор.
Искурив свои проблемы,
Приобщаемся к труду.
Вкус божественной дилеммы
Растворяется в спирту.
А душа, что та рутина –
Вся, сердешная, в грязи.
Чтоб тебя не раздавило,
Ты мольбой ее спаси.

Полет

Нетороплива непогода –
То снег, то сыпет дождь.
Сладка от сырости зевота,
И тело пробирает дрожь.
Зима пристала белым снегом
К тем, кто не может без проблем,
Кто, называясь человеком,
Перед Творцом по сути нем.
Молитва шепчется о разном,
А вот глаза всегда молчат.
Ведет ли жизнь свою он праздно
Иль правдой крестится с плеча.
Все в этой сваре очень сложно.
Сегодня нужен и любим,
А вот на завтра все возможно –
Ты обречен и нелюдим.
Куда пойдешь, в чем твоя правда,
Что доказать хотел твой рот?
Кому все это было надо,
Когда ты рвался в свой полет?
И полетел в любви и страхе,
А жизнь копейками считал.
Зато теперь в одной рубaxe.
Но, вот, Творца не услышал.
Страдаешь молча о минувшем
И раздражаешься на снег.

В сердцах становишься орущим...
Но нем пред Богом человек.

Штык

Все «Я» да «Я», такой уж я.
А «Я» без «Мы» – уже осколок,
Когда штыком кишки разя,
Крик выворачивает голос.
А правды нет – бей и коли.
А ты – есть мы, а все в ответе.
Точнее, жители Земли,
Что обитают на планете.
Мир проповедует монах.
И даже тем, кто смотрит волком,
Чтоб жизнь, рожденная в грехах,
Цвела Божественным осколком,
И твое Я, и наше Мы
Не отнимало чье-то детство,
И штык, рождение войны,
Не покушался на наследство.

Давай покурим

Я – сигарета для тебя.
Вдохни меня – и нет в помине,
Твое желанье торопя,
Как тот глоток воды в пустыне.
Устрой в курилке перекур,
Чтобы работа не давила
На твой безденежный аллюр.
А дым для мыслей – это сила.
Меня ты выкуришь глотком.
Да я не против. Бога ради.
Готова стать твоим нутром
И утешением в кровати.
Пускай врачи кричат: «Нельзя!»
В меня влюбляться, как в подругу,
И страшной карою грозят.
Стянув диагноза подпругу.
А сами, черти, Беломор
Смолят при случае в охотку,
Меня вдыхают до тех пор,
Пока здоровье травит водку.
Тебе со мной не повезло,
Ты мной, мой друг, боюсь, испорчен.
Я для тебя, бесспорно, зло...
А перекур уже закончен.

Разбег времен

Когда с судьбой вступаешь в спор,
Любить людей не так уж сложно.
А скрыть свой страх перед толпой
В овечьей шкуре невозможно.
Толпа, толпой... она слепа,
Но в ее гуще те же люди –
Для жизни каждого клопа
И обличители, и судьи.
Ты к ним испытываешь страх,
И называешь вечно быдлом.
Зато греховный твой размах
Согрет в безбожии элитном.
Не ты ль – толпа перед толпой,
Ей возведенный в человеки,
Взываешь кличем на разбой,
Себя зачислив в дровосеки?
Вранье используешь, как щит,
И в страхе ждешь народной бури?
Она тебя не пощадит,
Пусть ты и волк в овечьей шкуре.

Старый дом

Дом прижимается к дороге
В сплошном движении машин.
Он остается недвижим,
Черпая в судьбах мысль о Боге.
Храня домашнее тепло,
Он дорог людям от рожденья,
К себе внушая уваженье,
Чуть-чуть с грустинкой и светло.
Пусть меркнет свет в душе с годами,
Но тяга к Родине чиста.
И, как учением Христа,
Мы дышим ей и пьем глотками.

Дураки

Друзей нам вечно не хватает,
Зато хватает дураков.
Жизнь равнодушие глотает,
Как слезы силу кулаков.
Ну, что рукам порой неймется?
На перекрестии времен
Один дурак в любовь ворвется,
А вот другой ревнив как слон.
Какого черта любим женщин,
Терзая ревностью любовь?
Мир во грехе порою тесен.
Зато прощенье – через боль.

Предвкушение

Прольется солнцем настроенье.
Пусть ситуация хрупка,
Но жизнь в предчувствие рожденья
Нам ожиданьем дорога.
Любовь стучится в наши души.
Легко на сердце и светло,
И рвется жизнь в глаза и уши,
Как в созревании Райский плод.
В святое чувство вдохновения,
Как в откровение войдем,
И Божью истину терпенья
Своим желаньем создаем.
Удача шепчет о высоком
Под стать весеннего ростка.
Не льется радостным потоком,
Но к предвкушению близка.

Весна

Нас жизнь сшивает из любви,
Как шьет весна свое рожденье,
Дурманя, как палитрой вин,
Тропой Библейского ученья.
И нам ее пройти дано.
Дано! И в этом сила духа.
А дух – небесное окно,
И так желанное для слуха.
Слух пред молитвою в долгу.
В судьбе людской он только искра.
Он часто к истинному глух,
Чтоб избежать святого риска.
Срывая с крыш ручьи тепла,
Пытаясь дождиком пролиться,
Весна, как швейная игла,
Незримо шьет из почек листья.

Чувство

Ночью дождь стучится в лужи,
А наутро – гололед.
Ночью с искренностью дружим,
В правду бьем, как ломом в лед.
Беспокойство ночью кстати.
Мысли льются верой в ложь.
А любовь скрипит в кровати:
Ее в жизнь не запряжешь.
С места рвешь, да сыт расплатой.
Не заметил, как загнал
Чувство в бешенстве крылатом,
А любовь не испытал.

Вроде

Вроде любишь людей, (ох уж это мне
«вроде...»).

Вроде ждешь пониманья, а вроде бы нет.

Веришь свято словам, как привыкли в народе,

А желание ждать превращаешь во вред.

Расшибись хоть лепешкой в людское упорство.

Развелось в людях серости, как воробьев.

От Российской любви отказаться не просто,

Как не просто понять: в чем же эта любовь?

Бабы слезы

Крест тяжел – на слезы давит,
Жизнь по-своему кроит.
Пьет мужик – жена страдает,
Тянет ляжку за двоих.
Все орет, да любит мужа.
Если б знать еще, за что?..
По ночам приходит в ужас,
Горлом вырвав бабий стон.
А под утро, чуть живая,
Чутким сном нырнет в кровать.
Доля женская такая,
Чтоб постылого прощать.
Ведь жена – подруга мужу.
Добрым словом обожжет,
Зацепив душой за душу,
Как бы ни был крест тяжел.

Вина

«Ты выжил в адовом плену.
Тебе не до молитв.
Ты унижение хлебнул –
И ненависть кипит.
Не к людям, нет. К тому зверью,
Что были рождены
Под стать мирскому воронью
Для «маленькой» войны.

Ты убивал?» «Да, убивал.
Я очень жаждал жить.
Ты ТУ войну отвоевал,
А я твой внук, мужик.
Я был, как ты, и я бежал
Из плена да в окоп...
Я друга в вечность провожал,
Укладывая в гроб...
И та медаль, что в смерть кричит:
«Мой Бог, помилуй мя!» -
Свербит убийством, на печи
Мой грех душой кормя.
Я в смерть взглянул и к ней остыл –
Мне ни к чему война.
Я защищал страну, как ты.
Так в чем моя вина?»

Автомат

Ты в руки взял свой автомат.
В бою ты в доску свой.
Держись же крепче за обман,
Пока строчишь игрой.
Да поскорее вырастай.
Уроки не забудь,
Как выбивать все сто из ста,
Избрав военный путь.
Для взрослых это не игра,
А для тебя лишь бой.
Видать войне пришла пора
Смеяться над судьбой.
Твоей судьбой, мой юный друг.
А взрослым невдомек,
Что для меня твой каждый звук –
К мучениям намек.
Со мною будешь выживать,
Ценить, как брата брат,
И горький хлеб судьбы жевать,
Страдая от добра.
Люби же Родину, пока
Ты беззаботно мал.
Твоя земля в твоих руках –
И это не обман.

Часы

Для жизни стрелки – как весы.
С сердцами бьются в такт.
Идут вселенские часы:
Тик-так, тик-так, тик-так.
На них груз времени лежит.
То тянет вверх, то вниз
Людской истории магнит –
Душевный механизм.
Мерцая уголями в золе,
Часы твой друг и враг.
Идут ногами по земле:
Тик-так, тик-так, тик-так.
Порой в домах до хрипоты,
Твердят: «Да будет так!»
И так же молятся как ты:
Тик-так, тик-так, тик-так.

Поэт

Ты у разбитого корыта.
Что толку, если Божий дар
Ты покупаешь за пол-литра
И превращаешь в перегар?
Но, может, в этом милосердьё?
В тебе рождается поэт,
И, раздирая в муках сердце,
Сквозь боль в душе сочится свет.
Горит поэзии лучина.
Любовь поэта такова –
Людские судьбы мять как глину,
Сжигая в правде как дрова.
Ты Божье слово ежечасно,
Как хлеб, печешь в людских грехах.
Не философствуй понапрасну,
Коли душа твоя в стихах.

Язык

Узнай историю людей,
Как узнаешь язык английский,
Бросаясь шелухой в близких,
Вроде дежурного: «О-кей!»
Неужто не хватает слов,
Любви достойных в русской речи?
Ведь даже в церкви, ставя свечи,
Прощенья просит сквернослов,
Грехи молитве отдавая.
А в ней святая простота
Сквозит заветами Христа,
Перед иконами рыдая.
И эту слабость славит Русь,
Грехам даруя всепрощенье.
И ждет в награду очищенье,
Смиренье намотав на ус.
Чернит истории пробел
Простых людей язык английский.
Спасибо, Господи, тебе
За то, что есть язык российский.

Автобус

Да, я автобус, но мотор
Стучит как сердце человека.
И каждый день встречает верой,
Ворвавшись в транспортный поток.
Согреть теплом людскую грязь
И красоту – моя забота,
Хранить истории без счета,
Не прерывая эту связь.
Пустьай нужда во мне лишь в том,
Чтобы успеть без опозданий.
Я – исполнитель их желаний.
Ну, что ж, спасибо и на том.
Любви ко мне почти и нет,
Но вот потребность утешает.
Пусть опозданье раздражает,
Но вот отсутствие страшней.
Вздых облегченья сотен лиц
При появлении логичен.
Ведь их терпение столично,
А для столицы нет границ.
Слова людей меня чернят,
Но я – подобие ковчега.
Бог создал жизнь и человека.
А человечество – меня.

Ошибка

Поэт в поэзии – ошибка.
Его кошмар терзает слух,
Когда, раскачивая дух
Воображением улыбки,
Он словно давится слюной
В своей поэзии каленой,
В хмельной истерике соленой.
Его конфликт с самим собой –
Лишь очищенье, а огонь
Горит в душе как свечка в храме.
И важно то, что жжет устами
Нечеловеческая боль.
И пусть нашел он пустотел,
А не зерно в чертогах страха,
Раз свет рождается из праха,
Любовь людей – его удел.

Молитва

Нам жить безгрешно недосуг,
А вот греховное веками
Ногами топчем, и стихами,
И сердцем пробуем на звук.
Боль непонятым давит грудь,
И слезы вздохами глотаем,
И свою горечь разбавляем
Спиртным, чтоб замертво уснуть.
Наутро вспомнить что-нибудь –
Такая тяжкая задача.
И гложет душу жизнь собачья,
Но день загула не вернуть.
Сон не запомнит тот кошмар,
А вот ответ держать придется.
Есенин поедом зачтется,
Будь ты не ты, держи удар.
Соображаем на троих,
А в подтверждение веками
Россия топчется стихами,
А вот ногами – жизнь других.
Горит в груди людской закат –
В грехах с рассветом остывает.
Глазами к Господу зывают
Поэт российский и солдат.

Откровение

Страдая до седьмого пота,
Живет в поэте человек,
Душою мутный, как болото,
А сердцем чист, как первый снег.
Он всю дорогу что-то пишет,
О чем-то шепчет невпопад.
То просит сделать звук потише,
Чтоб не взорваться как снаряд.
То в меланхолию впадает,
То говорлив до тошноты.
То где-то в облаках витает,
То пьет с утра до темноты.
Живет любовью к своим близким,
Но одинок в ее плену.
Стихи в корзину, как очистки,
Бросает, глазом не моргнув.
А что для жизни ему нужно?
Чтоб у семьи достаток был,
Чтобы гостей встречать радушно,
Любить, как прежде не любил,
Людей из плоти и из крови.
Им дружбой веру отдавать.
Быть честным в истине и слове,
Пусть даже правды не сыскать.
Страх разгребая, как заносы,
Искать прощение и свет.

Поэт в России – боль и слезы.
Но лишь в России он – поэт

Молва

«Когда безжалостна молва...»
Помои выплеснув наружу,
За эти самые слова
Мы в клочья раздираем душу.
А в сердце тлеет уголек
Стыда. Вот-вот и он потухнет.
И безразличья волосок
В глазах поселится на кухне.
Утопит в водке свою боль,
Бессильной яростью страдая,
И станет твердой, как фасоль.
А дальше выведет кривая,
Ввергая в беспробудный сон,
Чтобы вести дорожкой узкой.
Но вот душа отдаст поклон
Земле, оставшись в горе русской.
И коль на жизнь не наплевал,
Оценит Бог твое решенье,
Пока церковные слова
Нам исповедуют прощенье.

Двери

Любовь – приют, а человек в ней гость.
У каждого приюта свои двери.
А тот, кому открыть их удалось,
Поверил чувствам безоглядной веры.
Но жизнь прожить – не поле перейти.
Хрупка любовь, нежна и беззащитна.
И как на сердце этот груз нести,
Когда тебе и больно и обидно?
Неси ее и помни этот миг:
Он в старости согреет твою душу.
И, может, ты полюбишь этот мир,
Хотя он для тебя безбожно душен.
Люби того, кто дорог для тебя,
Чтоб жизнь его наполнилась твоею.
И, может быть, разрыв перетерпя,
Судить любовь упреком не посмеют.
Пусть на коленях болью не дышал,
И жизнь прожив, стучался не в те двери.
Но в храм откроешь их, едва дыша,
Однажды просто искренне поверив.

Случайная встреча

Нетороплив сегодня снег,
Да люди больно торопливы.
И не остаться в стороне
От разговоров их ворчливых.
Они в заботах и делах
Не обратят на вас вниманье,
Но мысли вскользь кольнет их страх,
Помимо вашего желанья.
Вы захотите дать совет
И рассказать еще о многом.
Но промолчите: опыт лет
Вас поведет своей дорогой
К тем, кто в тревоге не уснут,
Вас ожидая с нетерпеньем.
И эти несколько минут
Вам не испортят настроенье.
Чужая боль кольнет едва.
Господь наверно не осудит.
Ведь тех, спешащих, как и вас,
На этом свете кто-то любит.

Материнская любовь

Не обижайте матерей.
Пускай вам больно и обидно,
А их слезам конца не видно.
Пойди, пойми, кому больней?
Но вы уходите от них,
И исчезаете надолго.
А им, непонятым, так горько,
Что вы их бросили одних.
Чужие люди, спрятав гнев,
Вздохнут сочувственно их горю.
И слезы обретут опору,
Как землю обретает снег.
Обидеть матерей легко.
Любовь такая – их забота.
Но после вашего ухода
Ее запрячут глубоко.
И отдадут свое тепло
Уже не вам с тоской и болю,
Поправив волосы ладонью,
Что белым снегом замело.
А от обид, как не храбрись,
Душе не будет утешенья.
Вы захотите примиренья,
Но словно дым растает мысль.
Как ругань к встрече не готовь,
Затяять ссору не спешите.

И словно землю берегите
К вам материнскую любовь.

Любовь

Любить, признаться, не так просто.
Но разлюбить еще трудней.
В любви нуждаемся мы остро
Среди деревьев и людей.
Любовь – страданье и награда.
Она прозрачна, как нарзан.
И торопить ее не надо,
Когда глаза глядят в глаза.
Ведь они так зовут к ответу,
Что в счастье верится с трудом.
Любовь скитается по свету,
Зато хозяйкой входит в дом.
Сердца тревожит незаметно,
Чтоб появиться как-то вдруг,
И даже, если безответно,
Но чувству сладок этот груз.
Деревья чувство не осудят,
Ведь его надо заслужить.
Любовь Господь доверил людям,
И только людям с нею жить.

Мудрость

Как долго тянутся часы,
Как скучно тянутся минуты,
Когда ослепнув от росы
Усталых глаз коснется утро.
И больно думать, что ты стар,
Что никому уже не нужен.
От одиночества устал,
А мир к несчастным равнодушен.
Их отправляя на покой,
Грешит заботой о здоровье.
А жизнь пуста без стариков
С их нерастраченной любовью.
Все больше зла между людьми
Рождает ненависть и грубость.
Но так ли мерзок этот мир,
Коль в нем есть старческая мудрость?
И как бы ни был он жесток,
Ему во храм открыты двери.
Ведь человеку нужен Бог,
Пусть даже он в него не верит.

Время

Москва уснула. Спит родная.
В ночи фонарный свет горит.
Снег, тротуары заметая,
Уж под ногами не скрипит.
И только время спать не вправе.
Идет в минутах и часах
К людскому мужеству и славе
Через страдания и страх.
И в каждый дом заходит смело,
Дыханьем горе усыпив,
Полоской черною и белой
Прорвав раскаянья нарыв.
Людей готовит к новой встрече,
Склонясь над каждою душой.
И фонари, как в Храме свечи,
Всю ночь горят над головой.

Мужик

Сегодня в доме ни копейки.
И нету сил у мужика
Весь день отлеживать бока,
Когда семья зудит про деньги.
Ему милей, чем град нападок,
Когда он в пьянстве уличен,
Чуть свет вскочив, забыть про сон,
Впихнув в себя безвкусный завтрак.
Уловка эта не поможет.
Зато работать – допоздна.
Копейка спишет все сполна,
Хоть примирить семью не сможет.
А выпить хочется до дрожи,
И превратить проблемы в смех.
Он пересилит этот грех,
Если любовь к семье дороже.
И пусть мужик дрожит от жажды,
Усталость давит на корню,
Он кормит каждый день семью,
Как это сделал Бог однажды.

Благая весть

В семье рождение ребенка
С волнением ждут, как дар небес.
И мысли только о пеленках,
Ну а с рождением – рост и вес.
Любви родительской награда
Жизнь наполняется теплом.
И звуки детского раската,
Как скрипку чувствуешь нутром.
Ведь в жизни каждого случалось,
Вдруг получив благую весть,
Сказать, почувствовав усталость:
«А все же Бог на свете есть!»

Победитель

Бой кончился уже давно.
Боец устал, боец сломался.
Здесь все уснули смертным сном,
А он один в живых остался.
Он победитель... Но зачем
Ему такое утешенье,
Что болью мучает в плече
Сквозною раной раздраженья?
Врачи мертвы. Мертвы друзья.
И мертвой кажется победа.
И победителем нельзя
Считаться среди такого бреда.
Такая слава ни к чему,
Кому однажды в муках боли
Случалось выжить одному,
Друзей лишившись после боя.
Случалось жить среди людей
В кровавых снах встречая ярость.
И каждый раз под хрип смертей
В бой уходить, как годы в старость.
В душе живет животный крик,
А для греха уже не мало.
Ведь одиночество – тупик,
А вера – только лишь начало.

Двор

Летят с горы мальчишки и девчонки,
Взрывая смехом пустоту двора.
И жалят лица снежные иголки,
Но их не замечает детвора.
И столько в ней улыбок и задора
К седой зиме Божественной любви,
Что и в ушах уляжется нескоро
Тот искрометный бесконечный визг.
Пусть от рожденья делаем ошибки
И выживаем средь растущих цен.
Но свет для снисходительной улыбки
Найдется на родительском лице.
Проблем хватает, было бы желанье
Хотя бы раз на них махнуть рукой,
Чтоб детям подарить свое вниманье,
Хотя с годами это нелегко.
А вот с горы в ребяческом ухарстве
И взрослым прокатиться, чай, не грех.
Ведь двор добреет, если в сонном царстве
Вдруг пустоту взрывает детский смех.

Зеркало России

Несет на собственном горбу
Россия наши перемены,
Со страхом смотрит на толпу
И любит каждого из смертных.
А смертным даже невдомек,
Что и России нужен отдых,
Чтоб свод ее церковный смог
Укрыть убогих и бездомных,
И обездоленных судьбой –
И в покаянье черпать силу;
Чтоб в горе встать перед толпой
Все той же матушкой Россией;
Чтоб в страхе дрогнули сердца
И боль Творца пронзила душу,
И спала ненависть с лица,
И совесть вырвалась наружу...
Среди берез и тополей,
Порой поддавшись ностальгии,
Россия смотрит на людей,
А люди – зеркало Росси

Ты!

Найти уверенность в себе,
Найти уверенность в желаньях,
Не гнуть пред страхом свой хребет
И звать Крестом воспоминанья.
Ты – боль иглою во Христе.
Ты – во спасение стремленье.
Ты – неизбежность в нищете.
Ты – вдохновение в терпенье.
Так будь же жалостью в грехе.
Так будь же страстью в исцеленье.
Мой Бог, ты – истина в стихе
И искупление в прощенье.

Моя Россия

А я молюсь в грехах стихами,
Как Богу молится народ.
Жива Россия стариками,
Вкусив войны запретный плод.
А только истина как ветер
Смахнет строкой славянский пот.
Я жив, пока живу на свете,
Как жив в веках российский род!

Полотно

-1-

Наполнив сердца ожиданием,
Сменив на дорогу уют,
В пути согреваясь желаньем,
Паломники в Мекку идут.

Терзая шагами дорогу,
Чернят искушением плоть.
Но веру, что давит на ноги,
Разделит струящийся пот.

И звёздную пылью играя,
Задышит небесный родник.
И скажет в сердцах, опираясь
На палку, почтенный старик:

«Я стар. Мне немного осталось,
И отдыха требует плоть.
Да будет желанной усталость
Тому, кто дорогой идёт.

Кто любит Творца всей душою,
Согрев свои мысли добром,
И, следуя вслед за мечтою,
Оставил родительский дом.

Войной опалённые ветры
Разбудит в пути человек,
С улыбкою встретит рассветы,
И с другом разделит ночлег...»

И пылкое сердце забилося
От искренних слов старика.
И юноша вскрикнул: «Ведь милость
Такого пути не легка!»

«Ты прав. Но скажи мне: откуда
Молитвы в тебя снизойдут?
Вот, ради Всевышнего чуда
Паломники в Мекку идут!»

-2-

Грехи солдата – как хомут,
Пусть даже жизнь вопит от страха.
Но он не «тряпка», а «рубаха!»
Хоть и герой... а дома ждут.

Живого ждут... Уже не долго...
Его закончился кошмар!
Сам у дороги задремал,
Сжав автомат: «Чай не иголка».

По векам пробежала тень:
«Несёт нелёгкая кого-то!
Паломники? Даёт пехота!
На солнце парится весь день...

Ну, дай-то Бог, чего тут скажешь?
Паломник все-таки не вор.
И пусть их чуден разговор,
Зато не упрекнешь их в краже.

Бредя дорогою седой,
Найдут желаемое в Мекке.
А для солдата смежить веки –
Всегда желанный путь домой.

«Вот, ёшкин кот, на миг забылся.
Нельзя спокойно подремать.
Кому тут вздумалось вздохнуть?»
...Паломник рядом примостился.

Достал лаваш и преломил
И, улыбаясь, предлагает.
А сам, чудак, не понимает,
Какую кашу заварил.

В песок впечаталась стопа –
Вскочить привычно для солдата.
(Неисполнение – чревато;
Приказ: в «дебаты» не вступать!)

Паломник часто задышал,
И прочь побрел через дорогу.
- Пусть знает: с этим делом строго...
Солдат обиды не держал.

Что оплошал – его проблемы.
Граница – это не курорт.
И хоть в глазах его укор,
Но для порядка нет дилеммы.

Шлагбаум вздрогнул, как лоза,
И мягко вверх пошел. Паломник,
Как будто вдруг о чем-то вспомнив,
К бойцу приблизившись, сказал:

«Ты добр. Не бил, по крайней мере.
Так пусть хранит тебя Аллах,
И не коснётся сердца страх,
Когда придёт пора поверить».

-3-

Дорога к Храму привела.
Он удивился.
Цепляли слух колокола.
Перекрестился.
Ступени к двери подвели –

Вошёл смущённый,
И взгляд упал на Божий лик.
Заворожённый,
Он не просил, не умолял –
Дышал волнением.
Вдруг с облегчением прошептал,
Как утешенье,
Слова, которые сказал
Тогда паломник.
Их тайный смысл он постигал –
Тех слов виновник...

Прикосновение к руке
Не помешало.
Стояла женщина в платке,
Переживала:
«Ты путь войны прошёл, сынок,
Сквозь боль и пекло,
Но душу всё-таки сберёг:
Не очерствела.
Тот странник в памяти – не ложь.
Трудна дорога...
А утешение найдёшь
В молитве к Богу».

Покинув храм, он зарыдал.
Перекрестился.
Слезами щёки умывал
И не стыдился.

Всю горечь выплакать хотел,
Как сок – берёзы.
И душу жалили весь день
Страдания осы.
Лицо, привычное к жаре,
Сжигало солнце.
А он растерянно смотрел
Вслед незнакомцу.
Паломник в Мекку уходил
Ливийской тенью,
А на прощанье заронил
Зерно смиренья...

Клубок

Вот разделить бы всех людей
На тех, плохих, и тех, хороших.
И миру стало бы трудней
Найти зерно в желаньях Божьих.
Дан человеку опыт лет,
И каждый делает свой выбор.
И страх, порой себе во вред,
Все ищет выход: «либо-либо», –
Иную совесть прячет в ночь
(Для оправданья будет время!);
Чтоб воду в ступе не толочь,
Несет по жизни это бремя.
И утешает память тем,
Что все мы делаем ошибки.
Так и живем среди детей,
Чтоб обобрать других до нитки.
Жизнь в суете теряет вкус,
И наступает насыщенье.
А человек по сути – трус.
Приобретая положенье,
Грехи накапливает впрок,
И правду в ложь спешит укутать.
Жизнь, как запутанный клубок, –
Его без веры не распутать.

Людское эхо

А поезд пахнет добротой
И долгожданною дорогой,
И, понукаемый судьбой,
Ждет каждый день команду: «Трогай!»
А люди, бросив взгляд в окно,
Чуть подтолкнув его дыханье,
Все норовят забыться сном,
Едва устав от ожиданья.
Капризным плачем малыша
Сон переходит в огорченье.
И чья-то добрая душа
Спешит читать нравоученья.
Сварливой тенью на губах
Мелькнет подобие улыбки,
И улетучатся в словах
С зевотой сонные обрывки.
И улыбнется стук колес,
Слегка укачивая мысли.
Состав, натянутый как трос,
Без доброты такой немислим.
И, голоса набив битком,
Благодарит судьбу за это
Протяжным искренним гудком,
Вобрав в него людское эхо.

Записная книжка

Лишь только строчки потекут,
Как звуки, в записную книжку,
Афганской кровью по песку
Еще вчерашнего мальчишки,
Перед глазами вспыхнет свет
Испепеляющего солнца.
И близкой смерти силуэт
Минуты скручивает в кольца.
Уж от войны болит рука,
Шлифуя смертную усталость.
И в сапоге дрожит нога,
Когда надежды не осталось.
Когда исчезнет даже след,
Когда душа взывает к Богу.
И лютой злости больше нет.
И слезы душат понемногу.
Нет мысли даже выживать, –
Дышать так просто и свободно,
Не думать, как там будет мать,
А просто быть, пока не поздно.
Когда же кровью потный век
В глаза впитается коростой,
О смерти пишет человек,
Пусть вспоминать совсем не просто.

Ладони

Не теряй головы. В ней лишь мысли простые,
Словно рвется снаряд у несущихся ног.
Руки жаждут победы, пока не остыли,
Сжав в смертельных ладонях афганский песок,
Чья-то плоть, застонав, умываются кровью,
Чтоб понять, что и смерть не способна на блеф.
И, услышав в ответ чей-то взрыв сквернословья,
Прислонить свои пальцы любовью к земле.

Память

Много слов, да мало дела
В обещаниях людских.
Все внутри перегорело
От намерений благих.
Память, вырвавшись наружу,
Потревожит тишину,
Разорвав рычаньем душу,
В грех сомненье отшвырнув,
От бессилия окрепнув,
Пот стирая рукавом,
В гордой ярости ослепнув,
Ощетинится нутром.
Резанет огнем по нервам
И в душе оставит шрам.
Примет водки для согрева,
Чтоб с устатку по «шарам»
Долбануло, так уж сразу,
С ходу чувства заглушив.
Как же пьют ее заразу?
Как не вывернет с души?!
Заглянув на праздник к другу,
Про обиду промолчит...
И пойдут тосты по кругу,
Звон рождая, как мечи.

Небосвод

Был небосвод хрустально-синим.
На сердце было так легко!
И тени из весенних линий
Нырнули в снег, как в молоко.
Боль отступила ненадолго,
Душа томила в тесноте.
Нашлась в грехах – чай не иголка! –
Вдруг прозревая в простоте,
Что даже глазу не подвластно.
А вот с годами вдруг узришь:
Жизнь топчешь верой не напрасно,
Когда надеждою горишь.
Когда, проделав путь немалый,
Найдет в истории ночлег
Войной разодранный, усталый,
Как старый пес, бездомный век.
Был небосвод хрустально-синим...
Пусть для кого-то это вздор,
Но человек дышал Россией,
Запоминая каждый вздох.

Любовь актрисы

Мечась, как бабочка по сцене,
Срываясь голосом в мечты,
В греховном сладостном паденье
Глаза так искренне пусты.
Душа поет, а совесть плачет.
И душит жизнь запретный плод,
Но только так и не иначе,
Ее любовь бросает в пот,
Сжимает пламенное сердце,
Со сцены в зал, срываясь в крик,
И обжигает, словно перцем,
Словами лжи застывший лик.
Шальная кровь терзает вены,
И в нервы убегает прочь
В объятьях пламенной измены
Бездарно прожитая ночь.
И вдруг, представ постыдной былью,
Пылает с яростью огня...
Но, от любви расправив крылья,
Грех исчезает в свете дня.
Ладонь в ладони. Сердце бьется часто,
И ловят взгляд любимые глаза.
И тает чувство от желанной страсти,
Как от лучей прозрачная роса.
Молчание не выразишь словами.
Что о любви тебе сказать могу,

Когда года сомнений за плечами
Мои воспоминанья берегут,
И оставляют место для улыбки
Задумчивой, как майский ветерок?
И чувства, словно белые снежинки,
Растают вдохновеньем между строк.
И, как рассвет, дыхание забрезжит,
Позволит мыслям дух перевести.
Я о высоком думаю все реже, –
Тем искренней мой каждый новый стих.
В твоей ладони тает млечно-звездный
Души неотшлифованный кристалл.
Моя любовь к тебе проснулась поздно,
Но как она прозрачна и чиста!

Добрый совет

Есть в нас Божественная капля –
Все, что касается души.

И, как грехами не кроши,

Она – миг истины и кара.

-Ты любишь?

- Да!

- И я люблю.

Слова – вода. А чувства – мука.

Чуть оступился и – разлука.

Будь осмотрительней, молю!

- Молюсь, хотя к семейным ссорам

Я привыкаю столько лет.

А твой супружеский совет

Звучит для женщины укором.

Когда нам есть чего терять,

Страх глупо выпускать наружу.

Кому-то можно плюнуть в душу,

Но вот в свою не наплевать.

Новое рождение

Ах, как изыскана она!
Застыла в легком напряженье.
Хоть светел взор, душа пьяна
Любовной бурей раздраженья.
Рука касается лица,
Исчезла искра наважденья.
И нет начала и конца
Попыткам взлета и паденья
Ее сценической души.
Но в тишине, готовясь к буре,
Рука по-своему решит,
В который раз, как это будет.
В сердцах нечаянно смахнет
Актриса новое рождение.
И путь, что заново пройдет,
Не просто перевоплощенье,
А истина, как будто тень,
Скользнет по телу зимней дрожью.
Любовь сторит, вкусив тот хмель,
Но не погаснет искра Божья.

Полет в память

Как я страдаю об отце,
Как я о матери страдаю,
Когда морщины на лице
Вдруг соберутся в птичью стаю,
Сорвутся в боль и полетят,
Ворвавшись в память, словно в небо.
И я готов сто раз подряд
Воспоминаньем дергать нервы.
Пускай не вечен мой полет,
Я перед памятью в ответе.
Душа не превратится в лед,
Пока живу на этом свете.

Капли разлуки

Как с крыши капает капель,
Так в слово капает стук сердца.
И мать забудет про постель,
Качая в сумерках младенца.
Увы! Разлука нелегка –
Сорвется в жизнь, как ветер с ветки,
Но не забудется в веках,
Что завещали ему предки.
Россия нянчит на руках
Под шум берез людскую славу,
Внушая мужество и страх.
Ей Бог дает такое право,
Чтоб человек любовь узнал,
Вдохнул ее жару и холод,
И стал таким, каким он стал –
Любил ее, пока он молод.
А к старости прирос к земле,
Качал душою ее тельце
Свой век, который на войне
Качает год, как мать младенца,
Чтобы случались чудеса,
И в век среди любви и смеха
В ушах звенели голоса,
А не разбуженное эхо.

Рождественский звон

Звон колокольный, звон Российский –
Гимн человеческой душе!
Порой задумчивый и низкий,
А то без меры оглашен.
В нем вся поэзия народа
И вековая частота –
Цена падения и взлета.
И героизм, и простота,
Полет любви и состраданье,
Святая вера и мольба,
Все их надежды и метанья,
Вкус мирной жизни и набат.
И крепок дух в своем желанье
Усердно Богу бить челом,
Чтоб обратил свое вниманье
На перезвон колоколов.

Любовь поэта

Пусть взорвется его совесть,
Пусть задохнется его боль.
Он прыгнет через эту пропасть,
Черпая в Истине любовь.
Души прекрасные порывы
Еще ее боготворят,
И злы сердечные разливы,
Обожествляя женский взгляд,
Чтоб раствориться полной мерой
Безгрешной совестью в грехах,
Чтоб возродиться Божьей верой
В церковной правде и стихах!

Голос России

О Боже, как она поет!
О как тревожит душу!
То пламенем бросает в пот,
А то бросает в стужу.
И вот уж, кажется, замрет.
Дыханья не осталось.
А голос вдруг идет на взлет
И падает в усталость.
Воспламеняется огнем
И сердце Русью точит.
Боль убаюкивает сном
И о войне пророчит.
И колокольный перезвон
Звенит в ушах набатом.
И непрерывно в торжество
Салют бросает градом.
И вот допела и ушла,
Взвалив грехи на плечи.
Какой бы жизнью не жила,
А песня душу лечит!

Крик души

А перед Богом все равны.
Жизнь так хрупка, а боль бесценна.
Грехи до крика холодны,
Зато молитвой драгоценны.
Душа Российская кипит,
Порой в бессилии клокочет.
Слезами ярости дрожит.
И, словно камень, сердце точит.
О, как же слава коротка!
Но вот в молитве вдохновенной
Жизнь продолжается, пока
Любовь хранится во Вселенной.

Вопреки совести

Не блещешь чувством сострадания,
Зато гордишься правотой.
И наживаешь состоянье,
А жизнь калечишь для одной
Мечты – быть непременно «самым».
Любовь сжигаешь на корню,
Влачишь ее в обносках славы,
Ссудив безбожие вранью.
Привык давить рублем на правду.
Есть, вроде, все и – ничего.
Да, ничего тебе не надо,
Помимо власти и чинов.
Кому нужны твои потуги?
Рвать, чтобы жить в своем раю?
Но вот в крови и рай, и руки,
Что нищим милость раздают.
Зачем тебе нужна свобода?
Когда грехам наступит край,
Спроси, что сделал для народа?
И веру в Бога не теряй.

Как слеза

Мы все в ответе за плохое,
И за хорошее порой.
Чуть что случается – в спиртное
В сердцах уходим с головой.
И куролесим оголтело,
Куда бы нас ни занесло.
Но держим в теле свое тело,
Чтобы оно не подвело.
Домой доставим груз в порядке,
Пускай мозги уже штормит.
Чтоб не играть с семьею в прятки,
Мы врем: «Не пил. Ну да, разит».
Ну да, достанется герою.
К чему кричать до хрипоты?
Есть грех: не сдержаны порою,
А далеко ли до беды?
Мозги кормильцу вправит ссора,
А крик слезами обожжет.
Семья для пьяного – опора.
Вот Бог его и бережет.
«Опять напился, непутевый!» –
Летит вдогонку от людей.
А у души закон суровый –
Глаголет трезвому: «Не пей!»

Две стороны медали

В чужих грехах стать совестью не грех,
Когда в страданиях приобрел терпенье.
Но вот дилемма эта не для всех,
Коли вкусил всю силу униженья.
Глаза глядят с надеждою в твой рот,
И страх о трезвость бьется, как посуда.
Все возраженья зная наперед,
Как не съязвить, когда другому худо?
Боль мимоходом выпита до дна,
Советы сыпятся, но в них не будет прока.
Такая жалость в чувствах холодна.
Любить людей, ведь это так непросто.
Случается, что этот Божий дар
С годами недоверием простужен,
А дружба драгоценна лишь тогда,
Когда ты понимаешь, что ты нужен.

Обман

Человек устает.
Ведь усталость его бесконечна.
В океане забот
Путешествие в жизнь быстротечно.
Но как долог сей путь
В бесконечном познании веры!
Лишь с годами вдохнуть
Смогут чувство попутные ветры.
Не меняешься ты,
Но меняет тебя твоя правда.
Даже ложь бедноты
В переходах – за веру награда.
Ты частицу себя
Отдаешь в их немытые руки,
И, шаги торопя,
Убегаешь от них, как от скуки.
Боль в душе породив,
Ты хватаешь ее и – под ноготь.
Но в поступках – един
С милосердием Господа Бога.

Я

Люди – искры, а ты – это я.
Вера – тайна, и в тайне ты – искра.
Ложь и правда не крылья, а яд,
Слабых духом сражающий быстро.
Но в духовности вечная боль
Раздирает сомненья на части.
Только потом военная соль
Растворится в исчадии власти.
И разодранный вдребезги век
Покорится безумному страху.
И прольется неистовый свет
В черноту обожженного праха.
Растечется любовь по земле,
Захлебнется в людском сквернословье.
И оставит проторенный след,
Возродившись в Божественном слове.

Беззаконие

Ведь человек не щепка, а волна,
Хотя об этом он порой не понимает.
А брызги ярости лишь слезная вина,
Которую он в страхе обретает.
Голодному уже не до любви.
Зато, какая острота мышленья!
Пусть бомжеватость портит его вид,
Но человечность греет в униженье.
Он был другим, но в жизни столько ям!
В них угодить по глупости так просто.
Да только совесть – пропасть и судья,
Ее укор – желанье, а не просьба.
А он так щедр в желании помочь.
И даже тем, кого так сильно любит.
Его приют – помойка, голод, ночь,
А драка виноватого рассудит.
Его грехи тревожит тишина –
С ней беззаконьем дьявольским сочтется.
А, нахлебавшись горечи сполна,
Он на коленях Богу улыбнется.

Грех

Идет наш грех дорогой в пьянство,
Но что за жизнь у мужика!
А, угодив к «зеленой» в рабство,
К стакану тянется рука.
Богат иль беден – безразлично:
В желанье выпить все равны.
А трезвость в выпитом вторична,
Ведь до нее, как до Луны.
Как конь, почувствовав свободу,
Последний сделанный глоток
Уткнет твой бунт лицом в природу,
Раз выпил столько, сколько смог.
От нищеты или богатства
Мужик хранит в душе мечту:
Однажды вырваться из рабства!
Но пьет безбожно на беду.
Не зная в пьянстве свою меру,
Российский молится народ.
Ведь человек, познавший веру,
Лишь этой верой и живет.

Лист памяти

Перед поэтом белый лист.
В него вписав свою страницу,
Он перед Божьим словом чист,
И ждет прозренья, как десницу.
Он, может, только человек,
Но во вселенной он – дыханье,
Что бьется пульсом в голове,
Найдя бессмертие в страданье.
Своей изнанкою души
Он болью, укрепляясь в вере,
Как воин чести, суд вершит,
Коль этот путь ему доверен.
Он в правде – колокольный звон.
И уязвимый, как и прежде,
Дух снова выжат, как лимон,
Но словом бодр в миг надежды.
И, чувства спрятав глубоко,
Снимая лаской напряженье,
Простит страдания его
Святое женское терпенье.
Любовь заполнит пустоту
И увлажнит ее ресницы.
И он разбудит красоту
Молитвой в белую страницу.

Просьба

Взрыв правдой смерти наделен,
Когда над чьей-то жизнью виснет.
Бросает ярость в хрип и в стон,
И в ключья рвет людские мысли.
Солдат лежит еще живой.
В слезе сочится сожаленье.
Взгляд выразительно пустой
Ждет, когда кончится мученье.
А все вокруг сошли с ума,
Еще бегут, песок глотая.
И впереди несется мат,
Дыру, что страх пробил, латая.
Ну, дайте страху тишины!
Спокойно умереть – проблема.
Ему сейчас не до войны,
Коль изо рта струится пена
Кровавой солью: «Значит, жив!
Жив, мать твою... зато страдаю.
Мой Бог! Грешил, недолюбив...
Продли мгновенье. Умираю».

Грех поэта

Поэт рождается в стихах,
А жизнь растрчивает в пьянке.
Зато горят в горячке пятки,
Когда, как бабу на сносях,
Судьбу Божественную рвет,
Срываясь в крик, святая вера.
А глупость искрометно врет
В грехах подвыпившего ветра.
И нет ни правды и ни лжи –
Есть только камень преткновенья,
Когда, бессмертие нажив,
Ты ищешь в смерти утешенье,
И алчешь в пьянстве виражи,
Сжигая жизнь в греховном теле.
Ты – правда пьяного во лжи.
А Бог един в стихах и вере.

Нищета

Приходит к людям нищета.
Она грехи рублем врачует.
А в переходах красота
Зловоньем адовым торгует.
Уродство пламенной души,
Что так терзает раздраженье,
Врезаясь в сердце, как ножи,
Испепеляет вдохновенье.
Но вздох – рождение греха,
Для искушенья – исцеленье,
Как для голодного уха,
Сулит поэту вдохновенье.
И пусть седая слепота
Людей выводит из терпенья,
Кому раскрылась нищета,
Тот прикоснулся к очищенью.

Испуг

Коль прозябает жизнь в красотах,
Не жить поэзии в душе.

Она, как женщина при родах,
Раскрыта Богу в неглиже.

И Он пред ней, как дух рожденья,
В страданьях истинных – Творец.

В любви и слове – утешенье

И просветленье, наконец.

А вот конца любви не видно.

Зачатье – таинство и грех.

Жизнь в искушенье очевидна.

Зато раскаянье для всех.

Падение любви

Вниманье не привлек балет,
Но как отточены движенья!
Им не мешает даже свет
Разгоряченного паденья
В любовный мрак.
Но поцелуй
За то падение – награда.
А вот грехи, как не врачуй,
И в просветлении – расплата.
Несовершенен этот мир.
Зато движенья совершенны.
Взгляд, растревоженный людьми,
Гармонию вливает в вены,
Забыв, что смертен человек,
Что он – мгновение в искусстве.
Балет растает, как и век,
Но не растает сила чувства.

Разбег любви

На землю брошенный окурок,
Давясь от жара, догорит.
А вот душа в течение суток
Безмолвно с Богом говорит.
И растирает чувство власти,
Как трут ладони первый снег.
И плоть, сжигая в муках страсти,
В греховность делает разбег.
А ночь мгновеньем пролетела,
И тлеет чувство красоты
В дыханье радостного тела
Под лунным оком темноты.
И счастлив тот, кому досталась
Наградой в истине – любовь,
И сладострастная усталость
Не превратила чувство в боль.

Цветок надежды

-1-

Засох цветок, как будто и не жил,
Не исчерпав заслуженную старость.
А на него уставился мужик
И эту смерть рассматривал, как данность:
«Ты прожил жизнь достойную, мой друг.
Ты радовал и радовался свету.
Знавал тепло мужских и женских рук,
Дыхание заката и рассвета.
Недолго созерцая этот мир,
Ты красоту дарил глазам влюбленных.
И, увядая, трепетно хранил
Слепое солнца луч новорожденный.
И, может быть, на мне лежит вина,
Что не продлил твое очарованье.
Жизнь наша – миг, а смерть – ее цена,
Но мы проходим это расстоянье.
Любовь чиста, да человек в ней слеп:
То с места рвет, а то сомненьем душит.
Мы делаем ошибки на Земле,
Но в красоте мы исцеляем душу.

-2-

Ночь заглянула звездами в глаза
И в комнату свечой упала.
Сник полумрак, слегка отполз назад,
И мужику вдруг полегчало.
Цветок погиб, но не погибла боль,
А значит, жертва не напрасна.
У мужика есть шанс напиться «в ноль»,
Но отрезвление ужасно.
Из крана больно капает вода
И с чувством оголяет нервы.
А мысли убегают в никуда,
Стараньем «черной королевы».
Ты много думаешь и мало спишь.
Не обольщайся, – это память.
Твое молчание всего лишь писк,
Но в сердце бьется Божье пламя.

-3-

Твой обжигающий родник
Лишил меня любви и ласки.
С годами к этому привык,
Поскольку лик меняет маски.
Ну что Россия мужику?
Родная мать, а жить не легче.
Я, может, пшик, но я – могу!
Пусть век страдальца быстротечен.

Одну лишь мысль: «Зачем живу?», –
Я разгадаю непременно.
А ты мой сон. Переживу...
Зато таинственность бесценна.
О, твоя власть во мне крепка.
Я лишь зависимость природы.
Бесстыдно мнешь мои бока,
Давая минимум свободы.
Меня тревожит звездный блеск,
Пусть я мужик, а не провидец...
Цветок валялся на столе,
Чтоб человек рассвет увидел.

Жене

Капли целятся в капли,
Звук вливается в звуки,
Чтобы камня на камне
Не осталось от скуки.
Неизвестная правда,
Сердце тащит клещами.
Из воздушного завтра,
Я к тебе возвращаюсь.
Ты не раз замечала,
Мою склонность к разлуке.
Меня нет: я молчанье
Раздуваю, как угли.
Помолчи, дорогая,
Пусть мгновенье продлится.
Ведь и ты не земная,
А небесная птица.
Исчезает виденье,
Плот божественный сладок...
Я вернусь непременно,
В свой покинутый замок.

Мама

Как же ты переживала, мама,
Когда твой мальчишка непослушный,
Доставлял хлопот тебе немало,
Но всегда был только самым лучшим.

Был он нетерпимым к тем, кто старше,
И всегда немного бестолковым.
Возвращаясь с улицы уставшим,
Возмущался каждым твоим словом.

Уходил, опаздывая в школу.
Запросто прогуливал уроки
Ради долгожданного футбола,
Зимнего катания на горке.

Собирал охапками ошибки –
Личный опыт не заменят книжки...
Но твоей задумчивой улыбки
Не хватает взрослому мальчишке...

Обижал тебя, не понимая,
А теперь я сам себе противен.
Но моя любовь к тебе, родная,
Болью просыпается в молитве.

Третий Рим:
Дорога, ведущая в Небо
(Поэма)

Бой в лесу

-1-

Живет Егорка безопасно,
И, криком подливая масло,
Катаясь в пчелах и любви,
В огонь сражаться норовит.
Меч деревянный с дубом в ссоре,
Стрела сбивает желудь влет.
Отцу – бальзам, да с парнем – горе,
В пылу, как бешеный, орет:
«Хазарам смерть! Бей их, миряне!»
С разбега грудью на кусты,
И весь изодранный предстанет,
Перед отцом. И смех, и стыд.
«Ну что пойдём домой, вояка,
Весь день на пасеке. Пора.
Мать заждалась, да и собака
Скучает, рвется со двора».
Но тут увидели хазара!
Отец успел сказать: «Беги».
И содрогнулся от удара –
Стрела оборвала шаги.
Егор к – отцу. Тот – еле слышно:
«Не дайся в руки им, сынок.
Прости, что глупо так все вышло.
Пришел мой час забыться сном».

Егор – за лук! Стрела рванулась...
Хазар качнулся и упал.
И в сердце лютость шевельнулась,
А злоба в бешенстве – слепа.

Опять хазары! Сердце бьется.
Метнулись смертью две стрелы –
И кровь из ран поганых льется,
Как с языка слова хулы.
Убита мать, отец в кровище,
Собака испустила дух.
От дома – только пепелище,
Развеяв счастье в прах и пух.
...Молитва сердце успокоит,
Господь жестокость охладит.
А в сироте рождался воин,
Оставив детство позади.

-2-

«Ну, что за жизнь? Все валится из рук».
Князь злится и на всех срывает зло.
Всеслава раздражает каждый звук,
И нервы хоть завязывай узлом.
А верный конь взял с места да в карьер,
О ветер бьются мысли седока:
«Наставник увязался, как на грех.
Вот волю взял! Ну, ладно уж, пускай...»

Наставник недовольно проворчал:
«Куда ж его отпустишь одного?
Хазары балуют, и удаль горяча,
А рядом из домашних – никого.
Но я-то здесь! Пусть гонит – не уйду!
Пока дышу, мне прибывать при нем.
На пользу ли, а может, на беду
Порой опасность чувствую нутром».

Лес замер, даже птица не поет.
Встревожен князь. Поворотил коня.
И вдруг, стрелы почувствовав полет,
Он смерть чуть своей грудью не обнял.
Качнулся в бок, из ножен вырвал меч:
«Хазары!» – сердце болью обожгло.
Князь безрассудством смог беду навлечь:
«Ну, что ж, умрем, коль это суждено!
Теперь не выйдешь из воды сухим,
Хазар с налета нам не одолеть.
Бог милосердный да простит грехи,
Чтоб мы смогли достойно умереть.
Ведь жизнь – она у каждого одна,
Покуда будем живы – не помрем.
А Русь крепка, пока в ее сынах,
Стучит любовь божественным огнем.

-3-

Два русича рванулись на хазар,
Князь гордо выкрикнул: «За Русь!»
Егора бросило призывно в жар:
«А может я на что сгожусь?»
Наизготовку взяв свой верный лук,
Судьбе на встречу сделал шаг.
И, словно ворон, превратившись в слух
Он выжидал едва дыша.
Меч князя взмыл и не щадил врагов,
Удары сыпались, разя.
Но раненых, измотанных бойцов
Теснили. Отступить нельзя!
Пришел их смертный час. «Ну, что ж, умрем!»
Но злобный натиск вдруг ослаб.
На смерть в лихом бою Егор обрек
От стрел обмякшие тела.

Князь и наставник дух перевели.
Смерть обошла их стороной,
И пел им славу журавлиный клин,
И тихо лес вздохнул листвою.
Князь ждал, когда к ним подойдет Егор:
«Смотри-ка, отрок! А каков!
Ты спас нам жизнь, разил в бою врагов,
Когда нам было нелегко.
Но кто ты и куда лежит твой путь?»
«Где пригожусь по мере сил.

И мне с дороги этой не свернуть –
Не быть поганым на Руси!
Пока за горем следует беда,
А меж князей ведется спор,
За Русь не пожалею живота.
Ну, а зовут меня Егор.
Убиты все, кого любить я мог,
Один, как перст, но крепок дух.
В груди пылает вера и дай Бог,
Чтоб к ней не стал с годами глух».
«Твои слова мне по сердцу пришлись,
И смел, и ум не погодам.
Я князь, и ты мне в верности клянись:
Твоя беда – моя беда!
Пока хазары будут угрожать,
Да еще тать чинить разбой,
Я буду Русь святую защищать,
И в том клянусь! Свидетель Бог».

Возвращение из полона

-1-

Закончилась служба и, выйдя из церкви,
Семен растерялся: куда же идти?
Ну, что за охота слоняться без цели?
Домой! Да и к брату зайти по пути.
Но что-то на сердце тревожно и смутно,
То пот пробивает, то боль обожжет;
То хочется выть, а то пить безрассудно,
То кажется небо холодным, как лед.
Да надо б одежду почистить от пыли –
Последствия им нанесенных обид.
Луженная глотка как крикнет: «Убили!»
А половцы вот они! Бей да руби!
Семен, как ошпаренный, кинулся в кузню,
Схватился за меч, с ревом выбежал вон.
И раненый половец с лошади грузно
Свалился на землю в предсмертный свой стон.
Семен – на коня. Стекленеющим взглядом
Увидел, как брат, вскинув руки, упал;
Как мать и отец в тот же миг вслед за братом
Упали в траву... «Вот и все. Опоздал!».
Конь, словно взбесившись, рванулся, как ветер,
И сталь засверкала смертельным огнем...
Очнулся от боли уже на рассвете,
В бою не расставшись с кровавым мечом.

Деревня сгорела поганым на радость,
И сердца живого кольнула вина.
Сквозь черные мысли ему показалось:
Где церковь стояла, молитва слышна.
На голос пошел, содрогаясь от боли –
Священник над пеплом молитву читал.
Семен, задыхаясь, взмолился: «Доколе?», –
Завыл и на пепел подкошенный пал.
«Покуда князя землю топчут святую, –
Вдруг старец вскричал, гневно сжав кулаки, –
И, Бога забыв, меж собою лютуют!
Молитесь и бейтесь за Русь, мужики!»

-2-

В плену – не дома! Пусть твой плен почетный,
Но вот душа в полоне не поет.
Бежать туда, где ветер жжет вольготный
Лицо земли и грезит о своем.
Душа в разлуке извелась тревогой,
Лицо любимой в память обронив.
В плену князь Игорь размышлял о многом –
Часы раздумий убегали в дни.
Дружины нет – нет жизней человеческих...
Как вдовам сможет он взглянуть в глаза?
Затмением легла беда на плечи,
Но сделанного не вернуть назад.
«Любимая, твой плач по мужу горек,
Но горше жить в плену, где не враги,

И не друзья. Где стыд с упрямством в ссоре.
Ну, что ж, бежать, о небо, помоги!»
Он оборвал молитвенную фразу
И возжелал свободы всей душой.
Себя жалеть не подобает князю, —
И эта мысль гнала его домой.
Вскачь сорвалось бедовое ухарство,
Уже и ночь осталось за спиной.
За все свои ошибки и упрямство
Он расплатился совестью больной.

-3-

Костер горел. Его дыханьем грелись двое.
Отец Панфнутий думал о своем.
«Когда же половцы оставят нас в покое?!» —
Зло вскрикнул, как ужаленный, Семен.
Отец Панфнутий нервно вздрогнул и ответил:
«Тогда, когда объединится Русь».
И в тот момент взор старика был гневно светел,
Но миг прошел, и глаз коснулась грусть:
«Вот, я старик, и пережил на свете многих,
И кое-что я в жизни повидал.
Но до сих пор сквозь горе мои ноги,
Меня несут... молюсь за этот дар.
И ты Семен молись, в грехах молись и веруй,
О своих близких искренне скорбя.
Пускай в своем стремленье мстить не знаешь
меры,

Умей прощать, и Бог простит тебя.
Русь защищать от осквернения почетно,
Но милосердьем греется душа.
Дыши землей, как ты когда-то беззаботно
В далеком детстве радостью дышал.
И в гневе слезы матерей не лей напрасно,
Теперь ты знаешь: как это – терять».
И вдруг Семену вспомнилась так ясно
За сыновей молящаяся мать.
Седая ночь, свое лицо подставив ветру,
Была от одиночества черна.
Скорбя о тех, кто в поле, защищая веру,
В бою кровавом честь не запятнал.

-4-

«В лесу заночевать придется:
И сам устал, устал и конь.
А что еще мне остается?
Ведь знал, что будет нелегко.
Костер? Ну, ладно. Тоже дело.
Не будет скучным мой ночлег», –
И князь к костру подъехал смело,
Расшевелив двух человек.
Семен вскочил, поклон отвесил,
Панфунтий встал, перекрестясь:
«Будь здоров, боярин! Что не весел?»
«Нет, не боярин, я а князь.
Да и откуда настроенье,

Когда из полона бегу.
Но вот такого утешенья
Не пожелаешь и врагу».
Князь слез с коня, расправил плечи,
Пройдя вперед, сел на бревно.
Вздыхнул: «И дом уж недалече,
Да грех в душе лежит пятном.
Повел в поход свою дружину,
Но гордость в сердце возымел.
Затменье жгло мою личину,
И был порыв смертельно смел.
Вдохнуть хотелось мне победы –
Была мне помощь не нужна.
Накликал на дружину беды
И погубил... Моя вина.
Сам в плен попал, мертва дружина,
А матерям смотреть в глаза.
Пусть смерть меня не утратила,
Но что могу я им сказать?»
Панфунтий, дров в костер подкинув,
Навстречу правде сделал шаг:
«Не подставляй невзгодам спину,
И матерей не утешай.
Не сможешь ты, никто не сможет,
Пока князья терзают Русь.
А для нее всего дороже,
Единой быть. И в том клянусь!
Слова мои дерзки и смелы,
Но вот Семен все рвался в бой,

А воронье как налетело,
Все люди гибли в разнобой.
Потом горела вся деревня,
Как Русь горит из века в век.
Горят в огне ее деревья,
И пепел застит Божий свет.
Семьи уж нет, есть только воля.
Что горемычному она?
Без хлеба поле-то – не поле,
Душа без радости черна».
Взгляд Игоря пронзил Семена:
«Пойдешь со мной?» В ответ: «Пойду.
В душе моей черно от стона,
Но в сердце бьется русский дух».
Костер погас, остался пепел,
Над ним старик, что было сил,
Крестился небу. Взгляд был светел.
Очнулся и заговорил:
«Пока их мысли грезят битвой,
Я с женской долей остаюсь.
И провожаю в путь молитвой,
Твоих сынов, святая Русь!»

Невские судьбы

-1-

«Не плачь, сынок, мать не вернешь,
а жить-то надо.

Сегодня в Новгород отправится обоз.
Я отправляюсь с ним, не провожай нас, чадо.
Лишь об одном прошу тебя: не вешать нос!
Тебя я научил всему, что сам умею,
Рука твоя тверда и зорек юный глаз.
В отцовском сердце мысль одну лелею,
Что смелым будешь ты в урочный час».
Отец ушел. Ушел, как уходил и раньше.
А сын остался, но теперь уже один.
Сидел, уставясь в пол, и думал:

как жить дальше?

И зарождалось что-то новое в груди.
А матушка... в поддевке и босая
Все смотрит на него, и грустно так молчит.
То кашлем рвется в смех, то, тихо угасая,
Пытается шутить, копаясь у печи.
А он все думал так: «Болеет и болеет.
Ну, ничего. К утру отпустит, так бывало
уж не раз».

А утром умерла... И стали дни длиннее.
Закончилась любовь, как детская игра.
Отцу все недосуг – у князя он на службе.

Ему не до него, хотя отцом любим.
Меж ними смерть прошла, пришел конец
и дружбе,
И тесно стало жить без матери двоим.
На стороне отец нашел себе зазнобу,
Ивану ни гу-гу, да сын-то не дурак.
«Как быстро мать забыл! А вот скажи,
попробуй,
Хоть слово поперек, нарвешься на кулак.
Ах, матушка, жизнь без тебя мне не знакома,
Но не забыть твои последние слова:
- Нет в нашей жизни ничего дороже дома.
Все светлое, что есть, ты людям отдавай.

-2-

Предатель раздражал... Но – полно!
Был омерзительным испуг.
Давно уже минула полночь,
И слух тревожил каждый звук.
Князь все смотрел на эту мерзость:
Как жалок тот, кто предает,
Кто копит золото на бедность
И жадно кровь людскую пьет.
«Отдашь монахам этот свиток,
Коль жизнь тебе еще мила».
Боярин вздрогнул деловито,
Взглянул на князя и... ослаб.
«Такой раздавит, словно муху.

Ему в рот палец не клади.
Ну, что ж, сбежать мне хватит духу.
Кто знает, что ждет впереди
Таких, как князь?» Вот и монахи!
Боярин грамоту отдал:
«Дороже нет своей рубахи,
А горе – это не беда.
Сейчас бежать, а там посмотрим.
Князей везде хоть пруд пруди.
Сегодня князь глядится бодрым,
Но нынче нам не по пути».
Он побежал, что было мочи,
Забыв свой лоб перекрестить:
«Эх, до бояр князя охочи,
Да мне бы ноги унести».
Но в наказание принял пытку:
«Расстаться с жизнью? Боже! Нет!»
И оборвало жизни нитку
Копье, торчащее в спине.
Шумят бояре и не верят
В предательство. Князь даже взмок.
Загнали в угол словно зверя,
Да час расплаты не далек.
Вот и посыльный от заставы,
Что, дескать, шведов корабли.
«Страшней молчанья нет отравы –
Она беду не исцелит.
В глазах боярских силы нету,
Но я со шведами столкнусь.

И дай нам, Господи, победу,
Что бы была свободной Русь».

-3-

Уж битый час Иван плыл в лодке по реке.
Мать потеряв, он сердцем мучился жестоко.
Воспоминания держал, как меч в руке,
И было муторно до слез, и одиноко.
Вдруг краем глаза он увидел корабли.
Его заметили. Ну, что же, будь что будет!
Добра-то, ясно, эта встреча не сулит,
Да выбор у Ивана, если честно, скуден:
Убитым быть сейчас или убьют потом.
Теперь уж все равно: бояться надоело.
А жить так хочется! и вся загвоздка в том.
Поддаться просто так отчаянью не дело...
Его силком подняли на борт корабля.
Спросили: «Кто таков?» – потом дошло
до дела:
Их в устье провести, а нет – грозит петля!
И у Ивана все внутри похолодело.
Подкрался к горлу страх и с губ слетело: «Да.
Я с детства здесь хожу и знаю эти мели».
(«Да что там? Проведу. А совесть? Ерунда.
Я молод. Жить хочу. Раскис тут, в самом деле.
Далась мне эта мысль: в ответе быть за всех.
За страх я отомщу. Пред батюшкой покаюсь.
И службу отстаю, и мне простится грех.

А перед совестью своей я оправдаюсь»).
Себя он убедил, но вспыхнули слова,
Что завещала мать в своей последней воле:
- Все светлое, что есть, ты людям отдавай».
Вот берег... и Иван пружиной прыгнул в воду.

-4-

У Биргера болела голова:
«Какая все-таки досада.
И часовых проверить надо,
Да голову могу поднять едва».
Подумал и заснул. Весь лагерь спал,
А смерть, как боль, коварна.
И гибнут воины бездарно:
Беспечность у людей порой слепа.
На кораблях все спали мирным сном,
Дремала стража. Было тихо.
Давно закончилась шумиха,
Лишь Ярл, правитель Ульф, все пил вино.
Похоже, он сейчас не спал один,
В своей удаче был уверен.
И брат его короне верен.
А главное – победа впереди.
Но так тревожно было на душе.
Он смерть, как воду, пил глотками,
И знал: она не за горами,
А где-то рядом, подлая, уже.

И князю Александру не до сна.
С немногочисленной дружиной,
На шведов бросившись лавиной,
Уже готов был кровь пролить сполна.

Иван обсох, но ярость холодна:
Над ним поиздевались шведы.
Под хохот стрелы, словно беды,
Легли вдоль тела, как одна.
Дружинник Савва тоже не дремал –
Ивана заприметил сразу.
Плевок отбросил, как заразу:
«Вот, дурья голова! Сошел с ума.
Нелегкая несет тебя, малец.
Суешься в пекло, горемычный.
Птенец, ети его, тепличный,
Видать, уже сполна хлебнул, стервец!»

На лагерь шведов, словно черный мрак,
Внезапно опустились стрелы.
Отбросив страх поступком смелым,
Иван вперед рванулся. «Вот дурак!
Ох, припекло, коли пошел на смерть.
Осталось уповать на Бога,
Коль выпадает нам дорога
За Русь и живота не пожалеть».

Дружина князя, выехав из леса,
Сомкнула строй, ударив в центр стана.
И вздрогнул крик, как тело от пореза,
И пропитался силой урагана.
Мостки в воде, и помощь опоздала –
На кораблях дружину прозевали.
Подмога не придет. Надежды мало.
Осталось рыцарям отведать стали.
У Биргера теперь одна забота:
Схлестнуться в поединке с Александром.
И биться с ним до смертного исхода,
Чтобы убить, иль умереть недаром.
В руке Ивана меч: «Держитесь, гады!»
К шатру рванулся, да отстал от Саввы.
Но лучшей в сече не было награды,
Чем шведский рык от этакой расправы.
Упал шатер! «Ну, что ж, молитесь, каты!
Униженным в бою быть нынче битым!»
Вся боль Ивана жаждала расплаты,
И страх ушел, став вдруг кровопролитным.
Конь Биргера рванулся смертным «охом».
Конь Александра вырвался как ветер.
Столкнулись в лоб, перекрестились вздохом
Две воли, два желанья, две веры!
Копье в лицо – и Биргер падал-падал...
А меч Ивана рвал врагов без счета.
«Мой Бог! отец упал! Молись же, падаль!»

Мечом, взмахнув с плеча, убил урода.
Пал на колени, а отец не дышит.
«О Господи. Прости мне прегрешенье.
Дай жизнь любви!» Любовь тоску не слышит,
Бросая в боль кровавое смиренье.

-6-

Брат ранен! Ярость Ульфа рвет и мечет,
Но страх есть страх, и нету больше веры.
А вот огонь войной увековечен,
Коль в алчности своей не знает меры.
И что ему до святости Ивана,
Что над отцом рыдает, как ребенок?
Есть безысходность в ярости дурмана,
И страх перед расплатой очень тонок.
Перед убийством все равны как дети,
Но лишь предательство снимает с духа латы.
И раз попав, как рыба, в эти сети,
Страданьем малодушие чреватю.

Иван пред Александром на колени
Упал, в грехе покаявшись суровом.
И пробежала ярость грозной тенью,
Но вылилась во вздохе Божьим словом.
«Тебя прощаю, коли бился честно!»
И Сава подтвердил: «Бедовый воин.
Себя он не жалел во имя чести.
Прощенья в покаянии достоин.

Достоин жизни, в ожиданье смерти.
Здесь нет предателей, здесь все герои».
Иван поднял глаза во взгляде смелом.
Увидел князь тоску, сказал: «Не скрою.
И я порой бываю грешен тоже,
Но уважаю искренность и честность.
Любовь к своей земле Ты дал нам, Боже,
А мне нужны и мужество, и верность».

Ну, а наутро корабли уплыли.
Ульф внутренне смирился с пораженьем.
Пусть не схоронят воинов в могиле,
Брат жив, и это было утешеньем.

Сон

-1-

В военной науке мечта, как короста,
Болезненна в вечном желанье мальчишки.
Отца удивить, правда, очень не просто,
Ведь жизнь узнается не только из книжки.
Сквозь боль и сквозь страх обретается вера.
Пусть меч пробуждает желание крови!
Но князь был ему уже сызмальства верен,
А жалость в жестокости прятать не внове.
Сквозь сито войны жизнь врачуют просторы
Под пристальным взглядом людей и дружины,
Ведь выпала честь быть жестоким и добрым,
А страх, как и храбрость, не спрячешь за спины.
В молитвах куется и смерть, и страданье,
А Русь – это дом, умирать в нем не страшно.
Вся сила души жжет в покорном молчанье
Пред Богом в слезах – остальное не важно,
Когда любишь жизнь и людей и свободу,
Когда не любим, и любим, и страдаешь,
Когда ты в молитвах понятен народу,
А лучших из лучших на смерть обрекаешь.

-2-

«Скажи мне, дядька Федор, почему
Стремится в бой и молодость, и старость?
Почто жизнь преподносит одному
И славу воина, и кровь, и святость?»
Наставник улыбнулся, как отец:
«В тебя, гляжу, сомнение закралось.
И пробудился воин, наконец,
И князь, а вера в истину осталась.
С ней и живи! Сквозь боль живи и страх,
А честь пребудет в памяти на веки,
Коли заронишь мужество в умах,
Любовь к Христу затронув в человеке.
Ведь завтра он на смерть пойдет с тобой
Во имя тех, кто жизнь тебе доверил.
И в сече той польется кровь рекой,
В ад, или в рай открыв убитым двери.
Коль победишь, ну, что ж, честь и хвала,
А если нет – то быть Руси под немцем.
Беда, как раскаленная игла,
Отравленной стрелой пронзает сердце.
Скажу, что будет участь не легка,
Коли оставишь пепел да обломки.
А победишь, то сохранят в веках,
Сей подвиг благодарные потомки».

-3-

«Смотри: ордынцы! Да еще с обозом,
Неужто косточки свои не разомнем?
Смешаем вошь поганую с навозом
Сначала стрелами, а под конец мечем».
Проснулись стрелы – началась потеха!
А ну-ка, хлопцы, жару наподдай!
Ужо! ордынцам стало не до смеха,
Кровь потекла на землю, как вода.
Рванулись кони прочь. Мечи из ножен!
Кузьма с замаха – по хребту и в крик.
Нет ничего для воина дороже,
Чем вопли обреченных в этот миг.
Полон отбили. Это ль не награда?
Не суть, что взяли в плен лишь одного:
С него и спросится. «Вяжите гада!», –
Вскипел Кузьма, ордынца пнув ногой.
Потом держал ответ за свой поступок,
Не выполнил приказ его отряд:
Ни с кем в бой не вступать! Да вышло глупо.
Кузьма хоть злился, но потупил взгляд.
Не правота – она сильнее страсти.
Приказ не дышло – он и есть приказ.
Князь был взбешен: «Порву, стервец, на части!»
–
Потом добавил. – Но не в этот раз.
Ордынцу все вернешь, отпустишь с Богом,
Прощение попросишь. Я сказал!

Молись, чтоб твой налет не вышел боком.
Не смей мне попадаться на глаза.
Наказан будешь, в том не сомневайся.
Разделишь с ополченцами судьбу.
И возмущаться лучше не пытайся,
Вся твоя прыть написана на лбу.
С ордынцами сражаться нам чревато:
Пусть хрупок мир, но им я дорожу.
Не быть Руси без них, а горе – плата,
И потому меча не обнажу».

-4-

Железным клином рыцарского войска
На русский плотный строй надвинулась
«свинья».
Вспорхнула стрел крылатая полоска,
Как над безмолвным лесом стая воронья.
«Клин» врезался в «Чело», топтал конями
Тела иных упавших. Что броне до стрел?
Рубилась плоть немецкими мечами,
И смерти ждал тот, кто еще был цел.
И умирали... умирали страшно.
Кузьма бессилен им помочь: «Эх! Княже мой!
Ты наказал, но так ли это важно
Пожертвовать в бою моею головой?
Не властен ты в сердцах над страхом смерти.
А ну-ка, черный крест, иди-иди ко мне!
Мечи взметнулись, и упали вместе

Два грешных воина ничком на красный снег.
Сквозь полк пробились немцы, но бедою
Над берегом взметнулся лес, как страшный сон.
Дамоклов меч повис над головою!
Строй братьев рыцарей был князем окружен.
И завертелась сеча! Треск от копий,
И звук мечей, и грозным львом взметнулся стяг.
Казалось, кровь убитых снег растопит,
Пока себе подобных убивать хотят.
Под князем рухнул конь... Эх, жалко друга!
А тот заржал призывно среди мертвых тел,
Потом затих, в глазах застыла мука.
«Не уберег любимца! Просто не сумел!»
Но смертный час, видать, пришел герою.
Он окружен! Копье врага метнулась в грудь!
Но кто-то князя заслони́л собою,
Взвыв по-звериному, мечем расчистив путь.
...Кузьма упал, он сделал все, что должен:
«Князь все же вырвался из мертвого кольца!
Я умираю... Странно... смерть, похоже,
В глаза взглянула грустно памятью отца».

-5-

А годы, в память падая, летят себе
Неслышимо, как в осень листопад.
И, на мгновение прервав свой Невский бег,
Вдыхая свежесть леса, князь все спал.
Сон был спасением! Но совесть не спала:

«А-а, это ты, Кузьма, ну, здравствуй.
Давай присядем, и, прошу, не помни зла».
«За приглашенье благодарствуй.
Не удивлен ли, княже, что к тебе пришел?
Ведь я убит, а жить хотелось.
И все-таки полез упрямо на рожон...
Страх перед смертью, а не смелость.
И знать теперь хочу: нужна ли эта смерть
Тебе была? Иль долг дороже:
Когда бедой война стучится в дверь,
Заигрывать с ордой негоже?»
Князь горько улыбнулся: «Говоришь – беда?
А что о ней ты знаешь, друже?
Ведь ты своею смертью жизнь другому дал,
Теперь она народу служит.
Руси! Своей я властью надышался всласть,
И помыслы ушли в седины.
Да, одиночеством на плечи давит власть,
А в битве смерть и жизнь – едины.
В душе есть истина. Она стара, как мир.
В молитве жаждешь утешенья...
Из двух зол выбирают меньшее, пойми,
Пусть даже это униженье.
Пока, Кузьма, хозяин будет у Руси,
Врагов ей нечего бояться.
И жив ее народ, хоть лютости вкусил.
Наступит время посчитаться.
Пока князья враждуют, без орды – никак,
Хоть и крута она не в меру.

Пусть сегодня это самый страшный враг,
Он уважает нашу веру».

Травы Куликова поля

-1-

Веками воевали мы за землю предков,
Ведь наша русская земля одна на всех:
Ласкает райскою травой и тешит веткой,
А горе в русской нищете согреет смех.
А вдовы нянчатся с детьми – взрастят дети,
И держат меч погибших дедов и отцов.
Цветет славянская душа на этом свете,
Цветком Божественным с березовым лицом.
Но вот в бою опять несется в гущу смерти,
И нету страха – лишь один кровавый звон.
И дети гибнут в этой самой круговерти,
В победном крике утолив предсмертный стон.
Века идут, а наш народ гордится ими!
Скажу, как есть, на сердце руку положая:
Не посрамила в ратной битве Божье имя,
России матушки славянская душа.

- 2-

А воин очнулся в грехах и слезах
Под небом, что памятью звездной
Склонилось над ним, обжигая глаза,
Застрав в них кровавой занозой.

От ран ослабел, но дышал, даже жил.
И смерть пировала победу.
А ветер-бродяга казался чужим,
Живых призывая к ответу.
Но что тут ответишь, коль сам убивал,
Коль сеча на доблесть богата,
Коль бешеной смерти крутил жернова?
А вот умирать рановато.
Но все это было, а страх – он сейчас,
Безжалостный и беспощадный,
Вгрызается в мозг и струится из глаз,
И тело становится ватным.
И боль, что проснулась в его голове,
Черна от кровавого шока.
А русские травы встречали рассвет,
Слезами скорбящего Бога.

-3-

Я не блаженный,
Но в поэзии я – ратник.
Не совершенный
в красоте, а в вечном – странник.
На Куликовом
Не стоял и не молился,
И Божьим словом
Не дышал... в крови не мылся.
Не сеял горе
Матерей во Имя Божье.

Не рвал в дозоре
Свой клинок из мирных ножен.
Не жаждал крови,
Умирая в чистом поле.
Не хмурил брови
От обид сиротской доли.
Я не блаженный,
Но блажен славянским духом.
Обыкновенный
Человек с московским слухом.
Я мчусь душою
Сквозь века, а в вечном – травы
Стоят стеною,
Как полки российской славы.

Пояс Богородицы (Стояние на Угре)

-1-

- Война – войной, но и она не вечна...
Прости, Господь, мирянам этот грех...
Ну, что тебе сказать? Оно, конечно,
И русичам досталось на Угре...

На утро лучники стеной стояли.
В томлении скучали пушкари,
От скуки ветер походя глотали,
Ведь голод – он не тётка, жжёт внутри.
А языки сильны мужицкой шуткой:
В ней проскользнёт порой и грех, и смех.
В строю стоять и радостно, и жутко,
Ведь умирать не страшно, если смел...
«Погодь, Илья, скажи-ка мне вначале,
Пока ещё не начал свой рассказ:
Неужто о бессмертии мечтали,
Геройство выставляя напоказ?
Ответь, почто любовь берёз да поля,
Тепло детей в натопленной избе,
Ты променял на воинскую долю?
Неужто не икалося тебе,
Где всё до боли близко и знакомо?

Скажи, Илья, калужская душа,
К семье не рвался в двух шагах от дома,
Ведь жизнь пошла по лезвию ножа?
Меж вами смерть с огнём играли в прятки,
Неровен час, сердешного убьют
В какой-нибудь кровопролитной схватке!
Ведь для того кровь проливали тут.

«Моя земля – земля отцов и предков.
А с нею Бог! Мы верою сильны!
Рисуем нашей совестью нередко,
И гложет правда собственной вины.
Но у Святой Руси есть Божье Слово!
Сильны калужской совестью своей
Её сыны, и жизнь отдать готовы
За веру и за слёзы матерей».

-2-

Не широка Угра-река.
По берегам две грозных силы
К воде прижались, но пока
Начать сражение не спешили.
Молчали пушки третий день.
Их жерла сторожили броды.
В глазах металась скукой тень
Да тучей жмурилась погода.
Ночь пронеслась тревожной тьмой.
Наутро двинулись татары.

От взрывов оживился бой,
Взбодрив и молодых, и старых.
Схлестнулись стрелы с двух сторон –
Смерть вынесла своё решение:
Поганым нанесла урон
Славянской вере в утешенье.
Рвануло в броды сгоряча
Татарской конницы бесстрашье,
Но смерть пришла не от меча,
И не от стрел кровавых даже, –
От нетерпенья пушкарей,
От застоявшейся тревоги.
...Поворотив своих коней,
Татары уносили ноги...
Через Угру им хода нет!
А выдержка славян известна.
В брод лезть на пушки – это бред:
Там от картечи смерти тесно.
А наша рать, смыкая строй,
Блестя доспехами, застыла,
Чтоб пушкарей прикрыть собой
От стрел, ведь пушки – это сила!

Угра-река не широка,
Но глубока любовью томной.
Течёт, красавица, в века
Калужской памятью народной.
Взглянул задумчиво Илья
В дыханье мирного заката:

«А на Руси Святой земля
Христовой верою богата!»

-3-

Достойным оказали честь!
У конников лихих одна дорога:
С мечём в руке, забыв про мечь,
Чтобы в запале не прогневать Бога,
В ночной глуши через Угру
Незримо просочиться ратной силе,
Чтоб не сошло татарам с рук
Коварство, разоренье и насилье.
Вселить в сердца поганых страх,
Врываясь грозной лавою в аулы,
Посеять панику в умах,
Навек смирить татарские разгулы
Собрался стрелянный народ.
Нас, верно, Богородица хранила.
И быстро двигалась вперёд
Путём окольным боевая сила.

Эх, погуляли удальцы!..
Да приключилась вот такая штука:
Нас поджидали стервецы, –
Аукнулась татарская наука
Потерей нескольких ребят.
Само собой, в аул рванулись с толком.
Я – в юрту! Ну, а в ней стоят

Мать с сыном. Сын рычит и смотрит волком.
Остановился я и... жду.
Передо мною мать и страх ребёнка!
И это было не в бреду,
А наяву... Накинулся мальчонка
И кулаками замахал,
Мать защищать пытаюсь... Божья сила!
Дитё, не знавшее греха!
Меня его отвага подкупила.
Мальчонку я к себе привлѣк
И бросил на пол, как бросают мусор:
- От смерти ты на волосок!
Убил бы, но молись, что не был трусом.
И пусть тебя ввергает дрожь,
В пучину страха, словно ту кобылу,
Знай, коль с мечѣм на Русь придѣшь,
В её земле найдѣшь свою могилу!
Порукой слову моему –
Мой щит и меч, моѣ благое дело.
А жив остался потому,
Что ты за мать свою вступился смело.

Рассвет студѣною рекой
Мне словно испытание готовил.
Но было на душе легко,
Что не пролил зазря татарской крови...
От мыслей воин устаѣт,
Пока приносит смерть всему живому.
Конь уносил меня вперед,

А сердце, вздрогнув, повернуло к дому...

«Тот грозный подвиг конницы
Сломил татар, – Илья нахмурил брови, –
А Пояс Богородицы,
Угра, была щитом славянской крови.
Нам не нужна чужая кровь.
Как сказано: не зарься на чужое!
Светла калужская любовь,
Ведь благородство на Руси – святое!

Две судьбы

-1-

«Лютует Петр, Царь всея Руси,
Налогов тьма, и отдавать их надо.
Жить в кабале уж больше нету сил,
Так где она, скажи мне, Божья правда?
Мужик – он что? Он – корнем от земли!
А в дом несет свои грехи да голод.
А тут, о Боже правый, корабли:
Мол, Русь без них, что без пшеницы колос.
А мужику жрать нечего. Беда..
Вот он и пьет: чуть что, так сразу – в морду.
В деревне драка – это завсегда...
А коль убил ? Тут из деревни – ходу
В леса, в болота. Так один конец:
Убьют иль сгинешь. Вот ведь незадача.
Хоть о семье подумал бы стервец:
Жена ведь пропадет, по мужу плача.
Ну, Бог бы с ним, а нам, вот, мужикам
В своей деревне жить какая польза?
Свести концы с концами, ну, никак!
И на поклон – вновь на коленях ползай,
Выклянчивай отсрочку за грехи.
Вот так, Иван... Пора пришла креститься.
Пойдем-ка спать, коль рыло от сохи.
Да не забудь святому помолиться.

-2-

«Послушай, горемычный, отдохнем,
Ведь целый день мнем ноги.
До деревеньки к вечеру дойдем.
Ну, что, свернем с дороги?»
Свернули, да под дубом вековым
Уселись Божьи люди:
«Эх, хорошо пошла».
«Так повторим?
Да и дела обсудим.
Ты вот скажи, Пахом, опять в бега?
Еще не надоело?
Сшибут бодливые рога...
И главное – за дело».
Пахом вдруг взвыл бессильем старика,
Заплакал горемыка:
«Я горе душегуба-босяка,
Поверь, полжизни мыкал.
Длинна была дорога, а людей,
Я убивал и мучил.
И гнал все угрызения вашей,
Как ветер гонит тучи.
И то сказать: в крови заматерел,
И жил спокойно с этим,
Пока в одном разбое, как на грех,
Глаза любимой встретил.
Но поздно дрогнула моя рука –

Любимая упала.
Клянусь, я встречи этой не искал,
Но вот она лежала.
Свою любовь в земле похоронил,
В березках у дороги.
И на могилке вдруг лишился сил, –
Лишь вспомнилось о Боге.
Душой молился, может, в первый раз,
Так яростно и горько,
Что слезы солью хлынули из глаз,
Сжигая сердце волка.
И вот тогда убивец и злодей,
Как перст, один остался.
Взмолился черной совестью своей,
А Бог не отозвался.

-3-

Уже не вспомню, где меня носило,
А на болоте ночь была черна.
Проснулся страх – его не вырвешь силой,
Вот и хлебнул отчаянья сполна.
Не утонул я в гиблом том болоте,
К нежданной встрече Бог меня хранил.
Упал в траву, как был, в грязи и поте,
А в теле грешном не осталось сил.
Поднял глаза и... вот она – родная!
Стояла в белом, молча, в двух шагах,
Платком любви слезинки утирая

С улыбкой на безжизненных устах:
«За что же ты меня убил, любимый?
А я-то, дура, так тебя ждала!
Почто ты ел кровавый хлеб, мой милый,
И на земле посеял столько зла?
Тебя прощаю! Я тебя прощаю!
И Бог простит, детей Своих любя.
А я Ему молюсь и уповаю,
Что ты когда-нибудь простишь себя».
Она исчезла, вся такая в белом,
Как ангел, о прощении моля.
А мои волосы покрылись мелом,
Как снегом покрывается земля.

-4-

Царь мучился: потеряна икона,
Что мать когда-то сыну отдала.
Россия содрогается от стона,
Прочь отвергая все его дела.
Но воля царская ведет его к сраженьям...
И вот они – России корабли.
Приветствуют ее своим рождением,
Пока геройство пушками палит.
Пока живет земля досужим слухом,
Пока душа березами шумит.
А люди, пропитавшись русским духом,
И в нищете останутся людьми.
Все было в жизни их, а сколько будет!

И сколько тягот вынести еще
Им предстоит, встав в строй кровавых судеб,
Не утруждаясь: будешь ли прощен?
Смердит в грехах российское упрямство,
Но даже в нем – вся слава мужика.
И пусть в его башке бунтует пьянство,
Но есть и вечное, наверняка!
Его земля, его леса и реки...
Пускай сегодня он бунтарь иль тать,
Но истина есть в русском человеке:
За Русь всегда он будет умирать.
А значит, будет бой и для Пахома,
А значит, будет бой и для Петра,
В смертельной схватке яростного грома,
В одном дыханье грозного «Ура!»
Двух грешников свела под знамя битва,
И, зная, Россия мучилась не зря,
Связав в едино две судьбы в молитве:
Судьбу Пахома и судьбу Царя.

Знамя

-1-

Штык в плоть врезался и рывком – наружу!
Стреляй! Коли! Убей! еще убей!
А это выворачивает душу.
Как трудно эту боль держать в себе.
Так прочь в огонь от этого кошмара.
Ивану уже было все равно:
«Ах, гнида, увернулся от удара!
Готовься, гниль, забыться вечным сном!
Рви эту сволочь! в пух и в прах, чтоб было,
Чтоб костью в горле стала ему Русь.
В руках солдат такая, братец, сила!
И этой силой я в тебя упрусь.
Упало знамя... Ах, ты мать честная!
Поднять святыню выпадает честь.
Эх, жизнь моя, соломинка лихая,
Пришла пора в бою беду отвести».
Иван рванулся, знамя взвилось в небо:
«Бей супостата!!», – заорал солдат.
Да пуля вдруг вонзилась в тело слепо...
На землю падал с алой кровью мат.
А вместе с ним опять упало знамя,
И в яму провалился вечный страх.
С соленых губ мольбой сорвалось: «Мама...», –
В глазах сгущая долгожданный мрак.

Земля сегодня захлебнется кровью,
Но тронет души павших Божий взгляд,
Ведь Русь крепка и верой, и любовью
К своим сынам, что жизнью не щадят.

-2-

«Ну что бежишь? Мой пистолет на взводе!
Ах, сукин сын! Меня убить?
Чихала моя вера на отродье.
Как не старайся, будешь бит.
Сегодня Божий я, и нету смысла
Томиться грешною душой.
Пусть моя смерть на мне свинцом повисла,
Я принимаю этот бой!
А знамя-то упало... Не порядок!
Ох, льется кровушка рекой.
Француз дурак, коль на святое падок.
Я знамя подниму и в – бой».
Князь знамя подхватил: «Не дрейфь, славяне!
За нами fleши! Враг бежит!
И пусть он убивать не перестанет,
Шалишь, паскуда, будешь бит!
Ура! Герои, в смерть бежим! Молитесь.
Живые гибнут... с нами Бог!»
Такой вот он бесстрашный русский витязь:
И милосерден, и жесток.
Взметнулось знамя к небу. Слева вспышка.
Князь падал на колени миг,

Чтоб свету улыбнуться как мальчишка,
Хоть в горле плакал детский крик.

-3-

«Кто рядом стонет? Отзовись»,
«Я это, князь. Иван... Я умираю».
«Смотри, Иван, какая высь!
И нет той выси ни конца, ни края.
Живет в ней русская душа,
И вольный дух славянского народа.
Порой по лезвию ножа
Сквозь вдовий крик проторена свобода».
«Ах, князь, уйми свой страстный пыл.
Поймут ли люди, что свобода – в вере?
Твою любовь развеют в пыль,
Коль перестанут жизнь по Богу мерить.
Лишь в Вечности найдешь покой,
Лишь в нем ты обретешь рожденье.
А небо, что над головой,
Придаст душе и силы, и смиренность».
«Недолго нам с тобой, солдат,
Уже коптить свой век на этом свете.
За что ты свою жизнь отдал?»
Иван задумался, потом ответил:
«Скажи, кто в вере не страдал?
Кто не любил в объятьях тьмы и света?
Ты – князь, а я простой солдат,
Да смерть на всех одна, как и победа».

«Что замолчал, солдат? Не смей!..
Ты умер? Знать, и мне дышать не долго.
Дано нам право умирать
Свободными в лихом бою, и только.
Герои гибнут на войне...».
Под страшный грохот Бородинской битвы
Лежать остались на земле
Два грешника, две правды, две молитвы.

Порт Артур

-1-

Проснулись мысли: «Все исчезнем в этом аде». Но он с улыбкою воскликнул: «С нами Бог! И будем смертью мы представлены к награде Покоем вечным... Ох, хандрю. Всему свой срок».

А обреченный Порт Артур дышал на ладан.

Досадный взрыв, и капитан упал как сноп.

«Я помогаю умирать своим ребятам,

И умираю сам. Увы, конец не нов.

А впрочем, братцы, погибаем за Россию,

Пусть враг силен, но мы-то... мы-то еще тут.

Ведь вера наша в смерти обретает силу,

А дни невзгод нетленной памятью придут

К тем, кто в победах славный подвиг не забудет,

Шагая в вечность по кровавому листу.

И болью будет жить в переплетенье судеб,

Пусть умирающий, но грозный Порт Артур».

-2-

«Для генералов наши жизни – мясо,

Жируют черти, бросив на убой.

Не повредились ли в рассудке часом,

Японцу сунув кость? Но я живой!

Еще живой. Мой страх исчезнет в смерти,
А пуля – дура, ей меня не взять.
Пускай подавятся той костью черти:
Я жизнь свою уже готов отдать!
Умойтесь кровью, крысы тыловые,
Вам жертвовать матросом не впервой.
А мы сегодня гордые и злые,
И будем жить молитвой и душой».
Рвануло тело взрывом в боль и слезы,
И в тихом крике светлый взгляд застыл.
А рядом обреченные матросы
Луженной глоткой надрывали рты.
Еще в огне дышала батарея,
Еще сквозь дым рвалось к врагу: «Огонь!»
И умирали люди, матеря,
Идя в бессмертие сквозь гарь и вонь.

-3-

Матрос молоденький был весь израненный...
Японцам с вызовом смотрел в глаза,
И смерти ждал, орудием придавленный,
Так и не сделав свой последний залп.

Накрыло взрывом всех, коверкая тела,
А он храбрился, будучи калекой.
Но смерть его к себе уже звала,
Рукой холодной закрывая веки.
Он прошептал едва: «Не трогайте. Я жив.

Умру, как все, мой час уже пришел». Японцы молча ждали, головы склонив, Пред мужеством испытывая шок. А он вдруг улыбнулся небу и земле, И взгляд его, как солнца луч, угас. И струйка крови, оставляя алый след, Дышала мужеством в последний раз.

-4-

Почетный плен – еще не смерть,
И не пятно российской славы.
А унывать в плену – не смей,
Вкусив предательство державы.
Что ж ты печален, старшина?
Тебе ль предательства стыдится?
Молись. Замучает вина,
Коль сердце в вере усомнится.
Ты жив! На кладбище смертей
Храни российскую берлогу.
И жизнь свою любить умей,
Молитвою взывая к Богу.
Ты восхитил японский дух,
Снискав в бесстрашье уваженье,
Но жив остался на беду,
Смирив гордыню в униженье.
Роптать в бессилие не смей –
Хоронят с почестью матросов,
Не как скотов, а как людей.

Будь мужиком, не шмыгай носом.
Прими же истину, как есть:
За жизнь твою мертвы другие.
А для матроса это честь,
Ну, а для памяти – святые.
Не смей себя корить. Лежи,
Не мучься совестью бесплодно.
Ведь, коли ты остался жив,
Так было Господу угодно.

Цусима

-1-

«Что, славяне, страшно?
Бросились в ругательство.
Умирать отважно –
Плата за предательство».
«Страх оно – конечно,
Ваше благородие.
Перед смертью здешней
Не раскисли, вроде бы».

«Ну, что же? Не беда
Пить страх, да сердце ноет.
Кто много повидал,
Оставит смерть в покое.
Но только, вот, за что
Умрем на поле боя?
Неужто дело в том,
Что прогневили Бога?
Что Он о нас забыл,
А значит, нет прощенья?
Тот, кто войною жил,
Найдет ли утешенье?»
«Ну, что ответить мне,
Как успокоить душу?
Позора в правде нет,

Коль клятву не нарушил.
Придется – так умру!
Как вы, я смерти стою.
Ваш командир не трус,
Разделит вашу долю.
Трус вынужден всегда
Влачить свой век в позоре.
А истинный солдат
Силен молитвой в горе.
Трус почему так слаб? –
Безбожник в полной мере.
В крови вершит дела
И ненадежен в вере,
Свет превращая в прах.
И это-то чревато.
Народ погряз в грехах,
А мы – его расплата».

-2-

Его душила рвота в первый раз
От вида тел. Их взрывом разбросало.
В агонии смертельной без прикрас,
Кровоточа, лежали, как попало.
Орудия вымучивали смерть,
Возмездия желали жерла пушек.
И он рванулся, воплощая месть,
В страдание раздавленных игрушек.
Он был своей отвагой утомлен,

Порыв японский превращая в пепел.
Остервенев вконец, топил огнем
Бесстрашие самураев в водном склепе.
Еще дышала жизнь в его груди,
Еще рвалось желание в бессмертье,
В кровавой воле мужество родив.
Он вопреки был жив! И жаждал смерти.
Потом был страшным взрывом оглушен,
И долго падал в пропасть ожиданья.
И перед этим небом был смешон
В беспомощности детского дыханья.
Пришел в себя, молился в страхе: «Жив».
И не хотелось умирать так глупо.
Не лучше ль быть беспомощным во лжи,
Чем жизнь свою отдать до боли тупо?
А жизнь – она у каждого одна,
Хоть и была в кровопролитье серой.
«Пускай Цусима смерть готовит нам.
Но мы живем и умираем с верой!»

-3-

«Ну, право слово, как малой...»
Их благородие скрутило
Взахлеб железкой той шальной.
Упрямый дух! Япона сила!
На мостике, как истукан,
Стоял, пока не зацепило.
Но уважение снискал!

Да, слава Богу, не убило.
«Вы что творите, вашу мать?
Что ж вам нейдет в лапах чести?
За что хотите жизнь отдать?
Коль умирать, так с нами вместе!
И нам нейдет снова в бой –
Пусть смертью сыты мы по горло.
Вон старшина, едва живой,
А в пламя рвется, хоть немолод.
Пожар потушим, ничего,
И будем рвать японцам глотку.
Еще две пушки жгут огонь,
Глотая дым, как горло водку.
Так дайте совести приказ,
К нам проявите уваженье!
И может быть в последний раз,
Развейте подлое сомненье».
«Что вам сказать, мои друзья,
И я, бывает, тоже трушу.
За страхом прятаться нельзя,
Не ровен час простудишь душу.
Кому охота умирать,
Глотая смерть японской свары,
Бросая кровь в морскую гладь,
Как наше мужество в пожары?
Рвем свою душу впопыхах,
Зажатые тисками мщенья.
Война ведь – это от греха,
Тогда как вера – от прощенья.

Пусть от смертей в глазах рябит,
Отбросьте в сторону усталость.
И к пушкам – марш! японцев бить,
Чтоб мало им не показалось».

Путь к вере

-1-

Живи сегодня, как ты жил вчера.
Остановись, мгновенье, ты прекрасно!
Царь далеко, а твой окоп – дыра,
А смерть в такой дыре всегда ужасна.
Но умирает за Царя солдат!
Андрею эта истина знакома.
Два года кормит вшей его булат,
Два года нянчит смерть вдали от дома.
А Царь ведь есть оплот всея Руси,
Такой могучей, вечной, неделимой.
А за него солдат кричать осип:
«Ура!», - оставив на прощанье снимок
Своей семье. Да дети ли поймут
Как то мгновенье разбивает судьбы?
И ты забыл домашний свой уют,
Но поцелуй его напомнят губы,
Шепнув пред смертью: «Господи, прости.
Остановись, мгновенье. Умираю».
А пуля за Царя уже в груди:
Слугу готовит к аду или раю.
А все же жив! Очнулся в той дыре,
Контуженный, трясущийся в ознобе.
Пищал как мышь, зажатая в норе,
И ощущал себя живым во гробе.

Остановись мгновенье! дай мне шанс
За веру, за Царя в живых остаться,
Или, молитвою стирая шум в ушах,
Дай перед смертью смерти не бояться.

-2-

А настоящий страх приходит после боя,
Когда ты понимаешь, что ты жив.
И только эта мысль осталась от героя,
И та травую скошенной лежит.
Огонь был ураганным, ну, а он, полковник,
Повел чужие жизни на убой.
Идя на смерть, здесь каждый совершает подвиг,
Беда лишь только в том, какой ценой?
И вот они лежат, все, кто с ним шел в атаку –
Весь цвет гвардейский, что не уберег.
Без веры – в этот ад не сделаешь и шагу,
А с верой... жизнь людей на смерть обрек.
«Но я же ведь могу молиться, я еще живой,
А с жизнью, как на грех, порой беда.
И мертвой тишиною кладбищенский покой
Терзает боль. И это навсегда.
А жизнь есть жизнь, и о себе подумать надо,
Хотя бы для начала просто встать,
Чтоб не лежать как столб и не буравить
взглядом
Небесной неги голубую гладь.
А облака легки в скольженье быстротечном,

И до чего же греет этот шелк...»
Полковник, вскрикнув, встал и, думая о вечном,
Обремененный совестью, пошел.

-3-

«Здравия желаю, господин полковник!»
«Ротмистр, вы живы? Боже мой!
Ах, голубчик, думал, вы уже покойник».
«Я так тоже думал, но – живой».
«Да, Андрей Семеныч, мы еще живые,
И умрем за веру в этот раз.
А у смерти нашей правила простые:
Долг перед Россией и приказ.
Ах, Андрей Семеныч, немцы – это немцы!
За народ погибнуть не грешно.
Ради этой мысли бьется наше сердце.
Но народ не с нами все равно.
Он уже проснулся, и не будет прежним –
Кучке генералов первый враг.
Сами посудите: голод, смерть, болезни...
Вот народ и забывает страх.
А они столкнутся! Гнев их будет страшен,
И прольется море крови зря.
Вот и остается в этой жизни нашей:
Умиреть за веру и Царя».

...Конница лавиной бросилась в атаку.
Взрыв! и под Андреем рухнул конь.

В проволоке «ахом» хоронил отвагу,
Плотный неприятельский огонь.
«Гвардии не стало, и теперь за что же
Кровь свою, полковник, проливать?»
И в бреду услышал: «Ах, голубчик, может,
Просто за Россию воевать?»»

-4-

«Отец Андрей, в селе ты третий год,
Тебя здесь любят, это так.
Но молчалив, скажи мне, от чего?
Ведь я пойму – годами стар».
«Ну, что тебе ответить, дед Пахом?
Меня ты на руках качал,
И в жизнь большую, в вечный мир грехов,
Крестясь, отправил на вокзал.
Мечтал военным стать – сбылась мечта.
Но по мечте прошла война,
Смерть, кровь и вши, и... стала жизнь пуста.
Но что тогда о ней я знал?
Ни стало гвардии, потом Царя,
Власть в свои руки взял народ.
Над миром встала новая заря,
А вслед за нею – хаос и разброд.
Судьба свела меня с большевиком,
И в спорах с ним я прозревал.
И прорастали в сердце глубоко
Его идейные слова.

И снова в мясорубку я пошел,
За власть рабочих и крестьян.
Поступок этот может быть смешон,
Зато божественен изъян.
Ведь Бог в грехах благословил народ,
Хотя народ Его отверг.
В кровавой сече выстрадал урок,
Но через Бога жаждал свет.
А вот и кладбище... Зайдем туда».
Отец Андрей прервал рассказ.
И в памяти пошел через года –
Уже походкой старика.

-5-

Андрей вскочил в седло, коня послал в галоп,
Луженой глоткой выстрелил: «За мной!»
И вся дивизия за ним, срывая зло,
В прорыв рванулась конною стеной.
Вдруг от шальных разрывов вздрогнула земля,
Но страх остался где-то позади.
«За мной! За мной!» – сквозь пули,
что пустились в пляс,
Сквозь жизнь и смерть – другого нет пути!
«А-а! сволочь белая, бежишь? За мной!
За мной!»

И сабли острием летят в людей.
И льется кровь, как в глотки красное вино,
И все тут превращаются в зверей.

Кровь кружит голову. Удар! Еще! Еще!
«Куда бежишь? Вот я тебя...ату!»
Ну, что ж ты, гадина, затвором щелк да щелк.
На! кучерявый. Встретимся в аду!
Какая конница?» «Да вон». «За мной! За мной!»
Затупим сабельки еще разок.
Ну, что дрожишь, сынок? А ну-ка, стой!
Пора испить тебе кровавый сок.
О Матерь Божия! Поручик, мать твою...
Пошел ты к черту, к дьяволу, бугай.
Ах, шкура белая, коль жив еще – воюй.
А ну-ка, братцы, сукам наподдай!
Однако, вырвались. Да-а, выдался денек.
Бойцов теперь осталось с гулькин нос.
Душа насытилась, от крови весь промок,
Да словно дуб ногами в землю врос.
Откуда ты, поручик, взялся? Бог ты мой.
Сумел восстать из мертвых, как и я.
Мне все осточертело! Хочется домой.
Еще дожить бы до такого дня».

-6-

Отец Андрей, подумав, сел на землю,
Достал платок, протер вспотевший лоб.
Был очарован соловьиной трелью.
Вдруг встрепенулся: «Было и прошло.
Была победа и была усталость,
И совесть, обагрённая войной.

В крови солдатской только и осталось
«Герою»: возвращение домой.
Пусть я живой, а вот друзей не стало:
Донос, арест, допросы, суд, расстрел.
Судьба хранила, но хлебнул немало,
Не понимаю, как остался цел.
И вот мой город, дом, моя квартира...
Вошел, и бросило «героя» в пот.
Везде погром, не топлено и сыро.
И что это в крови засохшей пол?
Подумалось: чего стою без толку?
На лестнице соседку чуть не сбил.
Она за мною кинулась вдогонку,
А я, споткнувшись, в снег упал без сил.
Она, подумав, села на скамейку,
Как, впрочем, это делала не раз.
Накинула на плечи телогрейку,
И начала кровавый свой рассказ:

- Любила Вас Настасья. Все скучала.
Бывало у окна стоит и ждет.
Была большой любительницей чая,
И как-то раз сидим, пьем чай, и вот...
В квартиру к нам врываются махновцы:
«А ну-ка, контра, золото давай!»
И бить нас стали пьяные уродцы.
Настасья одному плеснула чай.
В лицо из чашки. Он ее ударил.
И... застрелил. Потом они ушли.

Перед уходом матерились, твари.
Из дому все, что можно, унесли...
Настасью схоронили честь по чести,
Ну, вот, пожалуй, все. Ну, я пойду...

И не найдя в себе хоть каплю мести,
Я жил почти полгода, как в бреду.
Пил яростно! Камин да змей зеленый
Согрели сердце, а душа – в запой!
Я, беспробудным пьянством опаленный,
Ночами рвался в свой последний бой.
Однажды ночью, в пламени камина,
Предстал полковник, боевой мой друг:
«Ну, все, допился пьяная скотина!»
В глазах его я прочитал испуг.
И я на крик сорвался: «Да, полковник!
Я буду пить, пока не сдохну тут.
За что мы воевали, друг мой, вспомни?
За счастье всех! А люди мрут и мрут.
И убивают... рвут и убивают,
И где ж тот свет, что кровью обогрен?
В людей стреляем, словно в птичью стаю,
Плюем свинцом в Божественный закон».
«Голубчик мой, за всех я не в ответе.
Тебе скажу я так: весь мир – дыра.
Но есть и вера, любовь на свете.
И есть война, безумие и страх.
У нашей веры истина простая:
Свои грехи накапливая впрок,

Нельзя жалеть себя, жизнь пропивая,
Но – Божьим словом защищать народ».

Не сразу, но я понял: жизнь бесценна.
И я по Божьей воле принял сан.
Открылось мне, что слово драгоценно,
И что душа – Божественный кристалл.
Самоубийству нету оправдания,
Ведь это самый страшный грех...
В родной деревне, где в воспоминаньях
Уже давно терялся детский смех,
Я плакать в первый раз себе позволил,
И босоногой памятью дышать.
И в сельском колокольном перезвоне,
Оттаяли и сердце и душа».
Усталость сном баюкали березки.
Отцу Андрею было хорошо.
А дед Пахом вздохнул по-стариковски,
Перекрестился трижды, и пошел.

Блокадный Ленинград

-1-

Любовь, что грела род веками,
Еще пройдет через века, –
И будет жечь сердца стихами,
И болью радостной сверкать,
Как осень от тепла да в холод,
Как зов молитвы к небесам...
Как Ленинград в блокадный голод
От пайки хлеба на весах!

И в аде выживали люди,
Взвалив на плечи крест войны.
Их страх и жизнь пусть Бог рассудит,
От святости и до вины.
Пускай грехи живут со славой
В простой любви простых людей,
И греют в памяти кровавой
Славянским духом их детей,
Рожденных той святой любовью,
Что оправдает жизнь вдвойне
Крестом российским в изголовье
Напоминая о войне.
В осеннем сне осколок лета,
Огнем кружится под окном.
Его душой любовь согрета,

И щедро делится теплом.

-2-

В квартире холодно, знобит,
Вся городская жизнь покрыта льдом.
Ребенок, плача, у окна стоит
И слезы вытирает рукавом.
А рядом папы больше нет:
«Вчера из дома вышел и... упал.
Мне хлеб отдал, а сам не ел.
Я, испугавшись, громко крикнул: «Пап,
Возьми!» Но лишь расслышал: «Нет».
Он есть уже, наверно, не хотел.
Упал, лицом уткнувшись в снег.
А в нем опять лежало много тел.

И я взял хлеб... А он лежал.
Я спать пошел. Ему не нужен хлеб!
Я с плачем провалился в жар,
А хлеб его остался на столе...
Я все смотрю, как он в снегу
Еще лежит. Наверно, это грех?
Но так стоять я больше не могу,
Пап, извини, я на завод к сестре...».

-3-

В снарядах выживает город,
И люди в нем живут.
Здесь голодает даже голод,
А смерть и там, и тут.
На санках здесь везут замерших.
Здесь бредят наяву.
Здесь нет плохих или хороших –
Здесь совестью живут.
Мешком сидит в снегу бабулька,
Нет карточек! – война.
В руке еще торчит сосулька.
Воров не догнала.
Над ней солдат. Он хмурит брови:
«Молись, не пропадем.
Для внуков береги здоровье.
Вставай да и пойдем».
Они пошли жить ради внуков,
В столетия, в века.
И их шаги набатным звуком,
Звучали у виска.
Рукой мальчишка тер нещадно
Глаза в слепом стекле.
Смотрел на улицу, и жадно
Ел зачерствевший хлеб.
Встречал и провожал глазами,
Всех тех, кто жил в аду,
Кто не орал с трибун часами,

Беснуясь, как в бреду.
И будут Господом любимы
Рабочий и солдат.
Молись за них, непобедимый
Блокадный Ленинград!

На Берлин!

-1-

Ну, вот, как видишь, удержали высоту...
Чуть не отдали Богу душу.
Три дня без сна вгрызались в землю тут,
Зато и немцы сели в лужу.
Им оказалась высота не по зубам,
Хоть нас утюжили снаряды.
А я молился и грешил – ну, все, труба!
Но живы вот, хоть и помяты.
Петро, как сумасшедший, рвется в бой,
Его контузило по полной.
Напротив немец плачет, гад! Еще живой.
Герой, ети его... Но – полно.
Пускай живет. Молись же Богу, немчура,
Не все ж Россию мять ногами.
Петро тебя бы разорвал, но в главном прав:
Вас надо гнать под зад пинками.
Но дайте срок: погоним! Позади Москва...
«Петро! поднимем бедолагу.
Ты пыл охолони, шальная голова,
Ведь лютость не прибавит шагу.
Смотри, чудак, остались мы втроем.
В аду сам черт не разберется.
Коль больше некого, хоть этого спасем.
Глядишь, на небесах зачтется».

-2-

Схватив гранату, кинулся под танк,
Последний из живых, последний из героев.
А рядом немца плоть корежилась от ран.
Здесь мертвых, наконец, оставили в покое.
А немец рвался в бой, ему – на Сталинград.
И вот он – Сталинград! И я с Денисом.
А смерть дошла до пуль, потом и до гранат,
Дошла и до штыков с нечаянным сюрпризом.
Бой выдохся и стих. Давила тишина,
Долбила по мозгам, не хуже, чем снаряды.
А после боя нам, ей-Богу, не до сна,
Хоть в уши немчура за день набила ваты.
Денис все рвался в бой, шутил, а сам – как мел:
«Ведь не убьешь – убьют,
а тут – в живот да в горло
Ножом или штыком, и с криком – в грудь тел.
Да кровь во рту у нас, похоже, встала колом.
Но коль пришла пора, мы будем убивать!»
Меня терзал озноб, его терзала рвота.
И пусть они не ждут пощады (вашу мать!),
А коли снова в бой, ну, что ж, в штыки, пехота!
Пускай Денис и я, привыкшие терять,
Кочуя по войне, не ели в досталь хлеба,
Мы живы и живем! Нам рано умирать.
За нами Сталинград! А выше – только Небо!

-3-

Дуга-то, Курская, на то она – дуга!
Тут танков! как в том поле тех цветов.
Здесь немцы выдохлись. Намяли им бока!
Ну, а солдат – он ко всему готов.
Что нас, что их уже ни запугать ничем.
В одной давилъне выживает страх.
И умирая, каждый молится: «Зачем?»
А вот живым дожить бы до утра.
Руслан благим орет: «Ты, твою мать, глухой?!»
Глухой, зараза, да на пару с немцем.
Ему под глаз фонарь поставил всей душой,
А он в отместку хватанул всем сердцем.
Вот жизнь ядреная! Столкнула нас лоб в лоб.
Дошло до кулаков, а злости нет.
А вот усталость есть, чтоб помнили по гроб,
Ту Курскую дугу и тот рассвет.
Я самокруточку свернул, отдал ему,
Он закурил, закашлялся да – в смех.
И, (что уж там?), смешно мне стало самому.
Мы унесли с собою этот грех.
Руслану я соврал: мол, поливал кусты.
Он только хмыкнул: «Ну, ты, брат, даешь!»
Махнул в сердцах рукой: «Крадемся
как кроты».
От этой правоты кидало в дрожь.

Дуга моей войны!.. Я немца мог убить,

Но через годы вспомню этот лес.
И, Господом клянусь, ту встречу не забыть.
Пусть моя правда о войне – мой крест.

-4-

Берлин в огне! За танками – пехота
От немцев очищает каждый дом.
Погибших тьма. Редает наша рота,
По окнам ошестинившись огнем.
Смерть, как орехи, колет наши жизни,
Вздыхнуть от ран, паскуда, не дает.
А ты, как то бревно, от страха кисни,
Покуда санитар тебя найдет.
Но мы уже у самого Рейхстага,
Да передышка охладила пыл.
Скорей бы эта кончилась бодяга,
Ведь немцы надоели как клопы.
Забились по щелям, ну, хоть, ты тресни,
Хоть кол ты им на голове теши.
А наш солдат силен хорошей песней,
Что о любимой льется из души.
Лицо Петра чуть тронула улыбка,
А взгляд Руслана нежен как река.
Денису все мерещится косынка
Любимой. Мне же – Курская дуга.
«Есть спирт, – сказал Петро.–
А может, вздрогнем?»
«Я – «за!», – сказал Руслан. – Всегда готов».

Денис вскочил: «Коль завтра не подохнем,
То будем пить за дедов и отцов!»
Жжет ветер рот: сегодня он колючий,
И каждый из друзей еще живой:
Петро, Руслан, Денис и я до кучи.
Молюсь за нас Ему! ведь завтра в бой.
А «завтра» в мир пришло кровавым шагом, –
Рванул на штурм наш маленький отряд.
И развернулось знамя над Рейхстагом,
А значит – умирали мы не зря!

Перекресток судеб

-1-

Душманы лезли на рожон,
Разгоряченные атакой.
В умах застрял смертельный звон,
От взрывов обостренный дракой.
А пули разрывали плоть
И чувства смешивали с кровью.
Ну, а штыкам – судьба колоть,
В припадке радуясь раздолью.
Трещал безумный автомат,
Скосив два тела под гребенку.
...А в двух шагах хранил закат
От пуль афганского мальчонку.
Он словно охранял свой дом,
Воспринимая смерть как воин.
И пусть кишлак был под огнем,
В своем упрямстве был спокоен.
Ивану, глядя на него,
Вдруг стало как-то одиноко.
И догляделся!.. Самого
От пули скрючило жестоко.
Он был последний из ребят,
Кого сразила месть душманов.
Остался весь его отряд

Лежать в пыли Афганистана.
А он, вот, видишь ли, живой,
Хотя порядочно изранен.
Не дышит смерть над головой,
Но весь в крови заложник раны.
В запасе есть один патрон –
Он искуситель в лапах смерти.
Да у души один закон:
Желанье жить на этом свете.
А умереть – то не в плену!
«В бою ведь выжил! Жизнь в движенье!
К чертям Афганскую войну,
Ведь пуля только искушенье.
Ты что уставился, пацан,
Какого хрена не поможешь?
Убить готов? Тогда я сам!
Еще в живых останусь, может?»
Иван пополз, хоть так страдал.
Раскаянье легло на плечи.
Куда ползет, еще не знал,
Но от молитвы стало легче.

-2-

«Аллаху слава! я живой,
И радуюсь закату.
А вот неверный весь седой,
Так поделом же гаду!
Никто не звал его сюда.

Ползет как черепаха.
Ему я уползти не дам.
Убью! Убью без страха!»
С земли он поднял автомат,
Недоброе замыслив.
...И грех его хранил закат,
Сокрыв смертельный выстрел.
Иван лишь дрогнул и затих,
А страх растаял быстро.
Мужчине с ним не по пути,
Ведь жалость – только искра.
Мальчишка тело пнул ногой:
«Одним неверным стало меньше.
Он мертв, а мой отец живой,
Да видимся все реже.
Он ведь герой! Храни, Аллах,
Его, чтоб не убили.
Пусть для войны еще я слаб,
Но моя вера в силе.
И, значит, убивать не грех,
Они ведь убивают!
А жить без веры – просто смех,
Стреляя в волчью стаю.
Покончить с русскими пора!
Аллах готовит к битве,
Чтобы мужчине умирать
Без страха и в молитве.

-3-

«О Господи! – Олег застыл. –
Мальчишку зацепило взрывом!»
И в страх ушел кровавый пыл,
Забившись в сердце сиротливо:
«Коль дома вот такой малец
Вот так же заорет от боли...
А я ведь сам уже отец.
Кто ж пожелает такой доли?...»
Стремглав к мальчишке подбежал,
Схватил в охапку, как игрушку.
К груди, кровавого, прижал,
Поцеловав мальчика в макушку.
В селенье бережно понес
Живую плоть Афганистана...
Кровь пацана, как сок берез,
Из перебитых ног хлестала.
Ну, а душман, его отец,
Хотел стрелять, но сердце взвыло:
«Ребенка-то зачем, стервец,
Несет? – да совесть зацепила. –
Ведь он спасает сыну жизнь!
Ведь не убил его как зверя!
Хотя и сам-то еле жив,
Свои шаги под смертью меря.
Заносит в дом, иду за ним,
Пора пришла ему молиться.
Ведь, если что, покончу с ним,

Заставлю кровушки напиться».
Олег в сердцах перевязал
Бинтом мальчишеские раны.
И заспешил, как на вокзал,
В бой, что так жаждали душманы.
Ушел неверный, а отец
Не поднял руку «на убийцу».
Искрился мужеством гордец,
И беззащитен был как птица.

-4-

Олег увидел, как погиб,
Кто был в Афгане лучшим другом.
Судьбы безжалостный изгиб,
Скрутил в порыве нервы туго.
А ведь убийцей был малыш,
Ребенок, чтоб его задрало!
От взрыва запищал какмышь,
И только кровь из ног хлестала.
Он к свету руки протянул,
С лихвой изведал горькой доли,
И эти несколько минут,
Отца на миг лишили воли.
Сын звал на помощь. Детский плач
Стальное сердце рвал на части.
И умирал в душе палач –
У мести нет над чувством власти!
Схватил ребенка... Задышал

Мороз над автоматным дулом.
Но, успокоившись, душа
Отцовской нежностью кольнула.
И злость заклокотала вдруг,
И миротворцу стало горько.
«На этом чертовом пиру,
В конце концов, спасу ребенка!»

Да, русский, в вере зная толк,
В спасенье жизни безрассуден.
И, с честью выполняя долг,
Миролюбив вершитель судеб.
А смерть героя – Божий дар!
Его в огонь сорвало веком.
Он честь России не предал –
И умирает человеком.

-5-

В адском пламени ныла душа,
В пули кинулся русский солдат.
Грудью шел светлый дух на закат,
И виски разрывал каждый шаг.
Вот он – враг, искуситель детей!
Задохнулись в рычанье слова.
Умирать за собою не звал,
Но и трусом прослыть не хотел.
И увлек за собою бойцов,
В этот страшный безумный бросок.

Ветер яростно вздыбил песок,
Задышал, обжигая лицо,
И кровавою пеной омыл
Мысли тех, кто так рвался вперед.
Только враг, огрызнувшись на взвод,
Встретил шквальным огнем горемык.
И ломались они как слюда,
Но бежать продолжали вперед.
Огрызнувшись, заглох пулемет –
Кто-то с ходу ему наподдал.
А граната, ведь ей все равно,
Разлетелась и – в клочья тела.
Видно злость трехпудовой была.
Пулеметчик задергался сном,
И затих, словно в поле трава,
Головою прижался к земле.
Ведь в бою вся любовь лишь во зле,
Да в телах, что лежат как дрова.
Дальше больше: орет тишина,
Смерть крадется из каждой щели.
Над расплавом Афганской земли
В небе падалью пахнет война –
Ей растоптана каждая мать.
Ложь во имя бредовых идей!
Ведь когда убивают друзей,
Не умеет солдат не стрелять.
У славянских доверчивых глаз,
Добротою искрятся года.
Пусть не званым пришел он сюда,

Но солдат выполняет приказ.
Для Олега закончился бой,
Голос, вдруг надломившись, осип.
Умирая, у неба спросил:
«Ну, а как там спасенный? Живой?»
...Гнев мальчишки был лютым к врагу,
Но разжались в порыве уста,
И дрожащих молитвенных губ
Вдруг коснулась десница Христа.

Чеченский привал

-1-

Чеченцу не до сна, в душе тревожно.
За жизнь свою и убивать не грех
Себе подобных. Но порою тошно,
Когда твой дух в убийствах не окреп.
Когда ты, повзрослев, еще мальчишка,
Тебя бодрит пугающий туман.
И, словно незадачливый ворюшка,
Нырнул невинной совестью в обман.
Красть жизнь людей у памяти не просто,
Ведь ты стреляешь в души матерей.
И выпиваешь кровь людей за тостом,
Такой пугливый серый воробей.
Аллаха ты не молишь о прощенье...
Но вот беда – рассеялся туман,
И на коленях просишь в униженье
Пощады, за слезами скрыв обман.
Потом стреляешь в спину от испуга
Своей дрожащей детской рукой.
А вера предков для тебя порука:
Коли убьешь, останешься живой.
Убил – своим поступком вызвал жалость,
Жизнь своровал у русских матерей.
И ничего святого не осталось –
Стал хищником пугливый воробей.

Мальчишество твое покрыто слизью,
Ты у души украл чужую плоть.
Тому, кого убил, обязан жизнью!
Молись, что бы тебя простил Господь.

-2-

Ох, если б не туман, назад нашли б дорогу,
Но заблудиться было суждено.
Наш лейтенант, нахмурившись, забил тревогу:
«С дороги, видно, сбились, и давно.
Что ж, мужики, привал.

И чтоб смотреть мне в оба!

А ты с костром, Егор, не озоруй!
Ну, а тебя, Петров, касается особо:
Беспечность в нашем деле не к добру».
Расслабились бойцы в объятиях тумана,
И то сказать: не видно в двух шагах.
А он, как лучший враг, воистину коварно
Наш не заметно убаюкал страх.

Туман уполз под скрюченные елки...
А группа – в окружении врага!
Мы испытали шок! Но что в смятенье толку,
Коль «духи» оказались в двух шагах?
Да, ситуация... Бывает ли глупее?
Но лейтенант испугом пренебрег.
Взревел: «Что сделать с нами смерть сумеет,
Коль с нами Бог? А ну, за мной! Вперед!»

А мужики такому бою рады.
Славянский рев рванулся на врага...
Чеченец на коленях умолял: «Не надо!»
Убить его не поднялась рука.

Товарищ лейтенант, душа твоя Христова,
Ты мимо пробежал, жизнь пожалев.
И «Отче Наш» читал... Да пуля жалит слово –
Чеченец в спину выстрелил с колен.
Ты на него взглянул и только улыбнулся,
В глазах морской волной лучилась синь.
Твой взгляд его обжог, он в страхе отвернулся,
А ты шепнул последнее: «Аминь».

-3-

Мы убивали – это так.
Мы погибали – это правда.
Чеченец был не друг, а враг.
А кровь врага – всегда награда
За смерть товарищей своих.
Перед Христом в ответе души.
Но для любимых и родных
Российский воин самый лучший.
Он, закаленный, словно сталь,
Лежит в земле за чьи-то деньги.
А тот, давящий на мораль,
Грыз судьбы во хмелю, как гренки.
И что ему чужая смерть,

Когда коньяк течет по венам?
Ведь можно совесть не иметь,
Но долгом прикрывать измену,
Чтоб жировать: он так воспитан.
И может ли с него быть спрос,
Когда безбожием пропитан
И шерстью подлости зарос?

Но коль со смертью ты знаком,
То умирать за Божью веру,
Когда лишь ад вершит закон –
Совсем не миф и не химера!
А искушенье – пуля в лоб.
А погребенье – чья-то воля.
Ведь жизнью жертвовать вздохлѐб –
Как съесть в агонии пуд соли.
И нервы ходят в неглиже,
Забито злобою смиренье.
И в сердце веры нет уже,
А есть к убийству вдохновенье,
Когда словам Христа не внял
В пылу непримиримой битвы...
Так пусть на линии огня,
В веках не встретятся молитвы.
Душа пред Господом чиста!
И, проявив в бою усердые,
Мы шли дорогою Христа
От мужества до милосердыя.

СОДЕРЖАНИЕ

Размышления о поэте и поэзии 3

Для Бога и людей 7

Солдат.....	8
Живые имена	10
Молись, пехота	11
Фронтовик.....	12
Пехота.....	13
Навстречу смерти	14
Дорога войны.....	15
Не забывай	17
Начало.....	18
А я пойду	19
Политрук	21
Двадцать восемь	23
Совет.....	25
Подвиг	27
Ради людей.....	29
Правда.....	31
Грудью на дзот	33
Разговор по душам	36
По самой грани	39
Война	41
Для Бога и людей.....	43
Мать	46
Сапоги.....	49

Письма	51
Предатель	54
Сирота.....	57
Командировка	60
Знамя полка	63
Крик души	66
В песках Афгана	68
Афганский страх.....	69
Афганская совесть.....	70
Романов Сашка	71
Афганская боль.....	73
На войне как на войне.....	74
Небесные береты	75
Фотография	77
Усталость	80

Домой в Россию 81

Русская весна (минипоэма)	82
---------------------------------	----

Святая Русь 101

Все величие людей	102
В тишине души	103
Милосердие	104
Кресты и березы	106
Ведь ты мужик.....	107
Преодоление	108
За Богослужением	109

Заблудшая душа	110
Звонарь	111
Раскаяние.....	113
Разговор.....	114
В храме	117
Ответ	118
Во что же ты веришь.....	119
Напоминание	120
Кораблик	121
Ностальгия	124
Глубина.....	125
Вопрос	126
Переход.....	128
Постскрипtum	130
Возвращение к истине	132
Прикосновение	133
Не до шуток	134
Крестный ход.....	135
Обычный человек.....	137
Березовая осень	139
В поисках смысла.....	140
Пробуждение	141
Райский уголок	142
Расстояние любви.....	143
Искры любви.....	144
Горечь	146
Зачем.....	147
Случайная встреча.....	148
Крик	151

Возьму, да приеду	152
Запоздалая вина	153
Сестра	154
Может быть	157
Встреча двух поэтов	158
Душа поэта	159
Обида	160
Сердце Господа	161
Тайна женщины	162
Верность	163
В хлеву	164
Хомут	165
Вкус	166
Полет	167
Штык	169
Давай покурим	170
Разбег времени	171
Старый дом	172
Дураки	173
Предвкушение	174
Весна	175
Чувство	176
Вроде	177
Бабы слезы	178
Вина	179
Автомат	180
Часы	181
Поэт	182
Язык	183

Автобус.....	184
Ошибка	185
Молитва.....	186
Откровение.....	187
Молва.....	189
Двери	190
Случайная встреча.....	191
Материнская любовь.....	192
Любовь.....	194
Мудрость	195
Время	196
Мужик.....	197
Благая весть.....	198
Победитель.....	199
Двор	200
Зеркало России	201
Ты.....	202
Моя Россия.....	203
Полотно	204
Клубок	210
Людское эхо	211
Записная книжка.....	212
Ладони	213
Память	214
Небосвод.....	215
Любовь актрисы	216
Добрый совет	218
Новое рождение.....	219
Полет в память.....	220

Капли разлуки.....	221
Рождественский звон	222
Любовь поэта	223
Голос России.....	224
Крик души	225
Вопреки совести	226
Как слеза.....	227
Две стороны медали.....	228
Обман.....	229
«Я»	230
Беззаконие	231
Грех.....	232
Лист памяти	233
Просьба.....	234
Грех поэта	235
Нищета.....	236
Испуг.....	237
Падение любви	238
Разбег любви	239
Цветок надежды	240
Жена.....	243
Мама	244

**Третий Рим. Дорога, ведущая в Небо
(Поэма)..... 245**

Николай Михайлович Косых

Россия – Третий Рим

Редактор: Гревцев И.Д.

Дизайн обложки: Епихин М.Н.

(фото для обложки взяты из интернета)

Отпечатано в типографии «Принт-формула»,
г.Москва
Тираж 500 экз.